„Пров 49“

L'ÉTOILE POLAIRE

Iшк
Герцен

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА **1869** ГОДЪ

GENÈVE ET BALE
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1868

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1869

КНИЖКА ОСЬМАЯ

Женева, Вольная Русская Типографія,
Pré-l'Évêque, 40.

L'ÉTOILE POLAIRE

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1869

ИЗДАВАЕМАЯ

ИСКАНДЕРОМЪ и Н. ОГАРЕВЫМЪ

Да здравствуетъ разумъ!

А. Пушкинъ

КНИЖКА ОСЬМАЯ

GENÈVE ET BALE

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1868

II.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

(1867—1868)

I.

БЕЗЪ СВЯЗИ

II.

VENEZIA LA BELLA

III.

LA BELLE FRANCE

IV.

ЛОНДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА

(1853—1856)

I.

БЕЗЪ СВЯЗИ

I.

ШВЕЙЦАРСКІЕ ВИДЫ(*)

Лѣтъ десять тому назадъ, идучи позднимъ зимнимъ, холоднымъ, сырымъ вечеромъ по Геймаркету, я натолкнулся на негра, лѣтъ семнадцати, онъ былъ босъ, безъ рубашки и вообще больше раздѣтъ тропически, чѣмъ одѣтъ по лондонски. Стуча зубами и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ попросилъ у меня милостыни. Дня черезъ два я опять его встрѣтилъ, а потомъ еще и еще. Наконецъ я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ говорилъ ломанымъ англо-испанскимъ языкомъ, но понять смыслъ его словъ было не трудно.

— Вы молоды, сказалъ я ему, крѣпки, что-же вы не ищите работы?

— Никто не даетъ.

— Отъ чего?

— Нѣтъ никого знакомаго, ктобы поручился.

— Да вы откуда?

— Съ корабля.

— Съ какого?

(*) Небольшіе отрывки изъ этаго отдѣла были напечатаны въ *Колоколѣ*.

— Съ испанскаго. Меня капитанъ очень билъ, я и ушелъ.

— Что вы дѣлали на кораблѣ?

— Все — платье чистилъ, посуду мылъ, каюты прибиралъ.

— Что-же вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю.

— Да вѣдь вы умрете съ холода и голода, по крайней мѣрѣ навѣрно схватите лихорадку.

— Что-же мнѣ дѣлать? говорилъ негръ съ отчаяніемъ, глядя на меня и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода.

Ну, подумалъ я, была не была, не первая глупость въ жизни. "Идите со мной, я вамъ дамъ уголъ и платье, вы будете чистить у меня комнаты, топить камины и останетесь сколько хотите, если будете вести себя порядкомъ и тихо. Se no — no".

Негръ запрыгалъ отъ радости.

Въ недѣлю онъ потолстѣлъ, и весело работалъ за четырехъ. Такъ прожилъ онъ съ полгода; потомъ, какъ-то вечеромъ, явился передъ моей дверью, постоялъ молча и потомъ сказалъ мнѣ:

— Я къ вамъ пришелъ проститься.

— Какъ такъ?

— *Теперь довольно*, я пойду.

— Васъ кто нибудь обидѣлъ?

— Помилуйте, я всѣми доволенъ.

— Такъ куда-же вы?

— На какой нибудь корабль.

— За чѣмъ?

— Очень соскучился, не могу, я сдѣлаю бѣду если останусь, мнѣ надобно море. Я поѣзжу и опять пріѣду, а *теперь довольно*.

Я сдѣлалъ опытъ остановить его, дня три онъ подождалъ и во второй разъ объявилъ, что это сверхъ силъ его, что онъ долженъ уйти, что *теперь довольно*.

Это было весной. Осенью онъ явился ко мнѣ снова тропически раздѣтый, я опять его одѣлъ; но онъ вскорѣ надѣлалъ разныхъ пакостей, даже грозилъ меня убить, и я былъ вынужденъ его прогнать.

Послѣднее къ дѣлу не идетъ, а идетъ къ дѣлу то, что я совершенно раздѣляю воззрѣніе негра. Долго живши на одномъ мѣстѣ и въ одной колеѣ, я чувствую, что на нѣкоторое время *довольно*, что надобно освѣжиться другими горизонтами и физіономіями... и съ тѣмъ вмѣстѣ взойти въ себя, какъ бы это ни казалось страннымъ. Поверхностная разсѣянность дороги не мѣшаетъ.

Есть люди предпочитающіе отъѣзжать *внутренно*, кто при помощи сильной фантазіи и *отвлекаемости* отъ окружающаго — на это надобно особое помазаніе, близкое къ геніальности и безумію — кто при помощи опіума или алкоголя. Русскіе напримѣръ пьютъ запоемъ недѣлю-другую, потомъ возвращаются ко дворамъ и дѣламъ. Я предпочитаю передвиженіе всего тѣла передвиженію мозга, и круженіе по свѣту—круженію головы.

Можетъ отъ того, что у меня похмѣлье тяжело.

Такъ разсуждалъ я, 4 Октября 1866, въ небольшой комнатѣ дрянной гостинницы на берегу Невшательскаго озера, въ которой чувствовалъ себя какъ дома, какъ будто въ ней жилъ всю жизнь.

Съ лѣтами странно развивается потребность одиночества и главное тишины... На дворѣ было довольно тепло, я отворилъ окно... все спало глубокимъ сномъ, и городъ, и озеро, и причаленая барка, едва-едва дышавшая, что было слышно по небольшому скрыпу и видно по легкому уклоненію мачты, никакъ не попадавшей въ линію равновѣсія и переходившей ее то на право, то на лѣво...

... Знать, что никто васъ не ждетъ, никто къ вамъ не взойдетъ, что вы можете дѣлать что хотите, умереть пожалуй... и никто не помѣшаетъ, никому нѣтъ дѣла...

разомъ страшно и хорошо. Я рѣшительно начинаю дичать и иногда жалѣю, что не нахожу силъ принять свѣтскую схиму.

Только въ одиночествѣ человѣкъ можетъ работать во всю силу своей могуты. Воля располагать временемъ и отсутствіе неминуемыхъ перерывовъ — великое дѣло. Сдѣлалось скучно, усталъ человѣкъ — онъ беретъ шляпу и самъ ищетъ людей и отдыхаетъ съ ними. Стоитъ ему выйти на улицу — вѣчная каскада лицъ несется нескончаемая, мѣняющаяся, неизмѣнная, съ своей искрящейся радугой и сѣдой пѣной, шумомъ и гуломъ. На этотъ водопадъ вы смотрите какъ художникъ. Смотрите на него какъ на выставку, именно потому, что не имѣете практическаго отношенія. Все вамъ постороннее, и ни отъ кого ничего не надобно.

На другой день я всталъ ранехонько и уже въ 11 часовъ до того проголодался, что отправился завтракать въ большой отель, куда меня съ вечера не пустили за неимѣніемъ мѣста. Въ столовой сидѣлъ англичанинъ съ своей женой, закрывшись отъ нея листомъ Теймса, и французъ лѣтъ тридцати — изъ новыхъ, теперь слагающихся типовъ — толстый, рыхлый, бѣлый, бѣлокурый, мягко-жирный — онъ, казалось, готовъ былъ расплыться какъ желе въ теплой комнатѣ, еслибъ широкое пальто и панталоны изъ упругой матеріи не удерживали его мясовъ. Навѣрно сынъ какого нибудь князя биржи, или аристократъ деморкатической имперіи. Вяло, съ недовѣріемъ и пытливымъ духомъ продолжалъ онъ свой завтракъ; видно было, что онъ давно занимается и — усталъ.

Типъ этотъ, почти не существовавшій прежде во Франціи, началъ слагаться при Людовикѣ Филиппѣ и окончательно разцвѣлъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Онъ очень противенъ — и это можетъ комплиментъ французамъ. Жизнь кухоннаго и винпаго эпикуреизма не такъ искажаетъ англичанина и русскаго, какъ

француза. Фоксы и Шериданы пили и ѣли за глаза довольно, однако остались Фоксами и Шериданами. Французъ безнаказанно предается одной *литературной* гастрономіи, состоящей въ утонченномъ *знаніи* яствъ и питійствѣ при заказѣ блюдъ. Ни одна нація не *говоритъ* столько объ обѣдѣ, о приправахъ, тонкостяхъ, какъ французы; но это все фіоритура, риторика. Настоящее обжорство и пьянство француза заѣдаетъ, поглощаетъ... оно ему не по нервамъ. Французъ остается цѣлъ и невредимъ только при самомъ многостороннемъ волокитствѣ, это его національная страсть и любимая слабость—въ ней онъ силенъ.

—"Прикажете дессертъ?" спросилъ гарсонъ, видимо уважавшій француза больше насъ. Молодой господинъ варилъ въ это время пищу въ себѣ и, потому, медленно поднимая на гарсона тусклый и томный взглядъ, сказалъ ему: "я еще не знаю", потомъ подумалъ и прибавилъ: "une poire!"

Англичанинъ, который въ продолженіи всего времени молча ѣлъ за ширмами газеты, встрепенулся и сказалъ: "Et à moâ aussi!

Гарсонъ принесъ двѣ груши, на двухъ тарелкахъ, и одну подалъ англичанину; но тотъ съ энергіей и азартомъ протестовалъ: No, no! — ancune chose pour poire!" Ему просто хотѣлось пить. Онъ напился и всталъ; я тутъ только замѣтилъ, что на немъ была дѣтская курточка, или спенцеръ, свѣтло-коричневаго цвѣта и свѣтлые панталоны въ обтяжку, страшно сморщившіеся возлѣ ботинокъ. Встала и леди; — она подымалась все выше, выше, — и, сдѣлавшись очень высокой, оперлась на руку приземистаго своего мужа и вышла.

Я ихъ проводилъ улыбкой невольной, но совершенно беззлобной; они все-же мнѣ казались въ десятеро больше люди, чѣмъ мой сосѣдъ, растегивавшій, по случаю удаленія дамы, третью пуговицу жилета.

Базель.

Рейнъ—естественная граница, ничего не отдѣляющая — но раздѣляющая на двѣ части Базель, что̀ не мѣшаетъ нисколько невыразимой скукѣ обѣихъ сторонъ. Тройная скука налегла здѣсь на все : нѣмецкая, купеческая и швейцарская. Ничего нѣтъ удивительнаго, что единственное, художественное произведеніе, выдуманное въ Базелѣ, представляетъ пляску умирающихъ со смертью; кромѣ мертвыхъ здѣсь никто не веселится, хотя нѣмецкое общество сильно любитъ музыку, но тоже очень серьезную и высшую.

Городъ транзитный — всѣ проѣзжаютъ по немъ и никто не останавливается, кромѣ коммиссіонеровъ и ломовыхъ извощиковъ высшаго порядка.

Жить въ Базелѣ, безъ особой любви къ деньгамъ, нельзя. Впрочемъ вообще въ швейцарскихъ городахъ жить скучно, да и не въ однихъ швейцарскихъ, а во всѣхъ небольшихъ городахъ. "Чудесный городъ Флоренція, говоритъ Бакунинъ, точно прекрасная конфета... ѣшь—не нарадуешься, —а черезъ недѣлю намъ все сладкое смертельно надоѣдаетъ". Это совершенно вѣрно, что-же и говорить послѣ этаго о швейцарскихъ городахъ? Прежде было покойно и хорошо по берегу Лемана; но съ тѣхъ поръ, какъ отъ Вевея до Вето все застроили подмосковными и въ нихъ выселились изъ Россіи цѣлыя дворянскія семьи, исхудалыя отъ несчастія 19 Февраля 1861—нашему брату тамъ не рука.

Лозанна.

Я въ Лозаннѣ проѣздомъ. Въ Лозаннѣ всѣ проѣздомъ, кромѣ аборигеновъ.

Въ Лозаннѣ посторонніе не живутъ, не смотря ни на ея удивительныя окрестности, ни на то, что англичане ее открывали три раза : разъ послѣ смерти Кромвеля, разъ при жизни Гиббона и теперь, строя въ ней домы и виллы. Живутъ туристы только въ Женевѣ.

Мысль о ней для меня неразрывна съ мыслью о самомъ холодномъ и сухомъ великомъ человѣкѣ и о самомъ холодномъ и сухомъ вѣтрѣ — о Кальвинѣ и о бизѣ. Я обоихъ терпѣть не могу.

И вѣдь въ каждомъ женевцѣ осталось что-то отъ бизы и отъ Кальвина — которые дули на него духовно и тѣлесно, со дня рожденія, со дня зачатія и даже прежде — одинъ изъ горъ, другой изъ молитвенниковъ.

Дѣйствительно, слѣдъ этихъ *двухъ простудъ*, съ разными пограничными и черезполосными оттѣнками: савойскими, валійскими, пуще всего французскими — составляетъ основный характеръ женевца, хорошій, но не то, чтобъ особенно пріятный.

Впрочемъ я теперь описываю путевыя впечатлѣнія, — а въ Женевѣ — *я живу*. Объ ней я буду писать, отойдя на артистическое разстояніе...

... Въ Фрибургъ я пріѣхалъ часовъ въ десять вечера... прямо къ Zæhringhoff'у. Тотъ-же хозяинъ, въ черной бархатной скуфьѣ, который встрѣчалъ меня въ 1851 году, съ тѣмъ-же правильнымъ и высокомѣрно-учтивымъ лицомъ русскаго оберъ-церемоніимейстера или англійскаго швейцара, подошелъ къ омнибусу и поздравилъ насъ съ пріѣздомъ.

... И столовая таже, тѣже складные четырехугольные диванчики, обитые краснымъ бархатомъ.

Четырнадцать лѣтъ прошли передъ Фрибургомъ какъ четырнадцать дней! Таже гордость каѳедральнымъ органомъ, таже гордость цѣпнымъ мостомъ.

Вѣяніе новаго духа, безпокойнаго, мѣняющаго стѣны, разбрасывающагося, поднятаго эквинокціальными бурями 1848 года — мало коснулось городовъ стоящихъ въ нравственной и физической сторонѣ, въ родѣ іезуитскаго Фрибурга и піэтистическаго Невшателя. Города эти тоже двигались, но черепашьимъ шагомъ, стали лучше — но намъ кажутся отсталыми въ своей

каменной одеждѣ сшитой не по модѣ... А вѣдь многое въ прежней жизни было не дурно, прочнѣе, удобнѣе —она была лучше разочтена для *малаго* числа избранныхъ, и именно по этому не соотвѣтствуетъ огромному числу вновь приглашенныхъ — далеко не такъ избалованныхъ и не такъ трудныхъ во вкусѣ.

Конечно, при современномъ состояніи техники, при ежедневныхъ открытіяхъ, при облегченіи средствъ, можно было устроить привольно и просторно новую жизнь. Но западный человѣкъ, владѣющій мѣстомъ, довольствуется малымъ. Вообще на него наклепали, и главное наклепалъ онъ самъ — то пристрастіе къ комфорту и ту избалованность, о которой говорятъ. Все это у него риторика и фраза какъ и все прочее —были-же у него свободныя учрежденія безъ свободы, отчего-же не имѣть блестящей обстановки для жизни узкой и неуклюжей. Есть исключенія. Мало-ли что можно найти у англійскихъ аристократовъ, у французскихъ камелій, у іудейскихъ князей міра сего... все это личное и временное : лорды и банкиры не имѣютъ будущности, а камеліи наслѣдниковъ. Мы говоримъ о *всемъ свѣтѣ*, о золотой посредственности, о хорѣ и коръ-де-бале, который теперь на сценѣ и журуетъ — оставляя въ сторонѣ отца лорда Станлей, имѣющаго тысячъ двадцать франковъ дохода въ день, и отца того двѣнадцатилѣтняго ребенка, который на дняхъ бросился въ Темзу, чтобъ облегчить родителямъ пропитанье.

Старый, разбогатѣвшій мѣщанинъ любитъ толковать объ удобствахъ жизни, для него все это еще ново, *что онъ баринъ*, qu'il a ses aises, "что его средства ему позволяютъ, что это его не раззоритъ". Онъ дивится деньгамъ и знаетъ ихъ цѣну и летучесть, въ то время какъ его предшественники по богатству — не вѣрили ни въ ихъ истощаемость, ни въ ихъ достоинство — и потому раззорялись. Но раззорялись они со вкусомъ.

У "буржуа" мало смысла широко воспользоваться накопленными капиталами. Привычка прежней узкой, наслѣдственной, скупой жизни осталась. Онъ пожалуй и тратитъ большія деньги, но не на то, что надобно. Поколѣніе, прошедшее прилавкомъ, усвоило себѣ не тѣ размѣры, не тѣ планы, въ которыхъ привольно, и не можетъ отъ нихъ отстать. У нихъ все дѣлается будто на продажу, и они естественно имѣютъ въ виду какъ можно большую выгоду, барышъ и казовый конецъ. "Пропріетеръ" инстинктивно уменьшаетъ размѣръ комнатъ и увеличиваетъ ихъ число, не зная почему дѣлаетъ небольшія окны, низкіе потолки; онъ пользуется каждымъ угломъ, чтобъ вырвать его у жильца или у своей семьи. Уголъ этотъ ему не нуженъ, но на всякій случай—онъ его отнимаетъ у кого нибудь. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ устроиваетъ двѣ неудобныхъ кухни, вмѣсто одной порядочной, устроиваетъ мансарду для горничной, въ которой нельзя ни работать, ни повернуться, но за то сыро. За эту экономію свѣта и пространства, онъ украшаетъ фасадъ, грузитъ мебелью гостинную и устроиваетъ передъ домомъ цвѣтникъ съ фонтаномъ — наказаніе дѣтямъ, нянькамъ, собакамъ и наемщикамъ.

Чего не испортило скряжничество, то додѣлываетъ нерасторопность ума. Наука, прорѣзывающая мутный прудъ обыденной жизни, не мѣшаясь съ ней, бросаетъ на право и на лѣво свои богатства, но ихъ не умѣютъ удить мелкіе лодошники. Вся польза идетъ гуртовщикамъ и цѣдится каплями для другихъ, гуртовщики мѣняютъ шаръ земной, а частная жизнь тащится возлѣ ихъ паровозовъ въ старой колымагѣ, на своихъ клячахъ... Каминъ, который бы не дымился—мечта— мнѣ одинъ женевскій хозяинъ успокоительно говорилъ: "каминъ этотъ *только* дымитъ въ низу" т. е. именно тогда, когда всего больше надобно топить, и эта низа какъ будто случайность или новое изобрѣтеніе, какъ

будто она не дула до рожденія Кальвина и не будетъ дуть послѣ смерти Фази. Во всей Европѣ, не исключая ни Испаніи, ни Италіи, надобно вступая въ зиму писать свое завѣщаніе, какъ писали его прежде отправляясь изъ Парижа въ Марсель, и въ половинѣ Апрѣля служить молебенъ иверской божіей матери.

Скажи эти люди, что они не занимаются суетой суетствій, что у нихъ другаго дѣла много, я имъ прощу и дымящіеся камины и замки, которые разомъ отворяютъ дверь и кровь, и вонь въ сѣняхъ и проч. —но спрошу въ чемъ ихъ дѣло, въ чемъ ихъ высшіе интересы? *Ихъ нѣтъ*... они только выставляютъ ихъ для скрытія невообразимой пустоты и безсмыслія...

Въ средніе вѣка люди жили наисквернѣйшимъ образомъ и тратились на совершенно ненужныя и неидущія къ удобствамъ постройки. Но средніе вѣка не толковали о страсти къ удобствамъ — напротивъ, чѣмъ неудобнѣе шла ихъ жизнь, тѣмъ она ближе была къ ихъ идеалу, ихъ роскошь была въ благолѣпіи дома божія и дома общиннаго, и тамъ они ужъ не скупились, не жались. Рыцарь строилъ тогда крѣпость, а не дворецъ, и выбиралъ не наиудобнѣйшую дорогу для нея, а неприступную скалу. Теперь защищаться не отъ кого, въ спасеніе души отъ украшенія церквей никто не вѣритъ; отъ форума и ратуши, отъ оппозиціи и клуба, мирный гражданинъ порядка отсталъ; страсти и фанатизмы, религіи и героизмы, все это уступило мѣсто матеріальному благосостоянію, *а оно то и не устроилось.*

Для меня во всемъ этомъ есть что то печальное, трагическое — точно этотъ міръ живетъ кой-какъ въ ожиданіи, что земля разступится подъ ногами и ищетъ не устроиться, а забыться. Я это вижу не только въ озабоченныхъ морщинахъ, но и въ боязни передъ серьезной мыслью, въ отвращеніи отъ всякаго разбора своего положенья, въ судорожной жаждѣ недосуга,

внѣшней разсѣянности. Старики готовы играть въ игрушки, "лишь-бы дѣло не шло на умъ".

Модный оттягивающій пластырь — всемірныя выставки. Пластырь и болѣзнь вмѣстѣ, какая то перемежающаяся лихорадка съ перемѣнными центрами. Все несется, плыветъ, идетъ, летитъ, тратится, домогается, глядитъ, устаетъ, живетъ еще неудобнѣе, чтобъ слѣдить за *успѣхомъ* — чего? Ну, такъ за успѣхами. Какъ будто въ три-четыре года можетъ быть такой прогрессъ во всемъ, какъ будто при желѣзныхъ дорогахъ такая крайность возить изъ угла въ уголъ — домы, машины, конюшни, пушки, чуть не сады и огороды...

... Ну, а выставки надоѣдятъ — примутся за войну, начнутъ разсѣеваться грудами труповъ, лишь-бы не видѣть какихъ-то *черныхъ точекъ* на небосклонѣ...

II.

БОЛТОВНЯ СЪ ДОРОГИ И РОДИНА ВЪ БУФЕТѢ

. . . . . .

— Есть мѣсто въ Андерматъ?

— Вѣроятно будетъ.

— Въ кабріолетѣ?

— Можетъ быть, вы заходите въ половинѣ одинадцатаго...

Я смотрю на часы, три безъ четверти... и я съ чувствомъ какого-то бѣшенства сажусь на лавочку передъ кафе... Шумъ, крикъ, таскаютъ чемоданы, водятъ лошадей, лошади стучатъ безъ нужды по камнямъ, трактирные гарсоны завоевываютъ путешественниковъ,

дамы роются между саками... щелкъ, щелкъ, одинъ дилижансъ поскакалъ... щелкъ, щелкъ, другой поскакалъ за нимъ... площадь пустѣетъ, все разошлось... жаръ смертельный, свѣтло до безобразія, камни побѣднѣли, собака легла было середь площади, но вдругъ вскочила съ негодованіемъ и побѣжала въ тѣнь. Передъ кафе сидитъ толстый хозяинъ въ рубашкѣ, онъ постоянно дремлетъ. Идетъ баба съ рыбой. "Почемъ рыба?" —спрашиваетъ съ видомъ страшной злобы хозяинъ. Женщина говоритъ цѣну. — "Carrogna", кричитъ хозяинъ. — "Ladro", кричитъ женщина. — "Иди мимо старая чертовка".—Берешь что-ли разбойникъ?"— "Ну отдавай за *три венты* фунтъ" — "Чтобъ тебѣ умереть безъ исповѣди!" Хозяинъ беретъ рыбу, женщина деньги, и дружески разстаются. Всѣ эти ругательства одна принятая форма, въ родѣ вѣжливостей употребляемыхъ нами.

Собака продолжаетъ спать, хозяинъ отдалъ рыбу и опять дремлетъ, солнце печетъ, сидѣть дольше невозможно. Иду въ кафе, беру бумагу и начинаю писать, не зная вовсе что напишу... Описаніе горъ и пропастей, цвѣтущихъ луговъ и голыхъ гранитовъ — все это есть въ гидѣ... Лучше посплетничать. Сплетни отдыхъ разговора, его десертъ, его соя, одни идеалисты и абстрактные люди не любятъ сплетней... Но о комъ сплетничать?.. Разумѣется о предметѣ самомъ близкомъ нашему патріотическому сердцу—о нашихъ милыхъ соотечественникахъ. Ихъ вездѣ много, особенно въ хорошихъ отеляхъ.

Узнавать русскихъ все еще также легко какъ и прежде. Давно отмѣченные зоологическіе признаки не совсѣмъ стерлись при сильномъ увеличеніи путешественниковъ. Русскіе говорятъ громко тамъ, гдѣ другіе говорятъ тихо, и совсѣмъ не говорятъ тамъ, гдѣ другіе говорятъ громко. Они смѣются вслухъ и разсказываютъ шопотомъ смѣшныя вещи; они скоро знакомятся съ

гарсонами и туго съ сосѣдями, они ѣдятъ съ ножа, военные похожи на нѣмцевъ, но отличаются отъ нихъ особенно дерзкимъ затылкомъ, съ оригинальной щетинкой, дамы поражаютъ костюмомъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, такъ какъ англичанки за table d'hôt'омъ и пр.

Тунское озеро сдѣлалось цистерной, около которой насѣли наши туристы высшаго полета. Fremden List словно выписанъ изъ "памятной книжки", министры и тузы, генералы всѣхъ оружій и даже тайной полиціи отмѣчены въ немъ. Въ садахъ отелей наслаждаются сановники, mit Weib und Kind, природой и въ ихъ столовой ея дарами. — "Вы черезъ Гемми или Гримзель?" спрашиваетъ англичанка англичанку.—"Вы въ Jungfraublick'ѣ или въ Викторіи остановились"? спрашиваетъ русская русскую. — Вотъ и Iungfrau! — говоритъ англичанка. — Вотъ и Рейтернъ, министръ финансовъ, говоритъ русская...

. . . . . .

Intcinq minutes d'arret...
Intcinq minutes d'arret...

и все что было въ вагонахъ высыпалось въ залу ресторана и бросилось за столъ, торопясь съѣсть обѣдъ въ какія нибудь двадцать минутъ, изъ которыхъ дорожное начальство непремѣнно украдетъ пять-шесть, да еще прежде испугаетъ апетитъ страшнымъ звонкомъ и крикомъ: En voiture.

Взошла высокая барыня въ темномъ и ея мужъ въ свѣтломъ, съ ними двое дѣтей...взошла съ застѣнчивымъ, неловкимъ видомъ, бѣдно одѣтая дѣвушка, у которой на рукахъ были какіе-то мѣшечки и баульчики. Она постояла... потомъ пошла въ уголъ и сѣла, почти возлѣ меня. Зоркій взглядъ гарсона ее замѣтилъ; прорѣвъ съ тарелкой, на которой лежалъ кусокъ ростбифа, онъ спустился какъ коршунъ на бѣдную дѣвушку и

спросилъ ее : "что она желаетъ заказать?"—"Ничего", отвѣчала она и гарсонъ, котораго кликалъ англійскій клержиманъ, побѣжалъ къ нему... но черезъ минуту онъ опять подлетѣлъ къ ней и махая салфеткой, спросилъ ее : "Что бишь вы заказали?"

Дѣвушка что-то прошептала, покраснѣла и встала. Меня такъ и кольнуло. Мнѣ захотѣлось предложить ей чего нибудь, но я не смѣлъ.

Прежде чѣмъ я рѣшился, черная дама повела черными глазами по залѣ и увидя дѣвушку, подозвала ее пальцемъ. Она подошла, дама указала ей на недоѣденный дѣтьми супъ, и та *стоя*, середь ряда сидящихъ и удивленныхъ путешественниковъ, смущенная и потерянная, съѣла ложки двѣ и поставила тарелку.

Essieurs les voyageurs pour Ucinnungen onction, et tontuyx — en voiture!

Всѣ бросились съ ненужной поспѣшностью къ вагонамъ.

Молчать я не могъ и сказалъ гарсону (не коршуну, другому) : "Вы видѣли?"

— "Какъ-же не видать — это р у с с к і е".

III.

ЗА АЛЬПАМИ

. . . Архитектуральный, монументальный характеръ итальянскихъ городовъ, рядомъ съ ихъ запущенностью, подъ конецъ надоѣдаетъ. Современный человѣкъ въ нихъ не дома, а въ неудобной ложѣ театра, на сценѣ котораго поставлены величественныя декораціи.

Жизнь въ нихъ не уравновѣсилась, не проста и не удобна. Тонъ поднятъ, во всемъ декламація и декламація итальянская (кто слыхалъ чтеніе Данта, тотъ знаетъ ее). Во всемъ та натянутость, которая бывала въ ходу у московскихъ философовъ и нѣмецкихъ *ученыхъ* художниковъ; все съ высшей точки, vom höhern Standpunkt. — Взвинченность эта исключаетъ abandon, вѣчно готова на отпоръ и проповѣдь съ сентенціями. Хроническая восторженность утомляетъ, сердитъ.

Человѣку не всегда хочется удивляться, возвышаться душой, имѣть *тугенды*, быть тронутымъ и носиться мыслію далеко въ быломъ, а Италія не спускаетъ съ извѣстнаго діапазона и безпрестанно напоминаетъ, что ея улица не просто улица, а что она памятникъ, что по ея площадямъ не только надобно ходить, но должно ихъ изучать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все, особенно изящное и великое въ Италіи (а можетъ и вездѣ) граничитъ съ безуміемъ и нелѣпостью — по крайнѣй мѣрѣ напоминаетъ малолѣтство... Piazza Signoria, это дѣтская флорентинскаго

народа — дѣдушка Бонаротти и дядюшка Челини надарили ему мраморныхъ и бронзовыхъ игрушекъ, а онъ ихъ разставилъ зря на площади, гдѣ столько разъ лилась кровь и рѣшалась его судьба — безъ малѣйшаго отношенія къ Давиду или Персею... Городъ въ водѣ, такъ что по улицамъ могутъ гулять ерши и окуни... Городъ изъ каменныхъ щелей—такъ что надобно быть мокрицей или ящерицей, чтобъ ползать и бѣгать по узенькому дну — между утесами составленными изъ дворцевъ... А тутъ бѣловѣжская пуща изъ мрамора. Какая голова смѣла создать чертежъ этаго каменнаго лѣса, называемаго Миланскимъ соборомъ, эту гору сталактитовъ? Какая голова имѣла дерзость привести въ исполненіе сонъ безумнаго зодчаго... и кто далъ деньги, огромныя, невѣроятныя деньги!

Люди только жертвуютъ на ненужное. Имъ всего дороже ихъ фантастическія цѣли. Дороже насущнаго хлѣба, дороже своей корысти. Въ эгоизмъ надобно воспитаться также какъ въ гуманность. А фантазія уноситъ безъ воспитанья, увлекаетъ безъ разсужденій. Вѣка вѣры были вѣками чудесъ.

Городъ моновѣе, поменѣе историческій и декоративный — Туринъ.

— Такъ и обдаетъ своей прозой.

— Да, а жить въ немъ легче—именно потому, что онъ просто городъ, городъ не въ собственное свое воспоминаніе, а для обыденной жизни, для настоящаго, въ немъ улицы не представляютъ археологическаго музея, не напоминаютъ на каждомъ шагу Memento Mori, — а взгляните на его работничье населенье, на ихъ рѣзкій, какъ альпійскій воздухъ, видъ — и вы увидите, что это кряжъ людей бодрѣе Флорентинцевъ, Венеціанъ, а можетъ и постойчѣе Генуэзцевъ.

Послѣднихъ впрочемъ я не знаю. Къ нимъ присмотрѣться очень трудно, они все мелькаютъ передъ глазами, бѣгутъ, суетятся, снуютъ, торопятся. Въ пере-

улкахъ къ морю народъ кипитъ, но тѣ, которые стоятъ, не генуэзцы — это матросы всѣхъ морей и океановъ — шкиперы, капитаны. — Звонокъ тамъ, звонокъ тутъ — Partenza! — Partenza! — и часть муравейника засуетилась — одни нагружаютъ, другіе разгружаютъ.

IV.

ZU DEUTCH

... Три дня льетъ проливной дождь, выйти невозможно, работать не хочется... Въ окнѣ книжной лавки выставлена "Переписка Гейне" два тома. Вотъ спасенье, я взялъ ихъ и принялся читать впредь до расчищенія неба.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Гейне писалъ Мозеру, Иммерману и Варнгагену.

Странное дѣло — съ 1848 года мы все пятились, да отступали, все бросали за бортъ, да ежились, а кой-что сдѣлалось и все исподволь измѣнилось. Мы ближе къ землѣ, мы ниже стоимъ, т. е. тверже, плугъ глубже врѣзывается, работа не такъ казиста, черніе — можетъ оттого, что это въ самомъ дѣлѣ работа. Донъ-Кихоты реакціи пропороли много нашихъ воздушныхъ шаровъ, дымные газы улетучились, аэростаты опустились, и мы не носимся больше какъ духъ божій надъ водами съ цѣвницей и пророческимъ пѣснопѣніемъ, а цѣпляемся за деревья, крыши и за мать сыру землю.

Гдѣ эти времена, когда "юная Германія", въ своемъ "прекрасномъ-высоко" — *теоретически* освобождала отечество и въ сферахъ чистаго разума и искусства, покончивала съ міромъ преданій и предразсудковъ? Гейне было противно на ярко-освѣщенной морозной высотѣ,

на которой величественно дремалъ подъ старость Гёте, грезя не совсѣмъ складные, но умные сны второй части Фауста — однако и онъ ниже книжнаго магазина не опустился, это все еще академическая aula, литературные кружки, журнальные приходы, съ ихъ сплетнями и дрязгами, съ ихъ книжными Шейлохами въ видѣ Коты или Гофмана и Кампе, съ ихъ гетингенскими архіереями филологіи и епископами юриспруденціи въ Галле или Боннѣ. Ни Гейне, ни его кругъ, народа не знали, и народъ ихъ не зналъ. Ни скорбь, ни радость низменныхъ полей не подымалась на эти вершины — для того, чтобъ понять стонъ современныхъ человѣческихъ трясинъ, имъ надобно было переложить его на латинскіе нравы и черезъ Гракховъ и пролетаріевъ, добраться до ихъ мысли.

Бакалавры міра *сублимированнаго*, они выходили иногда въ жизнь, начиная какъ Фаустъ, съ полпивной и всегда какъ онъ съ какимъ нибудь духомъ школьнаго отрицанья, который имъ, какъ Фаусту мѣшалъ своей рефлексіей просто глядѣть и видѣть. Оттого то они тотчасъ возвращались отъ живыхъ источниковъ къ источникамъ историческимъ, тутъ они чувствовали себя больше дома. Занятія ихъ, это особенно замѣчательно, не только не были *дѣломъ*, но и не были *наукой*, а такъ сказать ученостью и литературой пуще всего.

Гейне подчасъ бунтовалъ противъ архивнаго воздуха и аналитическаго наслажденія, хотѣлъ чего-то другаго, а письма его совершенно *нѣмецкія письма*, того нѣмецкаго періода, на первой страницѣ котораго Бетина-дитя, а на послѣдней Рахель еврейка. Мы свѣжѣе дышемъ встрѣчая въ его письмахъ страстные порывы юдаизма, тутъ Гейне въ самомъ дѣлѣ увлекающійся человѣкъ — но онъ тотчасъ стынетъ, холодѣетъ къ юдаизму и сердится на него за свою собственную, далеко не безкорыстную измѣну.

Революція 1830 и потомъ переѣздъ Гейне въ Парижъ, сильно двинули его. Der Pan ist gestorben! говоритъ онъ съ восторгомъ и торопится *туда* — туда, куда и я нѣкогда торопился такъ болѣзненно-страстно — въ Парижъ; онъ хочетъ видѣть "великій народъ" и "сѣдаго Лафайета разъѣзжающаго на сѣрой лошади". Но литература вскорѣ беретъ верхъ, наружно и внутренно письма наполняются литературными сплетнями, личностями въ пересыпочку съ жалобами на судьбу, на здоровье, на нервы, на худое расположеніе духа, сквозь котораго просвѣчиваетъ безмѣрное, оскорбительное самолюбіе. И тутъ-же Гейне беретъ фальшивую ноту. Холодно вздутый риторическій бонапартизмъ его становится также противенъ, какъ брезгливый ужасъ гамбургскаго хорошо вымытаго жида передъ народными трибунами не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Онъ не могъ переварить, что рабочьи сходки не представлялись въ чопорной обстановкѣ кабинета и салона Варнгагена, "фарфороваго" Варнгагена фонъ Энзе, какъ онъ его самъ назвалъ.

Чистотой рукъ и отсутствіемъ табачнаго запаха, впрочемъ и ограничивается чувство его собственнаго достоинства. За это винить его трудно. Чувство это не нѣмецкое, не еврейское и по несчастію тоже не русское.

Гейне кокетничаетъ съ прусскимъ правительствомъ, заискиваетъ въ немъ черезъ посла, черезъ Варнгагена, и ругаетъ его(*). Кокетничаетъ съ Баварскимъ королемъ и осыпаетъ его сарказмами, больше чѣмъ кокетничаетъ съ "высокой" германской діэтой и вы-

(*) Не тоже-ли дѣлалъ и геній *на содержаніи* прусскаго короля? Его двуипостасность навлекла на него колкое слово. Послѣ 1848, король Гановерскій, ультра консерваторъ и феодалъ, пріѣхалъ въ Потсдамъ. На лѣстницѣ дворца его встрѣтили разные придворные и Гумбольтъ въ ливрейномъ фракѣ. Злой король остановился, и улыбаясь сказалъ ему: "Immer derselbe, immer Republicaner und immer im Vorzimmer des Palastes".

купаетъ свое дрянное поведеніе передъ ней ѣдкими насмѣшками.

Все это не объясняетъ-ли отчего учено-революціонная вспышка въ Германіи такъ быстро лопнула въ 1848 году? Она тоже принадлежала литературѣ и исчезла какъ ракета, пущенная въ Кроль-гарденѣ — она имѣла своихъ вождей-профессоровъ и своихъ генераловъ отъ филологіи, она имѣла свой народъ въ ботфортахъ и беретахъ, народъ студентовъ измѣнившихъ революціонному дѣлу, какъ только оно перешло изъ метафизической отваги и литературной удали на площадь.

Кромѣ нѣсколько забѣжавшихъ или завлеченныхъ работниковъ, народъ не шелъ за этими блѣдными *фюреры*, они ему такъ и остались посторонними.

— Какъ вы можете выносить всѣ обиды Бисмарка — спросилъ я, за годъ до войны, у однаго лѣваго депутата изъ Берлина, въ самое то время, когда графъ набивалъ себѣ руку для того, чтобъ повышибать зубы по крѣпче Грабова и К-ніи.

— Мы все сдѣлали что могли innerhalb конституціи.

— Ну такъ вы бы по примѣру правительства попробовали ausserhalb.

— То есть что-же? сдѣлать воззваніе къ народу, остановить платежи налоговъ?... Это мечта... *ни одинъ человѣкъ не двинулся бы за насъ*, не поддержалъ бы насъ... и мы дали бы новое торжество Бисмарку, свидѣтельствуя сами нашу слабость.

— Ну такъ и я скажу какъ вашъ президентъ при всякомъ заушеніи: "Воскликните троекратно Es lebe der Koenig! и разойдитесь съ миромъ!"

V.

СЪ ТОГО И ЭТОГО СВѢТА

I.

СЪ ТОГО

... Villa Adolphina... Адольфина?... что бишь такое?... Villa Adolphina, grands et petits appartements, jardin, vue sur la mer...

Вхожу—все чисто, хорошо, деревья, цвѣты, англійскіе дѣти на дворѣ, толстые, мягкіе, румяные, которымъ отъ души желаю никогда не встрѣчаться съ антропофагами... выходитъ старушка и спросивъ о причинѣ прихода, начинаетъ разговоръ съ того, что она не *служанка* "а больше по дружбѣ", что Mme Adolphine поѣхала въ больницу или въ богадѣльню, въ которой она патронесса. Потомъ ведетъ меня показывать "необыкновенно удобную квартиру", которая первый разъ еще не занята во время сезона и которую сегодня утромъ приходили осматривать два американца и одна русская княгиня, въ силу чего служащая "больше по дружбѣ" старушка — искренно совѣтовала мнѣ не терять времени. Поблагодаривъ ее за такое внезапное сочувствіе и предпочтеніе, я обратился къ ней съ вопросомъ : Sie sind eine Deutche?

— Zu Diensten, und der gnädige Herr?

— Ein Russe.

— Das freut mich zu sehr. Ich wohnte so lange, so lange, in Petersburg. Признаться сказать такого города кажется нѣтъ и не будетъ.

— Очень пріятно слышать. Вы давно оставили Петербургъ?

— Да не вчера таки, мы вотъ ужъ здѣсь живемъ на худой конецъ лѣтъ двадцать. Я съ дѣтства была подругой съ Mme Adolphine, и потомъ никогда не хотѣла ее покинуть. Она мало хозяйствомъ занимается, все у нея идетъ такъ, некому присмотрѣть. Когда meine Gönnerin купила этотъ маленькій *парадизъ*, она меня тотчасъ выписала изъ Брауншвейга...

— А гдѣ вы жили въ Петербургѣ? спросилъ я вдругъ.

— О мы жили въ самой лучшей части города гдѣ lauter Herrschaften und Generäle живутъ. Сколько разъ я видѣла покойнаго государя, какъ онъ въ коляскѣ и въ саняхъ на одной лошади проѣзжалъ — so ernst... можно сказать настоящій потентатъ былъ.

— Вы жили на Невскомъ, на Морской?

— Да, т. е. не совсѣмъ на Нефскомъ, а тутъ возлѣ, у Полицей-брюкѣ.

Довольно... довольно, какъ не знать, думаю я, и прошу старушку чтобъ она сказала, что я приду къ самой Mme Adolphine переговорить о квартирѣ.

Я никогда не могъ безъ особаго умиленія встрѣчаться съ развалинами давнишняго времени, съ полуразрушенными памятниками — храма-ли Весты или другаго бога, все равно... Старушка "по дружбѣ" пошла меня провожать черезъ садъ къ воротамъ. "Вотъ нашъ сосѣдъ, тоже долго жилъ въ Петербургѣ"... она указала мнѣ большой, кокетливо убранный домъ, на этотъ разъ съ англійской надписью: Large and small app. (furnished or unfurnished)... Вы вѣрно помните Флоріани? Coiffeur de la cour былъ

возлѣ Милльонной — онъ имѣлъ одну непріятную исторію... былъ преслѣдованъ, чуть не попалъ въ Сибирь... знаете за излишнее снисхожденіе, тогда были такія строгости.

Ну, думаю, она непремѣнно произведетъ Флоріани въ мои "товарищи несчастья".

— Да, да, теперь я смутно вспоминаю эту исторію, въ ней были замѣшаны синодскій оберъ-прокуроръ, и другіе богословы и гвардейцы...

— Вотъ онъ самъ.

... Высохшій, беззубый старичишка въ маленькой соломенной шляпѣ, морской или дѣтской, съ голубой лентой около тульи, въ коротенькомъ, свѣтло-гороховомъ полупальто и въ полосатыхъ штанишкахъ... вышелъ за ворота. Онъ поднялъ скупосухіе, безжизненные глаза и пожевывая тонкими губами, кивнулъ головой старушкѣ "по дружбѣ".

— Хотите я его позову?

— Нѣтъ, покорно благодарю... *я не по этой части* —видите бороду не брѣю... Прощайте. Да скажите пожалуста ошибся я или нѣтъ, у Monsieur Floriani, красная ленточка.

— Да, да—онъ очень много жертвовалъ!

— Прекрасное сердце.

Въ классическія времена, писатели любили сводить на томъ свѣтѣ давно и недавно умершихъ, за тѣмъ чтобъ они покалякали о томъ и о семъ. Въ нашъ реальный вѣкъ все на землѣ и даже часть *того свѣта на этомъ свѣтѣ*. Елисейскія поля растянулись въ Елисейскіе берега, Елисейскія взморья и разсыпались тамъ-сямъ по сѣрнымъ и теплымъ водамъ, у подножія горъ на рамкахъ озеръ, они продаются акрами, обрабатываются подъ виноградъ... Часть умершаго въ треволненной жизни отправляетъ здѣсь первый курсъ переселенія душъ и гимназическій классъ Чистилища.

Всякій человѣкъ, прожившій лѣтъ пятьдесятъ, схо-

ронилъ цѣлый міръ, даже два — съ его исчезновеніемъ онъ свыкся и привыкъ къ новымъ декораціямъ другаго акта — вдругъ имена и лица давно умершаго времени являются чаще и чаще на его дорогѣ, вызывая ряды тѣней и картинъ, гдѣ-то хранившихся, на всякой случай, въ безконечныхъ катакомбахъ памяти, заставляя то улыбнуться, то вздохнуть, иной разъ чуть не расплакаться...

Желающимъ, какъ Фаустъ, повидаться "съ матерями" и даже "съ отцами", не нужно никакихъ Мефистофелей, достаточно взять билетъ на желѣзной дорогѣ и ѣхать къ Югу. Съ Кана и Граса начиная—бродятъ грѣющіяся тѣни давно утекшаго времени; прижатыя къ морю — онѣ покойно сгорбившись ждутъ Харона и свой чередъ.

На порогѣ этой Citta, не то чтобъ очень dolente стоитъ привратникомъ высокая, сгорбленная и величавая фигура лорда Брума. Послѣ долгой, честной и исполненной безплоднаго труда жизни, онъ всѣмъ существомъ и одной сѣдой бровью ниже другой — выражаетъ часть Дантовской надписи : "Voi ch'entrate, *съ мыслью домашними средствами поправить застарѣлое, историческое зло* lasciate ogni speranza". Старикъ Брумъ, лучшій изъ вѣтхихъ деньми — защитникъ несчастной королевы Каролины, другъ Роберта Оуэна, современникъ Каннинга и Байрона, послѣдній, ненаписанный томъ Маколея — поставилъ свою виллу между Грасомъ и Каномъ, и очень хорошо сдѣлалъ. Кого было бы какъ не его поставить примиряющей вывѣской въ преддверіи временнаго Чистилища, чтобъ не отстращать живыхъ?

За тѣмъ мы en plein въ мірѣ умолкшихъ теноровъ, потрясавшихъ наши восьмнадцатилѣтнія груди лѣтъ *тридцать* тому назадъ — ножекъ, отъ которыхъ таяло и замирало наше сердце вмѣстѣ съ сердцемъ цѣлаго партера, ножекъ оканчивающихъ теперь свою карьеру

въ стоптаныхъ, собственноручно вязаныхъ изъ шерсти туфляхъ, пошленывающихъ за горничной изъ безцѣльной ревности и по хозяйству изъ очень цѣлеобразной скупости...

... И все-то это съ разными промежутками продолжается до самой Адріатики, до береговъ Комскаго озера и даже нѣкоторыхъ нѣмецкихъ водяныхъ *пятенъ* (Flecken). Здѣсь villa Taglioni, тамъ Palazzo Rubini, тутъ Campagne Fanny Elsner и другихъ *лицъ*... du prétérit défini et du plus que parfait.

Возлѣ актеровъ сошедшихъ со сцены маленькаго театра—актеры самыхъ большихъ подмостокъ въ мірѣ, давно исключенные изъ афишъ и забытые — они въ тиши доживаютъ вѣкъ Цинцинатами и Философами противъ воли. Рядомъ съ артистами, нѣкогда отлично представлявшими царей, встрѣчаются цари, скверно разыгравшіе свою роль. Цари эти захватили съ собой, какъ индѣйскіе покойники, берущіе на тотъ свѣтъ своихъ женъ, двухъ-трехъ преданныхъ министровъ, которые такъ усердно помогли имъ пасть и сами свалились съ ними. Въ ихъ числѣ есть вѣнценосцы освистанные при дебютѣ и все еще ожидающіе, что публика придетъ къ больше справедливой оцѣнкѣ и опять позоветъ ихъ. Есть и такіе, которымъ impresario историческаго театра не позволилъ и дебютировать —мертворожденные, имѣющіе *вчера*, но не имѣющіе *сегодня*—ихъ біографія оканчивается до ихъ появленія на свѣтъ; астеки давно ниспровергнутаго закона престолонаслѣдія—они остаются шевелящимися памятниками угасшихъ династій.

Далѣе идутъ генералы, знаменитые побѣдами одержанными надъ ними, тонкіе дипломаты, погубившіе свои страны, игроки погубившіе свое состояніе и сморщенныя, сѣдыя старухи, погубившія во время оно сердца этихъ дипломатовъ и этихъ игроковъ. Государственные фосили, все еще понюхивающіе та-

бакъ, такъ какъ его нюхали у Поццо ди Борго, лорда Абердина и князя Эстергази, вспоминаютъ съ "ископаемыми" красавицами временъ Mme Recamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибранъ и дивятся, что Патти смѣетъ послѣ этого пѣть... И въ тоже время люди зеленаго сукна прихрамывая и крехтя, полурасшибленные параличомъ, полузатопленные водяной, толкуютъ съ другими старушками о другихъ салонахъ и другихъ знаменитостяхъ, о смѣлыхъ ставкахъ, о графинѣ Киселевой, о Гомбургской и Баденской рулеткѣ, объ игрѣ покойнаго Сухозанета, о тѣхъ патріархальныхъ временахъ, когда владѣтельные принцы нѣмецкихъ водъ были въ долѣ съ содержателями игръ и опасный, средневѣковой грабежъ путешественниковъ — перекладывали на мирное поприще банка и rouge ou noir...

... И все это еще дышитъ, еще движется, кто не на ногахъ — въ перамбулаторѣ, въ коляскѣ укрытой мѣхомъ, кто опираясь вмѣсто клюки на слугу, а иногда опираясь на клюку за неимѣніемъ слуги. "Списки иностранцевъ" похожи на старинные адрессъ-календари, на клочья изорванныхъ газетъ "временъ наваринскихъ и покоренія Алжира".

Возлѣ гаснущихъ звѣздъ трехъ первыхъ классовъ — сохраняются другія кометы и свѣтила, занимавшія собою, лѣтъ тридцать тому назадъ, праздное и жадное любопытство, по особому кровавому сладострастью, съ которымъ люди слѣдятъ за процессами ведущими отъ труповъ къ гильотинѣ и отъ кучей золота на каторгу. Въ ихъ числѣ разные освобожденные отъ суда за "неимѣніемъ доказательствъ", отравители, фальшивые монетчики, люди кончившіе курсъ нравственнаго леченія гдѣ нибудь въ центральной тюрьмѣ или колоніяхъ, "контюмасы" и проч.

Всего меньше встрѣчаются, въ этихъ теплыхъ чистилищахъ, тѣни людей всплывшихъ середь рево-

люціонныхъ бурь и неудавшихся народныхъ движеній. Мрачные и озлобленные горцы *якобинскихъ* вершинъ, предпочитаютъ суровую бизу, угрюмые Лакедемоняне —они скрываются за лондонскими туманами...

II.

СЪ ЭТАГО

I.

ЖИВЫЕ ЦВѢТЫ—ПОСЛѢДНЯЯ МОГИКАНКА

— "Поѣдемте на bal de l'Opera, теперь самая пора— половина втораго", сказалъ я, вставая изъ за стола въ небольшомъ кабинетѣ Café Anglais, одному русскому художнику, всегда кашлявшему и никогда вполнѣ не протрезвлявшемуся. Мнѣ хотѣлось на воздухъ, на шумъ, и къ тому-же я побаивался длиннаго tête à tête съ моимъ невскимъ Клодъ Лореномъ.

— Поѣдемте, сказалъ онъ, и налилъ себѣ еще рюмку коньяку.

Это было въ началѣ 1849 года, въ минуту ложнаго выздоровленья между двухъ болѣзней, когда еще хотѣлось, или казалось, что хотѣлось иногда дурачества и веселья.

... Побродивши по оперной залѣ, мы остановились передъ особенно красивой кадрилью напудренныхъ дебардеровъ съ намазанными мѣломъ Пьерро. Всѣ четыре дѣвушки очень молодыя, лѣтъ 18-19, были милы и граціозны, плясали и тѣшились отъ всей души, незамѣтно переходя отъ кадриля въ канканъ. Неуспѣли мы довольно налюбоваться, какъ вдругъ кадриль разстроился, "по обстоятельствамъ не зависившимъ отъ танцовавшихъ", какъ выражались у насъ журналисты въ счастливыя времена цензуры. Одна изъ тан-

цовщицъ, и увы самая красивая, такъ ловко, или такъ не ловко, опустила плечо, что рубашка спустилась, открывая половину груди и часть спины — не много больше того, какъ дѣлаютъ англичанки, особенно пожилыя, которымъ нечѣмъ взять кромѣ плечей, на самыхъ чопорныхъ раутахъ и въ самыхъ видныхъ ложахъ Ковентгардена (вслѣдствіе чего во второмъ ярусѣ рѣшительно нѣтъ возможности съ достодолжнымъ цѣломудріемъ слушать Casta diva или Sub salice.

Едва я успѣлъ сказать простуженному художнику — давайте-ка сюда Бонароти, Тиціана, берите вашу кисть, а то она поправится", — какъ огромная черная рука, не Бонароти и не Тиціана, а gardien de Paris, схватила ее за воротъ, рванула вонъ изъ кадриля и потащила съ собой. Дѣвушка упиралась, не шла, какъ дѣлаютъ дѣти, когда ихъ собираются мыть въ холодной водѣ, но человѣческая справедливость и порядокъ взяли верхъ и были удовлетворены. Другія танцовщицы и ихъ Ньерро переглянулись, нашли свѣжаго дебардера и снова начали поднимать ноги выше головы и отрядывать другъ отъ друга, для того чтобъ еще яростнѣе наступать, не обративъ почти никакого вниманія на похищеніе Прозерпины. — "Пойдемте посмотрѣть что полицейской сдѣлаетъ съ ней", сказалъ я моему товарищу. "Я замѣтилъ дверь, въ которую онъ ее повелъ".

Мы спустились по боковой лѣстницѣ внизъ. Кто видѣлъ и помнитъ бронзовую собаку, внимательно и съ нѣкоторымъ волненіемъ смотрящую на черепаху, тотъ легко представитъ себѣ сцену, которую мы нашли. Несчастная дѣвушка въ своемъ легкомъ костюмѣ сидѣла на каменной ступенькѣ и на сквозномъ вѣтру, заливаясь слезами — передъ ней сухопарый, высокій муниципалъ, съ хищнымъ и серьезно глупымъ видомъ, съ запятой изъ волосъ на подбородкѣ, съ полусѣдыми усами и во всей формѣ. Онъ съ достоинствомъ

стоялъ сложивъ руки и пристально смотрѣлъ чѣмъ кончится этотъ плачь, приговаривая : Allons, allons!

Для довершенія удара, дѣвушка сквозь слезы и хныканье говорила : "... Et... et on dit... on dit que... que... nous sommes en République... et.... on ne peut danser comme l'on veut!..."

Все это было такъ смѣшно и такъ въ самомъ дѣлѣ жалко, что я рѣшился идти на выручку военноплѣнной и на спасеніе въ ея глазахъ чести республиканской формы правленія.

— Mon brave, сказалъ я съ расчитанной учтивостью и вкрадчивостью полицейскому, что вы сдѣлаете съ Mademoiselle?

— Посажу au violon до завтрашняго дня, отвѣчалъ онъ сурово.

Стенанья увеличиваются.—"Научится, какъ рубашку скидывать"—прибавилъ блюститель порядка и общественной нравственности.

— Это было несчастье, Brigadier, вы бы ее простили.

— Нельзя. La consigne.

— Дѣло праздничное...

— Да вамъ что за забота? Etes-vous son réciproque?

— Первый разъ отъ роду вижу, parole d'honneur! имени не знаю, спросите ее сами. Мы иностранцы и насъ удивило, что въ Парижѣ такъ строго поступаютъ съ слабой дѣвушкой, avec un être frêle. У насъ думаютъ, что здѣсь полиція такая добрая... И зачѣмъ позволяютъ вообще канканировать, а если позволяютъ, г. бригадиръ, тутъ иной разъ по неволѣ, или нога поднимется слишкомъ высоко, или воротъ опустится слишкомъ низко.

— Это-то пожалуй и такъ, замѣтилъ пораженный моимъ краснорѣчіемъ муниципалъ, а главное задѣтый моимъ замѣчаніемъ, что иностранцы имѣютъ такое лестное мнѣніе о парижской полиціи.

— Къ тому-же, сказалъ я, посмотрите, что́ вы дѣлаете. Вы ее простудите — какъ-же изъ душной залы полуголое дитя посадить на сквозной вѣтеръ.

— Она сама не идетъ. Ну да вотъ что, если вы дадите мнѣ честное слово, что она въ залу сегодня не взойдетъ, я ее отпущу.

— Браво! впрочемъ, я меньше и не ожидалъ отъ г. бригадира — я васъ благодарю отъ всей души.

Пришлось пуститься въ переговоры съ освобожденной жертвой. "Извините, что не имѣя удовольствія быть съ вами знакомымъ лично, вступился за васъ". Она протянула мнѣ горячую, мокрую рученку и смотрѣла на меня еще больше мокрыми и горячими глазами. "Вы слышали въ чемъ дѣло? Я не могу за васъ поручиться, если вы мнѣ не дадите слова, или лучше если вы не уѣдете сейчасъ. Въ сущности жертва не велика, я полагаю теперь часа три съ половиной".

— Я готова, я пойду за мантильей.

— Нѣтъ — сказалъ неумолимый блюститель порядка — отсюда ни шагу.

— Гдѣ ваша мантилья и шляпка?

— Въ ложѣ — такой-то, № — въ такомъ-то ряду. Артистъ бросился было, но остановился съ вопросомъ "да какъ-же мнѣ отдадутъ?"

— Скажите только что́ было и то, что вы отъ *Леонтины-маленькой*... Вотъ и балъ! — прибавила она съ тѣмъ видомъ, съ которымъ на кладбищѣ говорятъ "Спи спокойно".

— Хотите чтобъ я привелъ фіакръ?

— Я не одна.

— Съ кѣмъ-же?

— Съ однимъ другомъ.

Артистъ возвратился окончательно распростуженный съ шляпой, мантильей и какимъ-то молодымъ лавочникомъ, или Commis-voyageur. "Очень обязанъ", сказалъ онъ мнѣ, потрогивая шляпу — потомъ ей : "всегда

надѣлаешь исторій!" Онъ почти также грубо схватилъ ее подъ руку, какъ полицейскій за воротъ, и изчезъ въ большихъ сѣняхъ оперы... бѣдная... достанется ей... и что за вкусъ... она... и онъ!

Даже досадно стало. Я предложилъ художнику выпить — онъ не отказался.

Прошелъ мѣсяцъ. Мы сговорились человѣкъ пять: Венскій агитаторъ Таузенау, генералъ Г., Миллеръ С. и еще одинъ господинъ ѣхать другой разъ на балъ. Ни Г., ни Миллеръ ни разу не были. Мы стояли въ кучкѣ. Вдругъ какая-то маска продирается, продирается и прямо ко мнѣ — чуть не бросается на шею и говоритъ: "Я васъ не успѣла тогда поблагодарить..."

— Ah! Mademoiselle Léontine... очень, очень радъ, что васъ встрѣтилъ, я такъ и вижу передъ собой ваше заплаканное личико, ваши надутыя губки — вы были ужасно милы — это не значитъ, что вы теперь не милы.

Плутовка, улыбаясь, смотрѣла на меня, зная, что это правда.

— Неужели вы не простудились тогда?

— Ни мало.

— Въ воспоминанье вашего плѣна, вы должны бы были — если бы вы были очень, очень любезны —

— Ну что-же? Soyez bref.

— Должны бы отъужинать съ нами.

— Съ удовольствіемъ, ma parole, но только не теперь.

— Гдѣ-же я васъ сыщу?

— Не безпокойтесь, я васъ сама сыщу, ровно въ четыре. Да вотъ что, я здѣсь не одна...

— Опять съ вашимъ другомъ — и мурашки пробѣжали у меня по спинѣ.

Она расхохоталась — "онъ не очень опасенъ" — и она подвела ко мнѣ дѣвочку лѣтъ семнадцати, свѣтло-бѣлокурую, съ голубыми глазами. "Вотъ мой другъ".

Я пригласилъ и ее.

Въ четыре Леонтина подбѣжала ко мнѣ, подала руку

и мы отправились въ Café Riche. Какъ ни близко это отъ Оперы, но по дорогѣ Г. успѣлъ влюбиться въ "Мадону Андрея Delsarto", то есть въ блондинку. И за первымъ блюдомъ, послѣ длинныхъ и курьезныхъ фразъ о тинторетовской прелести ея волосъ и глазъ, Г., только что мы усѣлись за столъ, началъ проповѣдь о томъ, какъ съ лицомъ Мадонны и выраженіемъ чистаго ангела, не эстетично танцовать канканъ. "Armes, holdes Kind!" добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Зачѣмъ вашъ другъ — сказала мнѣ Леонтина на ухо, говоритъ такой скучный fatras? — да и зачѣмъ вообще онъ ѣздитъ на оперные балы — ему бы ходить въ Мадлену.

— Онъ *итмеиъ*, у нихъ ужъ такая болѣзнь — шепнулъ я ей.

— Mais c'est qu'il est ennuyeux votre ami avec son mal de sermont. Mon petit saint finira-tu donc bientôt?

И въ ожиданіи конца проповѣди, усталая Леонтина бросилась на кушетку. Противъ нея было большое зеркало, она безпрестанно смотрѣлась и не выдержала, она указала мнѣ пальцемъ на себя въ зеркалѣ и сказала: "А что, въ этой растрепавшейся прическѣ, въ этомъ смятомъ костюмѣ, въ этой позѣ я и въ самомъ дѣлѣ будто не дурна". Сказавши это, она вдругъ опустила глаза и покраснѣла, покраснѣла откровенно, до ушей. Чтобъ скрыть, она запѣла извѣстную пѣсню, которую Гейне изуродовалъ въ своемъ переводѣ и которая страшна въ своей безискусственной простотѣ:

Et je mourrai dans mon hôtel,
Ou à l'Hôtel-Dieu.

Странное существо, неуловимое, живое, "Лацерта" гетевскихъ элегій, дитя въ какомъ-то безсознательномъ чаду. Она дѣйствительно, какъ ящерица, не могла ни одной минуты спокойно сидѣть, да и молчать не

могла. Когда нечего было сказать, она пѣла, дѣлала гримасы передъ зеркаломъ, и все съ непринужденностью ребенка и съ граціей женщины. Ея frivolité — была наивна. Случайно завертѣвшись, она еще кружилась... неслась... того толчка, который бы остановилъ на краю, или окончательно толкнулъ ее въ пропасть, еще не было. Она довольно сдѣлала дороги, но воротиться могла. Ее въ силахъ были спасти свѣтлый умъ и врожденная грація.

Этотъ типъ, этотъ кругъ, эта среда не существуютъ больше. Это la petite femme студента былыхъ временъ, гризетка, переѣхавшая изъ латинскаго квартала по сю сторону Сены, равно не *дѣлающая* несчастнаго *тротуара* и не имѣющая прочнаго общественнаго положенія камеліи. Этотъ типъ не существуетъ, такъ какъ не существуетъ конверсаціи около камина, чтеній за круглымъ столомъ, болтанья за чаемъ. Другія формы, другіе звуки, другіе люди, другія слова... Тутъ своя скàла, свое crescendo. Шаловливый, нѣсколько распущенный элементъ тридцатыхъ годовъ — du lest, de l'espièglerie — перешелъ въ *шикъ* — въ немъ былъ каенскій перецъ, но еще оставалась кипучая, растрепанная грація, оставались остроты и умъ. Съ увеличеніемъ дѣлъ, коммерція отбросила все излишнее и всѣмъ внутреннимъ пожертвовала выставкѣ, эталажу. Типъ Леонтины — разбитной парижской gamine, подвижной, умной, избалованной, искрящейся, вольной и въ случаѣ надобности гордой — не требуется, и *шикъ* перешелъ въ *собаку*. Для бульварнаго Ловласа нужна женщина-собака и пуще всего собака, имѣющая своего хозяина. Оно экономнѣе и безкорыстнѣе — съ ней онъ можетъ охотиться на чужой счетъ, уплачивая одни extra. "Parbleu, говорилъ мнѣ старикъ, котораго лучшіе годы совпадали съ началомъ царствованія Людовика Филиппа, je ne me retrouve plus — où est le fion, le chique, où est l'esprit? .. Tout cela, Monsieur... ne parle pas,

Monsieur, — c'est bon, c'est beau wellbredet, mais... c'est de la charcuterie... c'est du Rubens.

Это мнѣ напоминаетъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ добрый, милый Таляндье, съ досадой влюбленнаго на свою Францію, объяснялъ мнѣ съ музыкальной иллюстраціей ея паденіе. "Когда, говорилъ онъ, мы были велики, въ первые дни послѣ февральской революціи, гремѣла одна Марсельеза — въ кафе, на улицахъ, въ процессіяхъ — все Марсельеза. Во всякомъ театрѣ была своя Марсельеза, гдѣ съ пушками, гдѣ съ Рашелью. Когда пошло плоше и тише... монотонные звуки Mourir pour la patrie замѣнили ее. Это еще ничего, мы падали глубже... Un sous-lieutenant accablé de besogne... drin, drin, din, din, din... эту дрянь пѣлъ весь городъ, столица міра, вся Франція. Это не конецъ, вслѣдъ за тѣмъ мы заиграли и запѣли Partant pour la Syrie — вверху и Qu'aime donc Margot... Margoë — внизу, т. е. безсмысліцу и непристойность. Дальше идти нельзя".

Можно! Таляндье не предвидѣлъ ни Je suis la femme á barrbe, ни Сапёра — онъ еще остался въ *шикѣ* и до *собаки* не доходилъ.

Недосужій, мясный развратъ взялъ верхъ надъ всѣми фіоритурами. Тѣло побѣдило духъ и, какъ я сказаль еще десять лѣтъ тому назадъ, Марго, la fille de marbre, вытѣснила Лизету Беранже и всѣхъ Леонтинъ въ мірѣ. У нихъ была своя гуманность, своя поэзія, свои понятія чести. Онѣ любили шумъ и зрѣлища больше вина и ужина, и ужинъ любили больше изъ за постановки, свѣчей, конфетъ, цвѣтовъ. Безъ танца и бала, безъ хохота и болтовни онѣ не могли существовать. Въ самомъ пышномъ гаремѣ онѣ заглохли бы, завяли бы въ годъ. Ихъ высшая представительница была Дежазе — на большой сценѣ свѣта и на маленькой théâtre des Variétés. Живая пѣсня Беранже, притча Вольтера, молодая въ сорокъ лѣтъ. Дежазе — мѣнявшая поклонниковъ какъ почетный караулъ, капризно отвергавшая

свертки золота и отдававшаяся встрѣчному, чтобъ выручить свою пріятельницу изъ бѣды.

Нынче все опрощено, сокращено, все *ближе къ цѣли*, какъ говорили встарь помѣщики, предпочитавшіе водку вину. Женщина съ *фіономъ* интриговала, занимала — женщина *съ шикомъ* жалила, смѣшила и обѣ, сверхъ денегъ, брали время. *Собака* съ разу бросается на свою жертву, кусаетъ своей красотой и тащитъ за полу sans phrase. Тутъ нѣтъ предисловій — тутъ въ началѣ эпилогъ. Даже благодаря попечительному начальству и факультету, нѣтъ двухъ прежнихъ опасностей. Полиція и медицина сдѣлали большіе успѣхи въ послѣднее время.

... А что будетъ послѣ *собаки?* Pieuvre Гюго рѣшительно не удалась, можетъ оттого, что слишкомъ похожа на pleutre — не остановиться же на собакѣ. Впрочемъ оставимъ пророчества. Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы.

Меня занимаетъ другое.

Которое-то изъ двухъ будущихъ Кассандриной пѣсни исполнилось надъ Леонтиной? Что ея нѣкогда граціозная головка — покоится-ли на подушкѣ обшитой кружевами въ *своемъ* отелѣ, или она склонилась на жесткій, больничный валекъ, для того чтобъ уснуть на вѣки, или проснуться на горе и бѣдность. А можетъ не случилось ни того, ни другаго и она хлопочетъ, чтобъ дочь выдать замужъ, копитъ деньги, чтобъ купить подставнаго сыну... Вѣдь она ужъ не молода теперь, и не бось давно перегнула за тридцать.

II.

МАХРОВЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ *нашей Европѣ* повторялось въ уменьшенномъ по количеству и въ увеличенномъ или искаженномъ по качеству видѣ все, что̀ дѣлалось въ Европѣ *европейской*. У насъ были ультра - католики изъ православныхъ, либеральные буржуа изъ графовъ, императорскіе роялисты, канцелярскіе демократы и Лейбъ - Гвардіи Преображенскіе или Конногвардейскіе бонапартисты. Мудрено-ли, что и по дамской части не обошлось безъ своихъ chique и chien. Съ той разницей, что нашъ demi monde былъ *одинъ съ четвертью*.

Наши Травіаты и Камеліи большей частью титулярныя, т. е. почетныя, растутъ совсѣмъ на другой почвѣ и цвѣтутъ въ другихъ сферахъ, чѣмъ ихъ парижскіе первообразы. Ихъ надобно искать не въ низу, не долу, а на вершинахъ. Онѣ не поднимаются какъ туманъ, а опускаются какъ роса. Княгиня - Камелія и Травіата съ тамбовскимъ или воронежскимъ имѣніемъ — явленіе чисто русское и я не прочь его похвалить.

Что касается до нашей не Европы, ея нравы много были спасены крѣпостнымъ правомъ, на которое теперь такъ много клевещутъ. Любовь была печальна въ деревнѣ, она своего кровнаго называла "болѣзнымъ", словно чувствуя за собой, что она краденая у барина и онъ можетъ всегда хватиться своего добра и отобрать его. Деревня ставила на господскій дворъ дрова, сѣно, барановъ и своихъ дочерей по обязанности. Это былъ священный долгъ, коронная служба, отъ которой отказываться нельзя было, не дѣлая преступленія противъ нравственности и религіи, и не навлекая на себя розогъ помѣщика и кнута всей имперіи. Тутъ было не до *шику*,

а иногда до топора, чаще до рѣки, въ которой гибла никѣмъ не замѣченная Палашка или Лушка.

Что сталось послѣ освобожденія, мы мало знаемъ, и потому больше держимся барынь. Онѣ дѣйствительно за границей мастерски усвоиваютъ себѣ и съ чрезвычайной быстротой и ловкостью всѣ ухватки, весь habitus лоретокъ. Только при тщательномъ разсматриваніи замѣчается, что чего-то не достаетъ. А недостаетъ самой простой вѣщи—*быть лореткой*. Это все Петръ I, работающій молотомъ и долотомъ въ Саардамѣ, воображая, что дѣлаетъ дѣло. Наши барыни изъ ума и праздности, отъ избытка и скуки *шутятъ въ ремесло*, такъ какъ ихъ мужья играютъ въ токарный станокъ.

Этотъ характеръ ненужности, махровости мѣняетъ дѣло. Съ русской стороны чувствуется превосходная декорація, съ французской — правда и необходимость. Отсюда громадныя разницы. Травіату tout de bon бываетъ часто душевно жаль, "dame aux perles" почти никогда; надъ одной подчасъ хочется плакать, надъ другой всегда смѣяться. Имѣя наслѣдственныхъ двѣ, три тысячи душъ, сперва вѣчно, нынѣ временно раззоряемыхъ крестьянъ, многое можно — интриговать на игорныхъ водахъ, эксцентрически одѣваться, лежа сидѣть въ коляскѣ, свистать, шумѣть, дѣлать скандалы въ ресторанахъ, заставлять краснѣть мущинъ, мѣнять любовниковъ, ѣздить съ ними на parties fines, на разныя "каллистеническія упражненія и конверсаціи", пить шампанское, курить гаванскія сигары и ставить пригоршни золота на "черное или красное"... можно быть Мессалиной и Екатериной — но, какъ мы сказали, лореткой быть нельзя, не смотря на то, что лоретки не родятся, какъ поэты, а дѣлаются. У каждой лоретки своя исторія, свое посвященіе, втѣсненное обстоятельствами. Обыкновенно бѣдная дѣвушка идетъ, не зная куда и наталкивается на грубый обманъ, на грубую обиду. Отъ сломленной любви, отъ сломленнаго стыда

у нея являются dépit, досада, своего рода жажда мести и съ тѣмъ вмѣстѣ жажда опьяненья, шума, нарядовъ — кругомъ нужда — деньги только *однимъ* путемъ и можно достать, а потому — vogue la galère. Обманутый ребенокъ безъ воспитанія вступаетъ въ бой, побѣды ее балуютъ, завлекаютъ (тѣхъ которыя не побѣдили мы не знаемъ, тѣ пропадаютъ безъ вѣсти), у ней въ памяти свои Маренго и Арколи — привычка владычества и пышности входитъ въ кровь. Она-же всему обязана одной себѣ. Начавъ съ одного своего тѣла, она тоже пріобрѣтаетъ души и также раззоряетъ временно привязанныхъ къ ней богачей, какъ наша барыня своихъ нищихъ мужиковъ.

Но въ этомъ *также* и лежитъ вся непереходимая даль между лореткой по положенію и камеліей по дилетантизму. Та даль и та противоположность, которая такъ ярко выражается въ томъ, что лоретка, ужиная въ какомъ нибудь душномъ кабинетѣ Maison d'or, мечтаетъ о своемъ будущемъ салонѣ—а русская дама, сидя въ своемъ богатомъ салонѣ, мечтаетъ о трактирѣ.

Серьезная сторона вопроса состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить откуда у насъ взялась въ дамскомъ обществѣ эта потребность разгула и кутежа, потребность похвастаться своимъ освобожденіемъ; дерзко, капризно пренебречь общественнымъ мнѣніемъ и сбросить съ себя всѣ вуали и маски? И это въ то время, когда бабушки и матушки нашихъ львицъ , цѣломудренныя и патріархальныя, краснѣли до сорока лѣтъ отъ не скромнаго слова и довольствовались, тихо и скромно, тургеневскимъ нахлѣбникомъ, а за неимѣніемъ его — кучеромъ или буфетчикомъ.

Замѣтьте, что аристократическій камелизмъ у насъ не идетъ дальше начала сороковыхъ годовъ.

И все новое движеніе, вся возбужденность мысли, исканья, недовольства, тоски идетъ отъ того-же времени.

Тутъ-то и раскрывается человѣческая и историческая сторона аристократическаго камелизма. Это своего рода полусознанный протестъ противъ старинной, давящей какъ свинецъ семьи, противъ безобразнаго разврата мущинъ. У загнанной женщины, у женщины брошенной дома, былъ досугъ читать, и когда она почувствовала, что "домострой" плохо идетъ съ Ж. Сандъ, и когда она наслушалась восторженныхъ разсказовъ о Бланшахъ и Селестинахъ—у нея терпѣнье лопнуло и она закусила удила. Ея протестъ былъ дикъ, но вѣдь и положеніе было дико. Ея оппозиція не была формулирована, а бродила въ крови—она была обижена. Она чувствовала униженье, подавленность, но самобытной воли внѣ кутежа и чада не понимала. Она протестовала поведеньемъ, ея возмущенье было полно избалованности и дурныхъ привычекъ, каприза, распущенности, кокетства, иногда несправедливости; она разнуздывалась не освобождаясь. Въ ней оставался внутренній страхъ и неувѣренность, но ей хотѣлось дѣлать на зло и попробовать *этой другой* жизни. Противъ узкаго своеволья притѣснителей она ставила узкое своеволье лопнувшаго терпѣнья, безъ твердой направляющей мысли, но съ заносчивой отроческой бравадой. Какъ ракета, она мерцала, искрилась и падала съ шумомъ и трескомъ, но очень не глубоко. Вотъ вамъ исторія нашихъ Камелій съ гербомъ, нашихъ Травіатъ съ жемчугомъ.

Конечно и тутъ можно вспомнить желчеваго Ростопчина, говорившаго на смертномъ одрѣ о 14 Декабрѣ: "У насъ все на изнанку, во Франціи la roture хотѣла подняться до дворянства, ну оно и понятно; у насъ дворяне хотятъ сдѣлаться чернью, ну чепуха!"

Но намъ именно этотъ характеръ вовсе не кажется чепухой. Онъ идетъ очень послѣдовательно изъ двухъ началъ, изъ чуждости образованія, которое вовсе для насъ не обязательно и изъ основнаго тона другаго

общественнаго порядка, къ которому мы сознательно или безсознательно стремимся.

Впрочемъ это принадлежитъ къ нашему катехизису— и я боюсь увлечься въ повторенія.

Травіаты наши въ исторіи нашего развитія не пропадутъ, онѣ имѣютъ свой смыслъ и значеніе и представляютъ удалую и разгульную ширингу авангардныхъ охотниковъ и пѣсельниковъ, которые съ присвистомъ и бубнами, куражась и подплясывая, идутъ въ первый огонь, покрывая собой болѣе серьезную фалангу, у которой нѣтъ недостатка ни въ мысли, ни въ отвагѣ, ни въ оружіи съ "иголкой".

III.

ЦВѢТЫ МИНЕРВЫ.

Эта фаланга—сама революція, суровая въ семнадцать лѣтъ... огонь глазъ смягченъ очками, чтобъ дать волю одному свѣту ума... Sans crinolines идущія на замѣну Sans culot'амъ.

Дѣвушка-студентъ, барышня-буршъ ничего не имѣютъ общаго съ барынями-Травіатами. Вакханки посѣдѣли, оплѣшивѣли, состарѣлись и отступили, а студенты заняли ихъ мѣсто еще не вступивши въ совершеннолѣтіе. Камеліи и Травіаты салоновъ принадлежали николаевскому времени. Такъ какъ выставочные генералы того-же времени, щеголи-шагисты, побѣдители своихъ собственныхъ солдатъ, знавшіе всю туалетную часть военнаго дѣла, все кокетство вахтпарадовъ, и не замаравшіе мундира непріятельской кровью. Публичныхъ генераловъ, рысисто "дѣлавшихъ тротуаръ" на Невскомъ, разомъ прихлопнула Крымская война. А "блескъ упоительный бала", будуарная любовь и шумныя оргіи *генеральш* круто

смѣнились академической аудиторіей, анатомической залой, въ которой подстриженный студентъ въ очкахъ изучалъ тайны природы.

Тутъ надобно забыть всѣ камеліи и магноліи, забыть что существуютъ два пола. Передъ истиной науки, im Reiche der Wahrheit различія половъ стираются.

Камеліи наши — Жиронда, оттого онѣ такъ и смахиваютъ на Фобласа.

Студенты-барышни — Якобинцы, Сенъ-Жюстъ въ амазонкѣ—все рѣзко, чисто, безпощадно.

У Камелій маска loup изъ теплой Венеціи.

У студентовъ маска-же, но маска изъ невскаго льда. Первая можетъ прилипнуть, вторая непремѣнно растаетъ... но это впереди.

Тутъ настоящій, сознательный протестъ, протестъ и переломъ. C'est n'est pas une émeute, c'est une révolution. Разгулъ, роскошь, глумленье, наряды отодвинуты. Любовь, страсть на третьемъ-четвертомъ планѣ. Афродита съ своимъ голымъ оруженосцемъ надулась и ушла; на ея мѣсто Паллада съ копьемъ и совой. Камеліи шли отъ неопредѣленнаго волненья, отъ негодованья, отъ несытаго и томнаго желанья... и доходили до пресыщенія. Здѣсь идутъ отъ идеи, въ которую вѣрятъ, отъ объявленія "правъ женщины", и исполняютъ обязанности, налагаемыя вѣрой. Однѣ отдаются по принципу, другія невѣрны по долгу. Иногда *студенты* уходятъ слишкомъ далеко, но все-же остаются дѣтьми — непокорными, заносчивыми, но дѣтьми. Серьезность ихъ *радикализма* показываетъ, что дѣло въ головѣ, въ теоріи, а не въ сердцѣ.

Онѣ страстны въ общемъ и въ частную встрѣчу вносятъ не больше "патоса" (какъ говаривали встарь), какъ всякія Леонтины. Можетъ меньше. Леонтины играютъ, играютъ огнемъ и, очень часто вспыхнувъ съ ногъ до головы, спасаются отъ пожара въ Сенѣ; утянутыя жизнью, прежде всякихъ разсужденій, имъ

иной разъ трудно побѣдить свое сердце. Наши бурши начинаютъ съ анализа, съ разбора; съ ними тоже многое можетъ случиться, но сюрпризовъ не будетъ, и паденій не будетъ; онѣ падаютъ съ теоретическимъ парашютомъ. Онѣ бросаются въ потокъ съ руководствомъ о плаваніи и намѣренно плывутъ противъ теченія.

Долго-ли проплывутъ онѣ à livre ouvert, я не знаю, но мѣсто въ исторіи займутъ по всей справедливости.

Самые недогадливѣйшіе въ мірѣ люди догадались объ этомъ.

Старички наши, сенаторы и министры, отцы и дѣдушки отечества, съ улыбкой снисхожденья и даже поощренья смотрѣли на столбовыхъ камелій, (если только онѣ не были супругами ихъ сыновей)... но *студенты* имъ не понравились... ничего не похожи на "милыхъ шалуній" съ которыми они иногда любили языкомъ отогрѣть старое сердце.

Давно гнѣвались старички на суровыхъ нигилистокъ и искали случая ихъ подвести подъ сюркупъ.

А тутъ, какъ нарочно, Каракозовъ выстрѣлилъ... "Вотъ оно, государь, (стали ему нашептывать) что значитъ не по формѣ одѣваться... всѣ эти очки, клочки". —"Какъ? не по утвержденной формѣ", говоритъ государь, "строжайше предписать". —"Попущенье, в. в., попущенье! Мы только и ожидали милостиваго разрѣшенія спасать священную особу вашего величества".

Дѣло не шуточное, принялись дружно. Совѣтъ, сенатъ, синодъ, министры, архіереи, военноначальники, градоначальники и другія полиціи совѣщались, думали, толковали и рѣшили во первыхъ изгнать студентовъ женскаго пола изъ университетовъ. При этомъ одинъ изъ архіереевъ, боясь подлога, приснопамятствовалъ, какъ во время оно, въ лже-каѳолической церквѣ, на папежъ избрана была папиха Анна, и предложилъ было своихъ иноковъ... такъ какъ "предъ очами мертве-

цовъ срама тѣлеснаго нѣтъ". Живые не приняли его предложенія, генералы-же съ своей стороны думали, что такого рода экспертиза можетъ быть только поручена высшему сановнику, который своимъ мѣстомъ и довѣріемъ монарха поставленъ внѣ соблазна; хотѣли отъ военнаго вѣдомства предложить это мѣсто Адлербергу старшему, и Буткову отъ статскихъ. Но и это не состоялось, говорятъ, потому, что великіе князья домогались на этотъ постъ.

Затѣмъ совѣтъ, синодъ, сенатъ приказали въ 24 часа отростить стриженые волосы, отобрать очки и обязать подпиской имѣть здоровые глаза и носить кринолины. Не смотря на то, что въ Кормчей книгѣ ничего не сказано о "обручеюбіи" и "подолоразверстіи", а волосы плести просто въ ней запрещено, черное духовенство согласилось. На первый случай жизнь государя казалась обеспеченною до Елисейскихъ полей. Не ихъ вина, что въ Парижѣ тоже нашлись Елисейскія поля, да еще съ "круглой точкой".

Чрезвычайныя мѣры эти принесли огромную пользу, и это я говорю безъ малѣйшей ироніи—кому?

Нашимъ *нигилисткамъ*.

Имъ не доставало одного—сбросить мундиръ, формализмъ и развиваться съ той широкой свободой, на которую онѣ имѣютъ большія права. Самому ужасно трудно, привыкнувъ къ формѣ, ее отбросить. Платье прирастаетъ. Архіерей во фракѣ перестанетъ благословлять и говорить на *о*...

Студенты наши и бурши долго не отдѣлались бы отъ очковъ и прочихъ кокардъ. Ихъ раздѣли на казенный счетъ, прибавляя къ этой услугѣ ореолу туалетнаго мученичества.

Затѣмъ ихъ дѣло плыть au large.

P. S. Однѣ уже возвращаются съ блестящимъ дипломомъ Доктора Медицины—и слава имъ!

Ницца лѣтомъ 1867.

II.

VENEZIA LA BELLA

(Февраль 1867)

Великолѣпнѣе нелѣпости какъ Венеція нѣтъ. Построить городъ тамъ, гдѣ городъ построить нельзя, само по себя безуміе; но построить такъ одинъ изъ изящнѣйшихъ, грандіознѣйшихъ городовъ—геніальное безуміе. Вода, море, ихъ блескъ и мерцанье обязываютъ къ особой пышности. Молюски отдѣлываютъ перломутромъ и жемчугомъ свои каюты.

Одинъ поверхностный взглядъ на Венецію показываетъ, что это городъ крѣпкій волей, сильный умомъ, республиканскій, торговый, олигархическій, что это узелъ которымъ привязано что-то за водами, торговой складъ подъ военнымъ флагомъ; городъ шумнаго вѣча и беззвучный городъ тайныхъ совѣщаній и мѣръ, на его площади толчется съ утра до ночи все населеніе, и молча текутъ изъ него рѣки улицъ въ море. Пока толпа шумитъ и кричитъ на площади св. Марка, никѣмъ не замѣченная лодка скользитъ и пропадаетъ—кто знаетъ, что̀ подъ ея чернымъ пологомъ? Какъ тутъ было не топить людей, возлѣ любовныхъ свиданій.

Люди чувствовавшіе себя дома въ Palazzo ducale должны были имѣть своеобразный закалъ. Они не останавливались ни передъ чѣмъ. Земли нѣтъ, дере-

вьевъ нѣтъ — что за бѣда, давайте еще больше рѣзныхъ каменьевъ, больше орнаментовъ, золота, мозаики, ваянья, картинъ, фресковъ. Тутъ остался пустой уголъ — худаго бога морей съ длинной мокрой бородой въ уголъ! Тутъ порожній уступъ — еще льва съ крыльями и съ евангельемъ св. Марка! Тамъ голо, пусто — коверъ изъ мрамора и мозаики туда! Кружева изъ порфира туда! Побѣда-ли надъ Турками или Генуей, Папа-ли ищетъ дружбы города — еще мрамору, цѣлую стѣну покрыть изсѣченной занавѣсью и главное еще картинъ. Павелъ Веронезъ, Тинторетъ, Тиціанъ за кисть, на помостъ, каждый шагъ торжественнаго шествія морской красавицы долженъ быть записанъ потомству кистью и рѣзцомъ.

И такъ былъ живучъ духъ обитавшій эти камни, что мало было новыхъ путей и новыхъ приморскихъ городовъ, Колумба и Васко де Гама, чтобъ сокрушить его. Для его гибели нужно было, чтобъ на развалинахъ французскаго трона явилась "единая и нераздѣльная" республика и на развалинахъ этой республики явился бы солдатъ, бросившій въ льва по корсикански стилетъ отравленный Австріей. Но Венеція переработала ядъ и снова оказывается живою черезъ полстолѣтія.

Да живою-ли? Трудно сказать что̀ уцѣлѣло, кромѣ великой раковины, и есть-ли новая будущность Венеціи?... Да и въ чемъ будущность Италіи вообще? — Для Венеціи можетъ она въ Константинополѣ, въ томъ вырѣзывающемся смутными очерками изъ за восточнаго тумана — свободномъ союзничествѣ воскресающихъ славяно-эллинскихъ народностей.

А для Италіи?... Объ этомъ послѣ. Теперь въ Венеціи карнавалъ, первый карнавалъ на волѣ послѣ семидесятилѣтняго плѣненія. Площадь превратилась въ залу парижской оперы. Старый св. Маркъ весело участвуетъ въ праздникѣ съ своей иконописью и позолотой, съ патріотическими знаменами и своими

языческими лошадьми. Одни голуби являющіеся всякій день въ два часа на площадь закусить, сконфужены и перелетаютъ съ карниза на карнизъ, чтобъ убѣдиться точно-ли ихъ столовая въ такомъ безпорядкѣ.

Толпа все растетъ, le peuple s'amuse, дурачится отъ души, изъ всѣхъ силъ, съ большимъ комическимъ талантомъ въ декламаціи и словахъ, въ выговорѣ и жестахъ, но безъ кантаридности парижскихъ Пьеро, безъ вулгарной шутки нѣмца, безъ нашей родной грязи. Отсутствіе всего неприличнаго удивляетъ, хотя смыслъ его ясенъ. Это шалость, отдыхъ, забава цѣлаго народа, а не вахтпарадъ публичныхъ домовъ, ихъ сукурсалей — жительницамъ которыхъ, снимая многое другое, прибавляютъ маску, въ родѣ бисмарковой иголки, чтобъ усилить и сдѣлать неотразимѣе выстрѣлы. Здѣсь онѣ были бы не умѣстны, здѣсь тѣшится народъ, здѣсь тѣшится сестра, жена, дочь и горе тому, кто оскорбитъ маску. Маска на время карнавала становится для женщины то, чѣмъ былъ Станиславъ въ петлицѣ для станціоннаго смотрителя(*).

Сначала карнавалъ оставлялъ меня въ покоѣ, но онъ все росъ и при своей стихійной силѣ долженъ былъ утянуть всякаго.

Мало-ли какой вздоръ можетъ случиться когда пляска св. Витта овладѣваетъ цѣлымъ населеніемъ въ шутовскихъ костюмахъ. Въ большой залѣ ресторана сидятъ сотни, можетъ больше, лилово-бѣлыхъ масокъ, онѣ проѣхали по площади на раззолоченомъ кораблѣ, который тащили быки (все сухопутное и четвероногое въ Венеціи рѣдкость и роскошь) — теперь они пьютъ и

(*) Годъ спустя я видѣлъ карнавалъ въ Ниццѣ. Какая страшная разница, не говоря о солдатахъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, ни жандармахъ, ни комисарахъ полиціи съ шарфами... сама масса народа, не туристовъ, дивила меня. Пьяные маски ругались и дрались съ людьми стоявшими въ воротахъ, сильные тумаки сшибали въ грязь — бѣлыхъ Пьеро.

ѣдятъ. Одинъ изъ гостей предлагаетъ курьезность и берется ее достать, *курьезность эта — я*.

Господинъ, едва знакомый со мной, бѣжитъ ко мнѣ въ Albergo Danieri — умоляетъ, проситъ явиться съ нимъ на минуту къ маскамъ. Глупо идти, глупо ломаться, я иду. Меня встрѣчаютъ evviva и полные бокалы. Я раскланиваюсь, говорю вздоръ, evviva сильнѣе — одни кричатъ evviva l'amico di Garibaldi, другіе poeta russo! Боясь что лилово-бѣлые будутъ пить за меня какъ за pittore Slavo, scultore e maestro, я ретируюсь на Piazza St Marco.

На площади стѣна людей, я прислонился къ пилястрѣ, гордый титуломъ поэта; возлѣ меня стоялъ мой проводникъ, исполнявшій mandat d'amener лилово-бѣлыхъ. — "Боже мой, какъ она хороша", сорвалось у меня съ языка, когда очень молодая дама пробивалась сквозь толпу. Мой провожатый, не говоря худаго слова, схватилъ меня и разомъ поставилъ передъ ней. "Это тотъ *русскій*", началъ мой польскій графъ. — "Хотите вы мнѣ дать руку послѣ этого слова?" перебилъ я его. Она улыбаясь, протянула руку и сказала по руски, что давно хотѣла меня видѣть и такъ симпатически взглянула на меня, что я еще разъ пожалъ ея руку и проводилъ глазами пока было видно.

Цвѣтокъ, сорванный ураганомъ, смытый кровью съ своихъ литовскихъ полей, думалъ я, глядя ей вслѣдъ, не своимъ теперь свѣтитъ твоя красота...

Я сошелъ съ площади и поѣхалъ встрѣчать Гарибальди. На водѣ все было тихо... нестройно доносился шумъ карнавала. Строгія, насупившіяся массы домовъ, тѣснятся все ближе и ближе къ лодкѣ, глядятъ на нее фонарями, у подъѣзда всплескиваетъ правило, блеснетъ стальной крючекъ, прокричитъ лодочникъ: apri — sia stato... и опять тихо вода утягиваетъ въ переулокъ, и вдругъ домы опять раздвигаются, мы въ Gran Canal'ѣ... Fejovia Signoie, говоритъ гондольеръ картавя, какъ кар-

тавитъ весь городъ. Гарибальди остался въ Болоньи и не пріѣзжалъ. Машина ѣхавшая въ Флоренцію стонала въ ожиданіи свистка. Уѣхать бы и мнѣ, завтра маски надоѣдятъ, завтра не увижу я славянской красавицы.....

...Городъ принялъ Гарибальди блестящимъ образомъ. Gran Canal представлялъ почти сплошной мостъ; для того чтобъ попасть въ нашу лодку уѣзжая, намъ надобно было перейти черезъ десятки другихъ. Правительство и его кліенты сдѣлали все возможное, чтобъ показать, что дуются на Гарибальди. Если принцу Амедею были приказаны его отцемъ всѣ мелкія неделикатности, вся подленькая пикировка—то отчегоже у этаго мальчика-итальянца не заговорило сердце, отчего онъ не примирилъ на минуту городъ съ королемъ и королевскаго сына съ совѣстью? Вѣдь Гарибальди имъ подарилъ двѣ короны двухъ Сицилій!

Я нашелъ Гарибальди и не состарѣвшимся и не больнымъ, послѣ лондонскаго свиданья въ 1864. Но онъ былъ не веселъ, озабоченъ и не разговорчивъ съ венеціанцами представлявшимися ему на другой день. Его настоящій хоръ — народныя массы — онъ ожилъ въ Кіожіи, гдѣ его ждали лодочники и рыбаки; мѣшаясь въ толпу, онъ говорилъ этимъ простымъ бѣднякамъ : "Какъ мнѣ съ вами хорошо и дома—какъ я чувствую, что родился отъ работниковъ и былъ работникомъ, несчастья нашей родины оторвали меня отъ мирныхъ занятій. Я также выросъ на берегу моря и знаю каждую работу вашу..." Стонъ восторга покрылъ слова бывшаго лодошника, народъ ринулся къ нему, — "дай имя моему новорожденному"—кричала женщина, "благослови моего,—и моего", кричали другія. Храбрый генералъ Ламармора и неутѣшный вдовецъ Рикасоли, со всѣми вашими Шіаолами, Депретисами, вы ужъ отложите попеченье разрушить эту связь, она затянута мужицкой, работничьей рукой и

такой верёвкой, которую вамъ не перетереть со всѣми тосканскими и сардинскими подмастерьями, со всѣми вашими грошевыми Макіавелли.

Теперь воротимтесь къ вопросу: что̀ ждетъ Италію впереди, какую будущность имѣетъ она обновленная, объединенная, независимая? Ту-ли, которую проповѣдывалъ Маццини, ту-ли, къ которой ведетъ Гарибальди... ну хоть ту-ли, которую осуществлялъ Кавуръ?

Вопросъ этотъ отбрасываетъ насъ разомъ въ страшную даль, во всѣ тяжкія—самыхъ скорбныхъ и самыхъ спорныхъ предметовъ. Онъ прямо касается тѣхъ внутреннихъ убѣжденій, которыя легли въ основу нашей жизни и той борьбы, которая такъ часто раздвояетъ насъ съ друзьями, а иной разъ ставитъ на одну сторону съ противниками.

Я сомнѣваюсь *въ будущности латинскихъ народовъ*, сомнѣваюсь въ ихъ *будущей* плодотворности, имъ нравится процессъ переворотовъ, но тягостенъ добытый прогрессъ. Они любятъ рваться къ нему — не достигая.

Идеалъ итальянскаго освобожденія—бѣденъ, въ немъ опущенъ съ одной стороны существенный, животворный элементъ, и какъ на зло съ другой оставленъ элементъ старый, тлетворный, умирающій и мертвящій. Итальянская революція—была до сихъ поръ—боемъ за независимость.

Конечно, если земной шаръ не дастъ трещины, или комета не пройдетъ слишкомъ близко и не накалитъ нашей атмосферы, Италія и въ будущемъ *будетъ* Италіей, страной синяго неба и синяго моря, изящныхъ очертаній, прекрасной, симпатической породы людей, людей музыкальныхъ, художниковъ отъ природы. Конечно, и то, что весь этотъ военный и штатскій régime ménage, и слава и позоръ, и падшія границы и возникающія камеры, все это отразится въ ея жизни,—она

изъ клерикально-деспотической, сдѣлается (и дѣлается) буржуазно-парламентской, изъ дешевой — дорогой, изъ неудобной — удобной и пр. и пр. Но этаго мало и съ этимъ еще далеко не уйдешь. Не дуренъ и другой берегъ, который омываетъ тоже синее море, не дурна и та, доблестная и угрюмая, порода людей, которая живетъ за Пиринеями; внѣшняго врага у нея нѣтъ, камера есть, наружное единство есть... ну что-же при всемъ этомъ Испанія?

Народы живучи, вѣка могутъ они лежать *подъ паромъ* и снова при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оказываются исполненными силъ и соковъ. Но тѣми-ли они возстаютъ какъ были?

Сколько вѣковъ, я чуть не сказалъ тысячелѣтій, греческій народъ былъ стертъ съ лица земли, какъ государство, и все-же онъ остался живъ и въ ту самую минуту, когда вся Европа угорала въ чаду реставраціи, Грецiя проснулась и встревожила весь міръ. Но греки Каподистрія были-ли похожи на грековъ Перикла или на грековъ Византіи? Осталось одно имя и натянутое воспоминаніе. Обновиться можетъ и Италія, но тогда ей придется начать другую исторію. Ея освобожденіе только *право на существованіе.*

Примѣръ Греціи очень идетъ; онъ такъ далекъ отъ насъ, что меньше возбуждаетъ страстей. Грецiя Аѳинская, Македонская, лишенная независимости Римомъ, является снова государственно-самобытной въ Византійскій періодъ. Что-же она дѣлаетъ въ немъ? Ничего или хуже, богословскую контроверзу, *серальные* перевороты par anticipation. Турки помогаютъ застрялой природѣ и придаютъ блескъ зарева ея насильственной смерти. Древняя Грецiя *изжила свою жизнь*, когда римское владычество накрыло ее и спасло какъ лава и пепелъ спасли Помпею и Геркуланумъ. Византійскій періодъ поднялъ гробовую крышу и мертвый остался мертвымъ, имъ завладѣли попы и монахи, какъ всякой

могилой, имъ распоряжались евнухи, совершенно на мѣстѣ какъ представители безплодности. Кто не знаетъ разсказовъ о томъ, какъ крестоносцы были въ Византіи —въ образованіи, въ утонченности нравовъ не было сравненія, но эти дикіе латинки, грубые буяны, были полны силы, отваги, стремленій — они шли впередъ, съ ними былъ *Богъ исторіи*. Ему люди не по хорошу милы, а по коренастой силѣ и по своевременности ихъ à propos. Оттого-то читая скучныя лѣтописи, мы радуемся когда съ сѣверныхъ снѣговъ скатываются варяги, плывутъ на какихъ-то скорлупахъ славяне — и клеймятъ своими щитами гордые стѣны Византіи. Я ученикомъ не могъ нарадоваться на дикаря, въ рубахѣ, одиноко гребущаго свою камягу отправляясь съ золотой серьгой въ ушахъ, на свиданье съ изнѣженнымъ, набогословленнымъ, пышнымъ, книжнымъ императоромъ Цимисхіемъ.

Подумайте объ Византіи—пока наши славянофилы не пустили еще въ свѣтъ новой иконописной хроники и правительство не утвердило ее—она многое объяснитъ изъ того, что̀ такъ тяжело сказать.

Византія могла *жить*, но *дѣлать* ей было нечего; а исторію вообще только народы и занимаютъ пока они на сценѣ, т. е. пока они что нибудь дѣлаютъ.

... Помнится я упоминалъ объ отвѣтѣ Томаса Карлейля мнѣ, когда я ему говорилъ о строгостяхъ парижской цензуры: "Да что вы такъ на нее сердитесь", замѣтилъ онъ, "заставляя французовъ молчать, Наполеонъ сдѣлалъ имъ величайшее одолженіе, *имъ нечего сказать*, а говорить хочется... Наполеонъ далъ имъ внѣшнее оправданіе..." Я не говорю на сколько я согласенъ съ Карлейлемъ или нѣтъ, но спрашиваю себя: *будетъ-ли что* Италіи сказать и сдѣлать на другой день послѣ занятія Рима? И иной разъ не пріискавъ отвѣта, я начинаю желать, чтобъ Римъ остался еще на долго оживляющимъ desideratum'омъ.

До Рима все пойдетъ не дурно, хватитъ и энергіи и силы, лишь бы хватило денегъ... до Рима Италія многое вынесетъ — и налоги, и піэмонтское мѣстничество, и грабящую администрацію, и сварливую и докучную бюрократію; въ ожиданіи Рима все кажется не важнымъ, для того чтобы имѣть его можно стѣсниться, надобно стоять дружно. Римъ — черта границы, знамя, онъ передъ глазами, онъ мѣшаетъ спать, мѣшаетъ торговать, онъ поддерживаетъ лихорадку. Въ Римѣ все перемѣнится, все оборвется... тамъ кажется заключеніе, вѣнецъ; совсѣмъ нѣтъ — тамъ *начало*.

Народы искупающіе свою независимость никогда не знаютъ, и это превосходно, что независимость сама по себѣ ничего не даетъ, кромѣ правъ совершеннолѣтія, кромѣ мѣста между перами, кромѣ признанія гражданской способности *совершать акты* — и только.

Какой-же *актъ* возвѣстится намъ съ высоты Капитолія и Квиринала, что̀ провозгласится міру на Римскомъ Форумѣ, или на томъ балконѣ съ котораго папа вѣка благословлялъ "вселенную и городъ?"

Провозгласить "независимость" sans phrase — мало. А другаго ничего нѣтъ... и мнѣ подъ часъ кажется, что въ тотъ день, когда Гарибальди броситъ свой ненужный больше мечь и надѣнетъ тогу virilis на плечи Италіи, ему останется всенародно обняться на берегахъ Тибра съ своимъ maestro Маццини и сказать съ нимъ вмѣстѣ: "Нынѣ отпущаеши!"

Я это говорю за нихъ, а не противъ нихъ.

Будущность ихъ обеспечена, ихъ два имени станутъ высоко и свѣтло во всей Италіи отъ Фьюме до Мессины и будутъ подыматься выше и выше во всей печальной Европѣ, по мѣрѣ историческаго пониженія и измельчанія ея людей.

Но врядъ пойдетъ-ли Италія по программѣ великаго карбонаро и великаго воина; ихъ религія совершила чудеса, она разбудила мысль, она подняла мечъ, это

труба разбудившая спящихъ, знамя, съ которымъ Италія завоевала себя..... Половина идеала Мацціни исполнилась и именно потому, что другая часть далеко перехватывала черезъ возможное. Что Мацціни теперь ужъ сталъ слабѣе, въ этомъ его успѣхъ и величіе, онъ сталъ *бѣдите* той частію своего идеала, которая перешла въ дѣйствительность, это слабость послѣ родовъ. Въ виду берега, Колумбу стоило плыть, и нечего было употреблять всѣ силы своего неукротимаго духа. Мы въ нашемъ кругѣ испытали подобное... гдѣ сила, которую придавала нашему слову, борьба противъ крѣпостнаго права, противъ отсутствія всякаго суда, всякой гласности?

Римъ Америка Мацціни... дальнѣйшихъ зародышей viables въ его программѣ нѣтъ — она была разсчитана на борьбу за единство и Римъ.

— "А демократическая республика?"

Это та великая *награда за гробомъ*, которой напутствовались люди на дѣянія и подвиги и въ которую горячо и искренно вѣрили—и проповѣдники и мученики...

Къ ней идетъ и теперь часть твердыхъ стариковъ, закаленыхъ сподвижниковъ Мацціни, непреклонныхъ, несдающихся, не подкупныхъ, неутомимыхъ каменщиковъ, которые вывели фундаменты новой Италіи и когда не доставало цемента давали на него свою кровь. Но много ли ихъ? И кто пойдетъ за ними?

Пока тройное ярмо нѣмца, бурбона и паны давило шею Италіи — эти энергическіе монахи-воины ордена св. Мацціни находили вездѣ сочувствіе. Принчипессы и студенты, ювелиры и доктора, актеры и попы, художники и адвокаты, все образованное въ мѣщанствѣ, все поднявшее голову между работниками, офицеры и солдаты, все тайно, явно, было съ ними, работало для нихъ. Республики хотѣли немногіе — независимости и единства всѣ. Независимости они добились, единство на французскій манеръ имъ опротивѣло, республики они

не хотятъ. Современный порядокъ дѣлъ во многомъ итальянцамъ по плечу, имъ туда-же хочется представлять "сильную и величественную" фигуру въ сонмѣ европейскихъ государствъ и, найдя эту bella e grande figura въ Викторѣ Эмануилѣ, они держутся за него(*).

Представительная система въ ея континентальномъ развитіи дѣйствительно всего лучше идетъ, когда нѣтъ ничего яснаго въ головѣ, или ничего возможнаго на дѣлѣ. Это великое *покамѣстъ*, которое перетираетъ углы и крайности обѣихъ сторонъ въ муку и выигрываетъ время. Этимъ жерновомъ часть Европы прошла, другая пройдетъ и мы грѣшные въ томъ числѣ. Чего Египетъ? и тотъ въѣхалъ на верблюдахъ въ представительную мельницу, подгоняемый арапникомъ.

Я не виню, ни большинство плохо приготовленное, усталое, трусоватое, еще больше не виню массы, такъ долго оставленныя на воспитаніи клерикаловъ, я не виню даже правительство; да и какъ-же его винить за ограниченность, за неумѣнье, за недостатокъ порыва, поэзіи, такта. Оно родилось въ Кариньянскомъ дворцѣ, среди ржавыхъ готическихъ мечей, пудреныхъ старинныхъ париковъ и накрахмаленнаго этикета маленькихъ дворовъ съ огромными притязаніями.

Любви оно не вселило къ себѣ, совсѣмъ напротивъ, но отъ этаго оно не слабже стало. Я былъ удивленъ

(*) Одинъ милѣйшій венгерецъ, графъ С. Т., служившій потомъ въ Италіи кавалерійскимъ полковникомъ, смѣясь какъ то надъ мишурной роскошью флорентійскихъ щеголей, сказалъ мнѣ: "Помните бѣгъ въ Москвѣ или гулянье... глупо, но имѣетъ характеръ, кучеръ налитъ виномъ, шапка на бекрень, лошади въ нѣсколько тысячъ рублей, и баринъ замираетъ въ блаженствѣ и соболяхъ. А тутъ тощій графъ какой нибудь заложитъ чахлыхъ клячь, съ тикомъ въ ногахъ, прядущихъ головой, и тотъ-же неуклюжій, худенькой Жакопо, который у него садовникъ и поваръ, сидитъ на козлахъ, дергаетъ возжи, одѣтый въ ливрею не по мѣркѣ, а графъ проситъ его: Жакопо, Жакопо, fate una grande e bella figura, Я прошу у графа Т. ссудить меня этимъ выраженіемъ.

въ 1863 общей нелюбовью въ Неаполѣ къ правительству. Въ 1867 въ Венеціи я видѣлъ безъ малѣйшаго удивленія, что черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія, его терпѣть не могли. Но при этомъ я еще яснѣе увидѣлъ, *что боятся ему нечего*, если оно само не надѣлаетъ ряда колосальныхъ глупостей, хотя и онѣ ему сходятъ съ рукъ необыкновенно легко.

Примѣръ того и другаго передъ глазами, я его приведу въ нѣсколькихъ строкахъ.

Къ разнымъ каламбурамъ, которыми правительства иногда удостоиваютъ отводить народамъ глаза, въ родѣ "Prisonniers de la paix" Людовика Филиппа, "Имперія—миръ" Людовика Наполеона, Рикасоли прибавилъ свой и законъ, которымъ *закрѣпляла большую часть* достоянія духовенству, назвалъ закономъ "*о свободѣ* (или независимости) *церкви въ свободномъ государствѣ*". Всѣ недоросли либерализма, всѣ люди, не идущіе дальше заглавія, обрадовались. Министерство, скрывая улыбку, торжествовало побѣду; сдѣлка была явнымъ образомъ выгодна духовенству. Явился бельгійскій грѣшникъ и мытарь, за котораго спрятались отцы іезуиты. Онъ привезъ съ собой груды золота, цвѣтъ котораго въ Италіи давно не видали, и предлагалъ большую сумму правительству, съ тѣмъ, чтобъ обеспечить духовенству законное владѣніе имѣніями, выпытанными на духу, набранными у умирающихъ преступниковъ и всякихъ нищихъ духомъ.

Правительство видѣло одно—деньги; дураки—другое: *американскую* свободу церкви въ свободномъ государствѣ. Теперь-же въ модѣ прикидывать европейскія учрежденія на американскій ярдъ. Герцогъ Перенньи находитъ неумѣренное сходство между второй имперіей и первой республикой нашего времени.

Однако какъ ни хитрили Рикасоли и Шіаола, камера составленная очень пестро и посредственно, стала понимать, что игра была подтасована и подтасована

безъ нея. Банкиръ прикидывался импрезаріемъ и старался скупать итальянскіе голоса, но на этотъ разъ, дѣло было въ Февралѣ, камера охрипла. Въ Неаполѣ подняли ропотъ, въ Венеціи созвали сходку въ театръ Малибранъ для протеста. Рикасоли велѣлъ запереть театръ и поставить часовыхъ. Безъ сомнѣнія изъ всѣхъ промаховъ, которые можно было сдѣлать, нельзя было ничего придумать глупѣе. Венеція, только-что освобожденная, хотѣла воспользоваться оппозиціоннымъ правомъ и была полицейски подрѣзана. Собираться для празднованія короля и подносить букеты al gran comendatore Ла Мармора ничего не значитъ. Еслибъ венеціанцы хотѣли дѣлать сходки для празднованія австрійскихъ архидюковъ, имъ конечно позволили бы. Опасности сходка въ театрѣ Малибранъ не представляла никакой.

Камера встрепенулась и спросила отчета. Рикасоли отвѣчалъ дерзко, высокомѣрно, какъ подобаетъ послѣднему представителю Рауля Синей бороды, средневѣковому графу и феодалу. Камера, "увѣренная, что министерство не желаетъ уменьшить право сходокъ", хотѣла перейти къ очереди. Рауль взбѣшенный уже тѣмъ, что его законъ "о свободѣ церкви", въ которомъ онъ не сомнѣвался, сталъ проваливаться въ комитетахъ, объявилъ, что онъ не можетъ принять ordre du jour motivé. Обиженная камера вотировала противъ него. За такую продерзость онъ на другой день отсрочилъ камеру, на третій распустилъ, на четвертый думалъ еще о какой-то крутой мѣрѣ, но говорятъ Чальдини сказалъ королю, что на войско расчитывать трудно.

Бывали примѣры, что правительства зарапортовавшись прінскивали дѣльный предлогъ, чтобъ сдѣлать гадость или скрыть ее, а эти господа сыскали самый нелѣпый предлогъ, чтобъ засвидѣтельствовать свое пораженіе. Если правительство будетъ дальше и рѣзче

идти этимъ путемъ, можетъ оно и сломитъ себѣ шею; расчитывать, предвидѣть можно только то, что сколько нибудь покорено разуму; всемогущество безумія не имѣетъ границъ, хотя и имѣетъ почти всегда возлѣ какого нибудь Чальдини, который въ опасную минуту выльетъ шайку холодной воды на голову.

А если Италія вживется въ этотъ порядокъ, сложится въ немъ, она его не вынесетъ безнаказанно. Такого призрачнаго міра лжи и пустыхъ словъ, фразъ безъ содержанія трудно переработать народу *менѣе бывалому* чѣмъ французы. У Франціи все *не въ самомъ дѣлѣ*, но все есть, хоть для вида и показа; она какъ старики, впавшіе въ дѣтство, увлекается игрушками; подъ часъ и догадывается, что ея лошади деревянныя, но хочетъ обманываться. Италія не совладаетъ съ этими тѣнями китайскаго фонаря съ лунной независимостью, освѣщаемой въ три четверти тюльерійскимъ солнцемъ, съ церковью, презираемой и ненавидимой, за которой ухаживаютъ, какъ за безумной бабушкой въ ожиданіи ея скорой смерти. Картофельное тѣсто парламентаризма и риторика камеръ не дастъ итальянцу здоровья. Его забьетъ, сведетъ съ ума эта мнимая пища и не въ самомъ дѣлѣ борьба. А другаго ничего не готовится. Что-же дѣлать? гдѣ выходъ? Не знаю, развѣ въ томъ, что, провозгласивши въ Римѣ единство Италіи, вслѣдъ за тѣмъ провозгласить ея распаденіе на самобытныя, самозаконныя части, едва связанныя между собой. Въ десяти живыхъ узлахъ можетъ больше выработаться, если есть чему вырабатываться; оно-же и совершенно въ духѣ Италіи.

... Середь этихъ разсужденій мнѣ попалась брошюра Кине: "Франція и Германія", я ей ужасно обрадовался, не то чтобъ я особенно зависѣлъ отъ сужденій знаменитаго историка-мыслителя, котораго лично очень уважаю, но я обрадовался не за себя.

Въ старые годы въ Петербургѣ одинъ пріятель из-

вѣстный своимъ юморомъ, найдя у меня на столѣ книгу берлинскаго Мишле "о безсмертіи духа", онъ оставилъ мнѣ записочку слѣдующаго содержанія : "Любезный другъ, когда ты прочтешь эту книгу, потрудись сообщить мнѣ вкратцѣ есть безсмертіе души, или нѣтъ. Мнѣ все равно, но желалъ бы знать для *успокоенія родственниковъ*". Вотъ для *родственниковъ* то и я радъ тому, что встрѣтился съ Кине. Наши друзья до сихъ поръ, не смотря на заносчивую позу, которую многіе изъ нихъ приняли относительно европейскихъ авторитетовъ, ихъ больше слушаютъ, чѣмъ своего брата. Оттого то я и старался, когда могъ, ставить свою мысль подъ покровительство европейской нянюшки. Ухватившись за Прудона, я говорилъ, что у дверей Франціи не Катилина, а смерть; держась за полу Стюарта Миля, я твердилъ объ англійскомъ китаизмѣ и очень доволенъ что могу взять за руку Кине и сказать : "вотъ и почтенный другъ мой Кине говоритъ въ 1867 о латинской Европѣ то, что́ я говорилъ обо всей въ 1847 и во всѣ послѣдующіе".

Кине съ ужасомъ и грустью видитъ пониженіе Франціи, размягченіе ея мозга, ея омельчаніе. Причины онъ не понимаетъ, ищетъ ее въ отклоненіи Франціи отъ началъ 1789 года, въ потерѣ политической свободы и потому въ его словахъ изъ за печали сквозитъ скрытая надежда на выздоровленіе возвращеніемъ къ серьезному парламентскому режиму, къ великимъ принципамъ революціи.

Кине не замѣчаетъ, что великія начала, о которыхъ онъ говоритъ, и вообще политическія идеи латинскаго міра потеряли свое значеніе, ихъ пружина доиграла и чуть-ли не лопнула. Les principes de 1789 не были фразой, но теперь стали фразой, какъ литургія и слова молитвы. Заслуга ихъ огромна, *ими*, *черезъ нихъ* Франція совершила свою революцію, она приподняла завѣсу будущаго и испуганная отпрянула.

Явилась дилемма.

Или свободныя учрежденія снова коснутся завѣтной завѣсы, или правительственная опека, внѣшній порядокъ и внутреннее рабство.

Еслибъ въ европейской народной жизни была одна цѣль, одно стремленіе, та или другая сторона взяла бы давно верхъ. Но такъ какъ сложилась западная исторія, она привела къ вѣчной борьбѣ. Въ основномъ бытовомъ фактѣ двойнаго образованія лежитъ органическое препятствіе послѣдовательному развитію. Жить въ двѣ цивилизаціи, въ два пласта, въ два свѣта, въ два возраста, жить не цѣлымъ организмомъ, а одной частью его, употреблять на топливо и кормъ другую и повторять о свободѣ и равенствѣ становится труднѣе и труднѣе.

Опыты выйти къ болѣе гармоническому, уравновѣшенному строю не имѣли успѣха. Но если они не имѣли успѣха въ данномъ мѣстѣ, это больше доказываетъ неспособность мѣста, чѣмъ ложность начала.

Въ этомъ то и лежитъ вся сущность дѣла.

Сѣверо-американскіе штаты съ своимъ единствомъ цивилизаціи легко опередятъ Европу, ихъ положеніе проще. Уровень ихъ цивилизаціи ниже западно-европейскаго, *но онъ одинъ* и до него достигаютъ *всѣ*, и въ этомъ ихъ страшная сила.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Франція рванулась титанически къ другой жизни, борясь въ потьмахъ, безсмысленно, безъ плана и другаго знанія, кромѣ знанія нестерпимой боли — она была побита "порядкомъ и цивилизаціей", а отступилъ побѣдитель. Буржуазіи пришлось за печальную побѣду свою заплатить всѣмъ, что она выработала вѣками усилій, жертвъ, войнъ и революцій, лучшими плодами своего образованія.

Центры силъ, пути развитія, все измѣнилось, скрывшаяся дѣятельность, подавленная работа общественнаго пересозданія бросились въ другія части, за французскую границу.

Какъ только нѣмцы убѣдились, что французскій берегъ понизился, что страшныя революціонныя идеи ея повѣтшали, что бояться ее нечего—изъ за крѣпостныхъ стѣнъ прирейнскихъ показалась прусская каска.

Франція все пятилась, каска все выдвигалась. Своихъ Бисмаркъ никогда не уважалъ, онъ навострилъ оба уха въ сторону Франціи, онъ нюхалъ воздухъ оттуда и, убѣдившись въ прочномъ пониженіи страны, онъ понялъ, что время Пруссіи настало. Понявши, онъ заказалъ планъ Мольтке, заказалъ иголки оружейникамъ и систематически, съ нѣмецкой, безцеремонной грубостію забралъ спѣлыя нѣмецкія груши и ссыпалъ смѣшному Фридриху Вильгельму въ фартухъ, увѣривъ его, что онъ герой по особенному чуду лютеранскаго Бога.

Я не вѣрю, чтобъ судьбы міра оставались на долго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцолерновъ. Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ. Я скажу, какъ Кентъ Лиру, только обратно : "Въ тебѣ Боруссія нѣтъ ничего, что̀ бы я могъ назвать царемъ". Но все-же Пруссія отодвинула Францію на второй планъ и сама сѣла на первое мѣсто. Но все-же, окрасивъ въ одинъ цвѣтъ пестрые лоскутья нѣмецкаго отечества, *она* будетъ предписывать законы Европѣ до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписывать штыкомъ и исполнять картечью, по самой простой причинѣ, потому что у нея больше штыковъ и больше картечей.

За прусской волной подымается уже *другая*, не очень заботясь нравится это или нѣтъ классическимъ старикамъ.

Англія хитро хранитъ *видъ силы*, отошедши въ сторону, будто гордая въ своемъ мнимомъ неучастіи... она почувствовала въ глубинѣ своихъ внутренностей туже соціальную боль, которую она такъ легко вылечила въ 1848 полицейскими палками... но потуги посильнѣй... и она втягиваетъ далеко хватающіе щупальцы свои на домашнюю борьбу.

Франція удивленная, сконфуженная перемѣной положенія, грозитъ не Пруссіи войной, а Италіи, если она дотронется до временныхъ владѣній *вѣчнаго* отца, и собираетъ деньги на памятникъ Вольтеру.

Воскреситъ ли латинскую Европу дерущая уши прусская труба *послѣдняго* военнаго суда, разбудитъ ли ее приближеніе *ученыхъ* варваровъ?

Chi lo sa?

... Я пріѣхалъ въ Геную съ американцами, только что переплывшими океанъ. Генуя ихъ поразила. Все читанное ими въ книгахъ о старомъ свѣтѣ они увидѣли очью и не могли насмотрѣться на средневѣковыя улицы — гористыя, узкія, черныя, на необычайной вышины домы, на полуразрушенные переходы, укрѣпленія, и проч.

Мы взошли въ сѣни какого то дворца. Крикъ восторга вырвался у одного изъ американцевъ : "Какъ эти люди жили, повторялъ онъ, какъ они жили! Что за размѣры, что за изящество! Нѣтъ, ничего подобнаго вы не найдете у насъ". И онъ готовъ былъ покраснѣть за свою Америку. Мы заглянули внутрь огромной залы. Былые хозяева ихъ въ портретахъ, картины, картины, стѣны сдавшія цвѣтъ, старая мебель, старые гербы, нежилой воздухъ, пустота и старикъ кустодъ въ черной вязаной скуфьѣ, въ черномъ потертомъ сертукѣ, съ связкой ключей..... все такъ и говорило, что это ужъ не домъ, а рѣдкость, саркофагъ, *пышный слѣдъ прошедшей жизни.*

— Да, сказалъ я, выходя, американцамъ, вы совершенно правы, люди эти хорошо *жили.*

(Мартъ 1867).

III.

LA BELLE FRANCE

Ah! que j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France!

I.

ANTE PORTAS

Франція была для меня заперта. Годъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Ниццу, лѣтомъ 1851, я написалъ письмо Леону Фоше, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, и просилъ его дозволенія пріѣхать на нѣсколько дней въ Парижъ. "У меня въ Парижѣ домъ и я долженъ имъ заняться"; истый экономистъ не могъ не сдаться на это доказательство и я получилъ разрѣшеніе пріѣхать "на самое короткое время".

Въ 1852 я просилъ права проѣхать Франціей въ Англію—*отказъ*. Въ 1856 я хотѣлъ возвратиться изъ Англіи въ Швейцарію и снова просилъ визы—*отказъ*. Я написалъ въ Фрибургскій Conseil d'Etat, что я отрѣзанъ отъ Швейцаріи и долженъ или ѣхать тайкомъ, или черезъ Гибралтарскій проливъ, или наконецъ черезъ Германію, причемъ я вѣроятнѣе всего доѣду въ Петропавловскую крѣпость, а не въ Фрибургъ. Въ силу чего я просилъ Conseil d'Etat вступить въ сно-

шеніе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, требуя для меня проѣзда черезъ Францію. Совѣтъ отвѣчалъ мнѣ, 19 Октября 1856 года, слѣдующимъ письмомъ:

М. Г.

Вслѣдствіе вашего желанія, мы поручили швейцарскому министру въ Парижѣ сдѣлать необходимые шаги для полученія вамъ авторизаціи проѣхать Франціей, возвращаясь въ Швейцарію. Мы передаемъ вамъ текстуально отвѣтъ полученный швейцарскимъ министромъ: "Г. Валевскій долженъ былъ совѣщаться по этому предмету съ своимъ товарищемъ внутреннихъ дѣлъ—*соображенія особенной важности*, сообщилъ ему м. в. д., заставили отказать г. Герцену въ правѣ проѣзда Франціей въ прошломъ Августѣ, что онъ не можетъ измѣнить своего рѣшенія", и проч.

Я не имѣлъ ничего общаго съ французами, кромѣ простаго знакомства; не былъ ни въ какой конспираціи, ни въ какомъ обществѣ и занимался тогда уже исключительно русской пропагандой. Все это французская полиція, единая всезнающая, единая національная и потому безгранично сильная, знала превосходно. На меня *гнѣвались* за мои статьи и связи.

Про этотъ гнѣвъ нельзя не сказать, что онъ вышелъ *изъ границъ*. Въ 1859 году я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Брюссель съ моимъ сыномъ. Ни въ Остенде, ни въ Брюсселѣ паспорта не спрашивали. Дней черезъ шесть, когда я возвратился вечеромъ въ отель, слуга, подавая свѣчу, сказалъ мнѣ, что изъ полиціи требуютъ моего паспорта. "Во время хватились", замѣтилъ я. Слуга проводилъ меня до номера и паспортъ взялъ. Только-что я легъ, часу въ первомъ, стучатъ въ дверь; явился опять тотъ-же слуга съ большимъ пакетомъ. "Министръ юстиціи покорно проситъ такого-то явиться завтра въ 11 часовъ утра въ департаментъ de la sureté publique".

— И это вы изъ за этаго ходите ночью будить людей?

— Ждутъ отвѣта.

— Кто?

— Кто-то изъ полиціи.

— Ну скажите, что буду, да прибавьте, что глупо носить приглашенія послѣ полуночи.

За тѣмъ я какъ Нулинъ "свѣчку погасилъ".

На другое утро въ 8 часовъ снова стукъ въ дверь. Догадаться было не трудно, что это все дурачится бельгійская юстиція. "Entrez!"

Взошелъ господинъ излишне чисто одѣтый, въ очень новой шляпѣ, съ длинной цѣпочкой толстой и на видъ золотой, въ свѣжемъ черномъ сертукѣ и пр.

Я едва, и то отчасти одѣтый, представлялъ самый странный контрастъ человѣку, который *долженъ* одѣваться такъ тщательно съ семи часовъ утра для того, чтобъ его хоть ошибкой приняли за честнаго человѣка. Авантажъ былъ съ его стороны.

— Я имѣю честь говорить avec M. Herzen père?

— C'est selon; какъ возмемъ дѣло. Съ одной стороны я отецъ съ другой сынъ.

Это развеселило шпіона.

— Я пришелъ къ вамъ...

— Позвольте, чтобъ сказать, что министръ юстиціи меня зоветъ въ 11 часовъ въ департаментъ?

— Точно такъ.

— Зачѣмъ-же министръ васъ безпокоитъ и притомъ такъ рано? Довольно того, что онъ меня такъ поздно безпокоилъ вчера ночью, прославши этотъ пакетъ.

— Такъ вы будете?

— Непремѣнно.

— Вы знаете дорогу?

— А что-же вамъ велѣно меня провожать?

— Помилуйте, quelle idée!

— И такъ...

— Желаю вамъ добраго дня.

— Будьте здоровы.

Въ 11 часовъ я сидѣлъ у начальника бельгійской общественной безопасности.

Онъ держалъ какую-то тетрадку и мой паспортъ. "Извините меня, что мы васъ побезпокоили, но видите тутъ два небольшихъ обстоятельства: во первыхъ у васъ паспортъ швейцарскій, а... онъ съ полицейской проницательностью, испытуя меня, остановилъ на мнѣ свой взглядъ.

— *А я русскій*, добавилъ я.

— Да, признаюсь, это показалось намъ странно.

— Отчего-же, развѣ въ Бельгіи нѣтъ закона о натурализаціи?

— Да вы?..

— Натурализованъ десять лѣтъ тому назадъ въ Моратѣ, фрибургскаго кантона въ деревнѣ Шатель.

— Конечно, *если такъ*, въ такомъ случаѣ я не смѣю сомнѣваться... мы перейдемъ ко второму затрудненію. Года три тому назадъ вы спрашивали дозволенія пріѣхать въ Брюссель и получили отказъ...

— Этаго, mille pardon, не было и быть не могло. Какое-же я имѣлъ бы мнѣніе о *свободной* Бельгіи, еслибъ я, никогда не высланный изъ нея, усомнился въ правѣ моемъ пріѣхать въ Брюссель?

— Начальникъ общественной безопасности нѣсколько смутился.

— Однако, вотъ тутъ... и онъ развернулъ тетрадь.

— Видно не все въ ней вѣрно. Вотъ вѣдь вы не знали же, что я натурализованъ въ Швейцаріи.

— Такъ-съ. Консулъ е. в. Дельпьеръ...

— Не безпокойтесь, остальное я вамъ разскажу. Я спрашивалъ вашего консула въ Лондонѣ могу-ли я перевести въ Брюссель русскую типографію, т. е. оставитъ-ли типографію въ покоѣ, если я не буду мѣшаться въ бельгійскія дѣла, на что у меня не было никогда никакой охоты, *какъ вы легко повѣрите*. Г. Дельпьеръ спросилъ министра. Министръ просилъ его

отклонить меня отъ моего намѣренія перевести типографію. Консулу вашему было стыдно письменно сообщить министерскій отвѣтъ и онъ просилъ передать мнѣ эту вѣсть, какъ общаго знакомаго, Луи Блана. Я благодаря Луи Блана, просилъ его успокоить г. Дельпьера и увѣрить его, что я съ большей твердостью духа узналъ, что *типографію* не пустятъ въ Брюссель, "еслибъ, прибавилъ я, консулу пришлось мнѣ сообщить обратное, т. е. что меня и типографію во вѣкъ вѣковъ *не выпустятъ изъ Брюсселя*, можетъ я не нашелъ бы столько геройства". Видите я очень помню всѣ обстоятельства.

Охранитель общественной безопасности слегка прочистилъ голосъ и читая тетрадку, замѣтилъ : Дѣйствительно такъ, я о типографіи и не замѣтилъ. Впрочемъ я полагаю, вамъ все-таки необходимо разрѣшеніе отъ министра; иначе, какъ это ни непріятно будетъ для насъ, но мы будемъ вынуждены просить васъ..."

— Я завтра ѣду.

— Помилуйте, никто не требуетъ такой поспѣшности; оставайтесь недѣлю, двѣ. Мы говоримъ на счетъ осѣдлой жизни... я почти увѣренъ, что министръ разрѣшитъ.

— Я могу его просить для будущихъ временъ, но теперь я не имѣю ни малѣйшаго желанія дальше оставаться въ Брюсселѣ.

Тѣмъ исторія и кончилась. "Я забылъ одно запутавшись въ объясненіи", сказалъ мнѣ опасливый хранитель безопасности, "мы малы, мы малы, вотъ наша бѣда; il y a des égards..." ему было стыдно.

Два года спустя, меньшая дочь моя, жившая въ Парижѣ, занемогла. Я опять потребовалъ визы и Персиньи опять отказалъ. Въ это время графъ Ксаверій Браницкій былъ въ Лондонѣ. Обѣдая у него, я разсказалъ объ отказѣ. "Напишите къ принцу Наполеону

письмо, сказалъ Браницкій, я ему доставлю." — Съ какой-же стати буду я писать Принцу? — "Это правда, пишите къ императору. Завтра я ѣду и послѣ завтра ваше письмо будетъ въ его рукахъ". — Это скорѣе, дайте подумать.

Пріѣхавъ домой, я написалъ слѣдующее письмо :

Sire,

Больше десяти лѣтъ тому назадъ я былъ вынужденъ оставить Францію по министерскому распоряженію. Съ тѣхъ поръ мнѣ два раза былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ (*). Впослѣдствіи мнѣ постоянно отказывали въ правѣ въѣзжать во Францію; между тѣмъ въ Парижѣ воспитывается одна изъ моихъ дочерей и я имѣю тамъ собственный домъ.

Я беру смѣлость отнестись прямо къ в. в. съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ въѣзда во Францію и пребыванія въ Парижѣ насколько потребуютъ дѣла, и буду съ довѣріемъ и уваженіемъ ждать вашего рѣшенія.

Во всякомъ случаѣ, Sire, я даю слово, что желаніе мое имѣть право ѣздить во Францію не имѣетъ никакой политической цѣли.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ
вашего величества
покорнѣйшимъ слугой
А. Г.

31 Мая 1861.
Лондонъ, Орсетъ Гаусъ, Уэстборнъ Террасъ.

Браницкій нашелъ, что письмо *сухо*, потому вѣроятно и не достигнетъ цѣли. Я сказалъ ему, что другаго письма не напишу и что, если онъ хочетъ сдѣлать мнѣ услугу, пусть его передастъ, а возьметъ раздумье, пусть броситъ въ каминъ. Разговоръ этотъ былъ на желѣзной дорогѣ. Онъ уѣхалъ.

(*) Второй разъ мнѣ былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Парижъ въ 1853, по случаю болѣзни М. К. Рейхель. Этотъ пропускъ я получилъ по просьбѣ Ротшильда. Болѣзнь М. К. прошла и я имъ не воспользовался. Года черезъ два мнѣ объявили въ французскомъ консульствѣ, что такъ какъ я тогда не ѣздилъ, то пропускъ не имѣетъ больше значенія.

А черезъ четыре дня я получилъ слѣдующее письмо изъ французскаго посольства:

Кабинетъ Префекта Полиціи I Бюро М. Г.

Парижъ 3 Іюня 1861.

По приказанію императора имѣю честь сообщить вамъ, что е. в. разрѣшаетъ вамъ въѣздъ во Францію и пребываніе въ Парижѣ всякій разъ когда дѣла ваши этаго потребуютъ, такъ какъ вы просили вашимъ письмомъ отъ 31 Мая.

Вы можете слѣдственно свободно путешествовать во всей имперіи, соображаясь съ общепринятыми формальностями.

Примите, м. г. и проч.

Префектъ Полиціи.

За тѣмъ подпись эксцентрически вкось, которую нельзя прочесть и которая похожа на все, но не на Фамилію Boitelle.

Въ тотъ-же день пришло письмо отъ Браницкаго. Принцъ Наполеонъ сообщалъ ему слѣдующую записку императора: "Любезный Наполеонъ, сообщаю тебѣ, что я сейчасъ разрѣшилъ въѣздъ *Господину*(*) Герцену во Францію и приказалъ ему выдать паспортъ".

Послѣ этаго "подвысь!" Шлагбаумъ, опущенный въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, поднялся и я отправился черезъ мѣсяцъ въ Парижъ.

(*) Я отмѣтилъ слово *господинъ*, потому что при моей высылкѣ префектура постоянно писала sieur, а Наполеонъ въ запискѣ написалъ слово Monsieur всѣми буквами.

II.

INTRA MUROS

— Maame Erstin! кричалъ мрачный съ огромными усами жандармъ, въ Кале, возлѣ рогатки, черезъ которую должны были проходить во Францію одинъ за однимъ путешественники, только-что сошедшіе на берегъ съ доврскаго парахода и загнанные въ каменный сарай таможенными и другими надзирателями. Путешественники подходили, жандармъ отдавалъ пассы, комиссаръ полиціи допрашивалъ глазами, а гдѣ находилъ нужнымъ языкомъ, и одобренный и найденный безопаснымъ для имперіи, терялся за рогаткой.

На крикъ жандарма въ этотъ разъ никто изъ путешественниковъ не двинулся.

— Mame Ogle Ersten! кричалъ, прибавляя голоса и махая паспортомъ жандармъ. Никто не откликался.

— Да что-же никого что-ли нѣтъ съ этимъ именемъ —кричалъ жандармъ и посмотрѣвъ въ бумагу, прибавилъ: Mamselle Ogle Erstin!

Тутъ только дѣвочка лѣтъ десяти, т. е. моя дочь Ольга, догадалась, что защитникъ порядка вызывалъ ее съ такимъ неистовствомъ.—"Avancez donc, prenez vos papiers!" свирѣпо командовалъ жандармъ. Ольга взяла пассъ и, прижавшись къ М., потихоньку спросила ее: Est-ce que c'est l'empereur?

Это было съ ней въ 1860 году, а со мной случилось черезъ годъ еще хуже, и не у рогатки въ Кале (уже несуществующей теперь), а *вездѣ*, въ вагонѣ, на улицѣ, въ Парижѣ, въ провинціи, въ домѣ, во снѣ, на яву, вездѣ стоялъ передо мной самъ императоръ съ длинными усами засмаленными въ ниточку, съ глазами

безъ взгляда, съ ртомъ безъ словъ. Не только жандармы, которые по положенію своему немного императоры, мерещились мнѣ Наполеонами, но солдаты, сидѣльцы, гарсоны, и особенно кондукторы желѣзныхъ дорогъ и омнибусовъ. Я только тутъ въ Парижѣ 1861 года, передъ тѣмъ же Hôtel de ville'мъ, передъ которымъ я стоялъ полный уваженія въ 1847 году, передъ той же Notre Dame, на Елисейскихъ поляхъ и бульварахъ, понялъ псаломъ, въ которомъ царь Давидъ, съ льстивымъ отчаяніемъ, жалуется Іеговѣ, что онъ не можетъ никуда дѣться отъ него, никуда бѣжать : "Въ воду, говоритъ,—ты тамъ; въ землю —ты тамъ; на небо—и подавно". Шелъ-ли я обѣдать въ Maison d'or, Наполеонъ, въ одной изъ своихъ ипостасей, обѣдалъ черезъ столъ и спрашивалъ трюфли въ салфеткѣ; отправлялся-ли я въ театръ, онъ сидѣлъ въ томъ же ряду, да еще другой ходилъ на сценѣ. Бѣжалъ-ли я отъ него за городъ, онъ шелъ по пятамъ дальше булонскаго лѣса, въ сертукѣ плотно застегнутомъ, въ усахъ съ круто нафабренными кончиками. Гдѣ же его нѣтъ?—На балѣ въ Мабиль? На обѣднѣ въ Мадленъ? — непремѣнно тамъ и тутъ.

La révolution s'est fait homme. "Революція воплотилась въ человѣкѣ", была одна изъ любимыхъ фразъ доктринерскаго жаргона временъ Тьера и либеральныхъ историковъ луи-филипповскихъ временъ—а тутъ похитрѣе, "революція и реакція", порядокъ и безпорядокъ, *впередъ* и *назадъ* воплотились въ одномъ человѣкѣ и этотъ человѣкъ, въ свою очередь, перевоплотился во всю администрацію, отъ министровъ до сельскихъ сторожей, отъ сенаторовъ до деревенскихъ меровъ...разсыпался пѣхотой, поплылъ флотомъ.

Человѣкъ этотъ не поэтъ, не пророкъ, не побѣдитель, не эксцентричность, не геній, не талантъ; а холодный, молчаливый, угрюмый, некрасивый, расчетливый, настойчивый, прозаическій, господинъ "среднихъ лѣтъ,

ни толстый, ни худой". Le bourgeois буржуазной Франціи, l'homme du destin, le neveu du grand homme—плебея. Онъ уничтожаетъ, осредотворяетъ въ себѣ всѣ рѣзкія стороны національнаго характера и всѣ стремленія народа, какъ вершинная точка горы, или пирамиды, оканчиваетъ цѣлую гору *ничѣмъ*.

Въ 49, въ 50 годахъ я не угадалъ Наполеона III. Увлекаемый демократической риторикой, я дурно его оцѣнилъ. 1861 годъ былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ для имперіи, все обстояло благополучно, все уравновѣсилось, примирилось, покорилось новому порядку. Оппозицій и смѣлыхъ мыслей было ровно на столько, на сколько надобно для тѣни и слегка пряного вкуса. Лабуле очень умно хвалилъ Нью-Іоркъ въ пику Парижу, Прево Парадоль Австрію въ пику Франціи. По дѣлу Мирэса дѣлали анонимные намеки. Папу было дозволено исподволь ругать, польскому движенію слегка сочувствовать. Были кружки собиравшіеся пофрондерствовать—какъ бывало мы собирались въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ у кого нибудь изъ старыхъ пріятелей. Были даже свои недовольныя знаменитости въ родѣ статскихъ Ермоловыхъ, какъ Гизо. Остальное все было прибито градомъ. И никто не жаловался, отдыхъ еще нравился такъ какъ нравится первая недѣля поста съ своимъ хрѣномъ да капустой, послѣ семидневнаго масла и пьянства на масляницѣ. Кому постное было не по вкусу, того трудно было видѣть, онъ изчезалъ на короткое или долгое время и возвращался съ исправленнымъ вкусомъ изъ Ламбессы или изъ Мазаса. Полиція—la grande Police, замѣнившая la grande armée, была вездѣ, во всякое время. Въ литературѣ—плоскій штиль—плохіе лодочники плавали спокойно на плохихъ лодкахъ по нѣкогда бурному морю. Пошлость пьэсъ, даваемыхъ на всѣхъ сценахъ, наводила къ ночи тяжелую сонливость, которая утромъ поддерживалась безсмысленными журналами. Журналистика въ прежъ-

немъ смыслѣ не существовала. Главные органы представляли не интересы, а фирмы. Послѣ leading article лондонскихъ газетъ, писанныхъ сжатымъ, дѣловымъ слогомъ, съ "нервомъ", какъ говорятъ французы, и "мышцами"— premiers Paris нельзя было читать. Риторическія декораціи, полинялыя и потертыя и тѣже возгласы, сдѣлавшіеся больше чѣмъ смѣшными, гадкими по явному противорѣчію съ фактами, замѣняли содержаніе. Страждущія народности постоянно приглашались по прежнему надѣяться на Францію, она все таки оставалась "во главѣ великаго движенія" и все еще несла міру революцію, свободу и великіе принципы 1789 года. Опозиція дѣлалась подъ знаменемъ бонапартизма. Это были нюансы одного и того же цвѣта, но ихъ можно было означать въ томъ родѣ, какъ моряки означаютъ промежуточные вѣтры : N.N.W., N.W.N., N.W.W., W.N.W... Бонапартизмъ отчаянный, бѣснующійся, умѣренный—бонапартизмъ монархическій — бонапартизмъ республиканскій, демократическій и соціальный — бонапартизмъ мирный, военный, революціонный, консервативный, наконецъ палеройальскій и тьюльрійскій... Вечеромъ поздно бѣгали по редакціямъ какіе-то господа, ставившіе на мѣсто стрѣлку газетъ, если она гдѣ уходила далеко за N. къ W. или E. Они повѣряли время по хронометру префектуры, вымарывали, прибавляли и торопились въ слѣдующую редакцію.

... Въ café, читая вечерній журналъ, въ которомъ было написано, что адвокатъ Мирека отказался указать какое-то употребленіе суммъ, говоря что тутъ замѣшаны "слишкомъ высоко поставленныя лица", я сказалъ кому-то изъ знакомыхъ: Да какъ-же прокуроръ не заставилъ его назвать и какъ-же не требуютъ этаго журналы? Знакомый дернулъ меня за пальто, оглядѣлся, сдѣлалъ знакъ глазами, руками, тростью. Я не даромъ жилъ въ Петербургѣ, понялъ его и сталъ разсуждать объ абсинтѣ съ зельцерской водой.

Выходя изъ кафе, я увидѣлъ крошечнаго человѣка, бѣгущаго на меня съ крошечными объятіями. На близкомъ разстояніи я разглядѣлъ Даримона.—"Какъ вы должны быть счастливы, говорилъ лѣвый депутатъ, возвратившись въ Парижъ! Ah! je m'imagine!"

— Не то чтобъ особенно!

Даримонъ остолбенѣлъ.

— Ну что Madame Darimon и вашъ маленькій, который вѣрно теперь вашъ большой, особенно если онъ не беретъ въ ростъ примѣра съ отца?

— Toujours le même, ха, ха, ха, très-bien — и мы разстались.

Тяжело мнѣ было въ Парижѣ и я только свободно вздохнулъ, когда черезъ мѣсяцъ, сквозь дождь и туманъ, опять увидѣлъ грязно-бѣлые, мѣловые берега Англіи. Все, что жало, какъ узкіе башмаки при Людовикѣ Филиппѣ, жало теперь какъ колодка. Промежуточныхъ явленій, которыми упрочивался и прилаживался новый порядокъ, я не видалъ, а нашелъ его черезъ десять лѣтъ совершенно *готовымъ и сложившимся*... Къ тому же я Парижъ не узнавалъ, мнѣ были чужды его перестроенныя улицы, недостроенные дворцы и пуще всего встрѣчавшіеся люди. Это не тотъ Парижъ, который я любилъ и ненавидѣлъ, не тотъ, въ который я стремился съ дѣтства, не тотъ, который покидалъ съ проклятьемъ на губахъ. Это Парижъ, утратившій свою личность, равнодушный, откупѣвшій. Сильная рука давила его вездѣ и всякую минуту готова была притянуть возжи—но это было не нужно; Парижъ *принялъ* tout de bon вторую имперію, у него едва оставались наружныя привычки прежняго времени. У "недовольныхъ" ничего не было серьезнаго и сильнаго чтобы они могли противопоставить имперіи. Воспоминанія тацитовскихъ республиканцевъ и неопредѣленные идеалы соціалистовъ не могли потрясти цезарскій

тронъ. Съ "фантазіями" *надзора полиціи* боролся не серьезно, онѣ его сердили не какъ опасность, а какъ безпорядокъ и безчинство. "Воспоминанія" досаждали больше "надеждъ", орлеанистовъ держали строже. Иногда самодержавная полиція нежданно разражалась ударомъ, несправедливымъ и грубымъ, грозно напоминая о себѣ; она нарочно распространяла ужасъ на два квартала и на два мѣсяца, и снова уходила въ щели префектуры и корридоры министерскихъ домовъ.

Въ сущности все было тихо. Два самыхъ сильныхъ протеста были не французскіе. Покушеніями Піанори и Орсини мстила Италія, мстилъ Римъ. Дѣло Орсини, испугавшее Наполеона, было принято за достаточный предлогъ, чтобъ нанести послѣдній ударъ — coup de grâce. Онъ удался. Страна, которая вынесла законы о подозрительныхъ людяхъ Эспинасса, дала своей залогъ. Надобно было испугать, показать, что полиція ни передъ чѣмъ не остановится, надобно было сломить всякое понятіе о правѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, надобно было несправедливостью поразить умы, пріучить къ ней и ею доказать свою власть. Очистивъ Парижъ отъ *подозрительныхъ* людей, Эспинассъ приказалъ префектамъ въ *каждомъ* департаментѣ открыть заговоръ, замѣшать въ него не меньше десяти человѣкъ заявленныхъ враговъ имперіи, арестовать ихъ и представить на распоряженіе министра. Министръ имѣлъ право ссылать въ Кайену, Ламбессу, безъ слѣдствія, безъ отчета и отвѣтственности. Человѣкъ сосланный погибалъ, ни оправданья, ни протеста не могло и быть; онъ не былъ судимъ, могла быть одна монаршая милость. "Получаю это приказаніе", разсказывалъ префектъ Н. нашему поэту Ѳ. Т. — "что тутъ дѣлать? Ломалъ себѣ голову, ломалъ... положеніе затруднительное и непріятное, наконецъ мнѣ пришла счастливая мысль какъ вывернуться. Я посылаю за комиссаромъ полиціи и говорю ему: можете вы въ самомъ скоромъ времени

найти мнѣ десятокъ отчаянныхъ негодяевъ, воровъ неуличенныхъ по суду и т. п. Комиссаръ говоритъ, что ничего нѣтъ легче. Ну такъ составьте списокъ, мы ихъ нынче ночью арестуемъ и потомъ представимъ министру какъ возмутителей".

— Ну что же? спросилъ Т.

— Мы ихъ представили, министръ ихъ отправилъ въ Каену и весь департаментъ былъ доволенъ, благодарилъ меня, что такъ легко отдѣлался отъ мошенниковъ, прибавилъ добрый префектъ, смѣясь.

Правительство прежде устало идти путями террора и насилія—чѣмъ публика и общественное мнѣніе. Времена тишины, покоя, de la sécurité наступали не по днямъ, а по часамъ. Мало по малу разгладились морщины на челѣ полиціи; дерзкій, вызывающій взглядъ шпіона, свирѣпый видъ sergent de ville стали смягчаться; императоръ мечталъ о разныхъ умныхъ и кроткихъ свободахъ и децентрализаціяхъ. Неподкупные въ усердіи министры удерживали его либеральную горячность.

... Съ 1861, двери были отворены и я проѣзжалъ нѣсколько разъ Парижемъ. Сначала я торопился поскорѣе уѣхать, потомъ и это прошло, я привыкъ къ новому Парижу. Онъ меньше сердилъ. Это былъ другой городъ, огромный, незнакомый. Умственное движеніе, наука, отодвинутыя за Сену, не были видны; политическая жизнь не была слышна. Свои "расширенныя свободы" Наполеонъ далъ; беззубая оппозиція подняла свою лысую голову и затянула старую фразеологію сороковыхъ годовъ; работники не вѣрили имъ, молчали и слабо пробовали ассоціаціи, кооперація. Парижъ становился больше и больше общимъ европейскимъ рынкомъ, въ которомъ толпилось, толкалось все на свѣтѣ: купцы, пѣвцы, банкиры, дипломаты, аристократы, артисты всѣхъ странъ и, невиданная въ прежнія времена масса нѣмцевъ. Вкусъ, тонъ, выраженія, все

измѣнилось. Блестящая, тяжелая роскошь, металлическая, золотая, цѣнная, замѣнила прежнее эстетическое чувство; въ мелочахъ и одеждѣ хвастались не выборомъ, не умѣньемъ, а дороговизной, возможностью тратъ и безпрерывно толковали о наживѣ, объ игрѣ въ карты, мѣста, фонды. Лоретки давали тонъ дамамъ. Женское образованіе пало на степень прежняго итальянскаго.

— L'empire, l'empire... вотъ гдѣ зло, вотъ гдѣ бѣда... Нѣтъ, причина глубже. Sire, vous avez un cancer rentré, говоритъ Антомарки, — un Waterloo rentré, отвѣчаетъ Наполеонъ. А тутъ двѣ, три революціи rentrées, avortées, внутрь взошедшія, недоношенныя и выкинутыя.

Оттого-ли Франція не донашиваетъ, что она слишкомъ рано, слишкомъ поспѣшно попала въ интересное положеніе и хотѣла отдѣлаться отъ него кесаревымъ сѣченіемъ; оттого-ли, что духа хватило на рубку головъ, а на рубку идей не достало; оттого-ли, что изъ революціи сдѣлали армію и права человѣка покропили святой водой; оттого-ли, что масса была покрыта тьмой и революція дѣлалась не для крестьянъ?

III.

ALPENDRÜCKEN

Да здравствуетъ свѣтъ!
Да здравствуетъ разумъ!

Русскіе, не имѣя вблизи горъ просто говорятъ—что "домовой душилъ". Оно пожалуй вѣрнѣе. Дѣйствительно, словно кто-то душитъ, сонъ не ясенъ, но очень страшенъ, дыханье трудно, а дышать надобно вдвое, пульсъ поднятъ, сердце ударяетъ тяжело и скоро...

За вами гнались, гонятся по пятамъ, не то люди, не то привидѣнія, передъ вами мелькаютъ забытые образы, напоминающіе другіе годы и возрасты... тутъ какія-то пропасти, обрывы, скользнула нога, спасенья нѣтъ, вы летите въ темную пустоту, крикъ вырывается невольно и вы проснулись... проснулись въ лихорадкѣ, потъ на лбу, дыханье спертo—вы торопитесь къ окну... Свѣжій, свѣтлый разсвѣтъ на дворѣ, вѣтеръ осаживаетъ въ одну сторону туманъ, запахъ травы, лѣса, звуки и крики... все *наше* земное... и вы, успокоенные пьете всѣми легкими утренній воздухъ.

... Меня на дняхъ душилъ домовой, не во снѣ, а на яву, не въ постели, а въ книгѣ, и когда я вырвался изъ нея на свѣтъ, я чуть не вскрикнулъ: "Да здравствуетъ разумъ! нашъ простой, земной разумъ!"

Старикъ Ньеръ Леру, котораго я привыкъ любить и уважать лѣтъ тридцать, принесъ мнѣ свое послѣднее сочиненіе и просилъ непремѣнно прочесть его, "хоть текстъ, а примѣчаніе послѣ, когда нибудь".

"*Книга Іова*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, *сочиненная* Исаіемъ и переведенная Ньеромъ Леру". И не только переведенная, но прилаженная къ современнымъ вопросамъ.

Я прочелъ *весь* текстъ и, подавленный печалью, ужасомъ, искалъ окна.

Что же это такое?

Какіе антецеденты могли развить такой мозгъ, такую книгу? Гдѣ отечество этаго человѣка и что за судьбы и страны и лица? Такъ сойти можно только *съ большаго ума*; это заключеніе длиннаго и сломленнаго развитія.

Книга эта—бредъ поэта лунатика, у котораго въ памяти остались факты и строй, упованья и образы, но смысла не осталось; у котораго сохранились чувства, воспоминанія, формы, но *разумъ* не сохранился, или, если и уцѣлѣлъ, то для того чтобы идти вспять,

распускаясь на свои элементы, переходя изъ мыслей въ фантазіи, изъ истинъ въ мистеріи, изъ выводовъ въ миѳы, изъ знанія въ откровеніе.

Дальше идти нельзя, дальше каталептическое состояніе, опьяненіе Пиѳіи, Шамана, дурь вертящагося Дервиша, дурь вертящихся столовъ...

Революція и чародѣйство, соціализмъ и талмудъ, Іовъ и Ж. Сандъ, Исаія и Сенъ-Симонъ, 1789 годъ до Р. Х. и 1789 послѣ Р. Х., все брошено зря въ кабалистическій горнъ. Что же могло выйти изъ этихъ натянутыхъ, враждебныхъ совокупленій? Человѣкъ захворалъ отъ этой непереваримой пищи, онъ потерялъ здоровое чувство истины, любовь и уваженье къ разуму. Гдѣ же причина, отбросившая такъ далеко отъ русла этаго старика, нѣкогда стоявшаго въ числѣ главъ соціальнаго движенія, полнаго энергіи и любви, человѣка, котораго рѣчь, проникнутая негодованьемъ и сочувствіемъ къ меньшей братіи потрясала сердца? Я это время помню. "Петръ Рыжій", такъ называли мы его въ сороковыхъ годахъ, "становится моимъ Христомъ", писалъ мнѣ, всегда увлекавшійся черезъ край, Бѣлинскій — и вотъ этотъ-то учитель, этотъ живой, будящій голосъ, послѣ пятнадцатилѣтняго удаленія въ Жерсеѣ, является съ grève de Samarez и съ книгой Іова, проповѣдуетъ какое-то переселеніе душъ, ищетъ развязки на томъ свѣтѣ, въ *этотъ не вѣритъ* больше. Франція, революція обманули его; онъ скиніи свои разбиваетъ въ другомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ обмана, да и ничего нѣтъ, въ силу чего большой просторъ для фантазіи.

Можетъ это личная болѣзнь—идіосинкразія? Ньютонъ имѣлъ свою книгу Іова, Августъ Контъ свое помѣшательство.

Можетъ... но что сказать, когда вы берете другую, третью французскую книгу—все книга Іова, все мутитъ умъ и давитъ грудь, все заставляетъ искать

свѣта и воздуха, все носитъ слѣды душевной тревоги и недуга, чего-то сбившагося съ пути. Врядъ можно-ли въ этомъ случаѣ многое объяснить личнымъ безумiемъ, напротивъ, надобно искать въ общемъ разстройствѣ причину частнаго явленiя. Я именно въ полнѣйшихъ представителяхъ французскаго генiя вижу слѣды недуга.

Гиганты эти потерялись, заснули тяжелымъ сномъ, въ долгомъ лихорадочномъ ожиданiи, усталые отъ горечи дня и отъ жгучаго нетерпѣнiя, они бредятъ въ какомъ-то полуснѣ и хотятъ насъ и самихъ себя увѣрить, что ихъ видѣнiя — дѣйствительность и что настоящая жизнь дурной сонъ, который сейчасъ пройдетъ, особенно для Францiи.

Неистощимое богатство ихъ длинной цивилизацiи, колоссальные запасы *слова* и образовъ мерцаютъ въ ихъ мозгу, какъ фосфоресценцiя моря, не освѣщая ничего. Какой-то вихрь, подметающiй передъ начинающимся катаклизмомъ осколки двухъ, трехъ мiровъ, снесъ ихъ въ эти исполинскiя памяти безъ цемента, безъ связи, безъ *науки*. Процессъ, которымъ развивается ихъ мысль для насъ не понятенъ, они идутъ отъ словъ къ словамъ, отъ антиномiй къ антиномiямъ, отъ антитезисовъ къ синтезисамъ не разрѣшающимъ ихъ; iероглифъ принимается за дѣло и желанье за фактъ. Громадныя стремленiя безъ возможныхъ средствъ и ясныхъ цѣлей, недоконченныя очертанiя, недодуманныя мысли, намеки, сближенiя, прорицанiя, орнаменты, фрески, арабески... Ясной связи, которой хвалилась прежняя Францiя, у нихъ нѣтъ, истины они не ищутъ, она такъ страшна на дѣлѣ, что они отворачиваются отъ нея. Романтизмъ ложный и натянутый, напыщенная и дутая риторика отъучили вкусъ отъ всего простаго и здороваго.

Размѣры потеряны, перспективы ложны...

Да еще хорошо, когда дѣло идетъ о путешествiяхъ

душъ по планетамъ, объ ангельскихъ хуторахъ Жана Рено, о разговорѣ Іова съ Прудономъ и Прудона съ мертвой женщиной; хорошо еще, когда изъ цѣлой тысячи и одной ночи человѣчества дѣлается одна сказка, и Шекспиръ изъ любви и уваженія заваливается пирамидами и обелисками, Олимпомъ и Библіей, Ассиріей и Ниневіей—но что сказать, когда все это врывается въ жизнь, отводитъ глаза и мѣшаетъ карты для того, чтобъ ими ворожить о "близкомъ счастьи и исполненіи желаній" на краю пропасти и позора? Что сказать, когда блескомъ прошедшей славы заштукатуриваютъ гнилыя раны, и сифилистическія пятна на повислыхъ щекахъ выдаютъ за румянецъ юноши?

Передъ падшимъ Парижемъ, въ самую нежалкую минуту его паденья, когда онъ довольный богатой ливреей и щедростью посторонніхъ помѣщиковъ, бражничаетъ на всемірномъ толкунѣ, поверженъ въ прахѣ старикъ поэтъ. Онъ привѣтствуетъ Парижъ путеводной звѣздой человѣчества, сердцемъ міра, мозгомъ исторіи, онъ увѣряетъ его, что базаръ на Champ de Mars—починъ братства народовъ и примиренія вселенной.

Пьянить похвалами поколѣніе измельчавшее, ничтожное, самодовольное и кичливое, падкое на лесть и избалованное, поддерживать гордость пустыхъ и выродившихся сыновей и внучатъ, покрывая одобреніемъ генія ихъ жалкое, безсмысленное существованіе—великій грѣхъ.

Дѣлать изъ современнаго Парижа *спасителя и освободителя міра*, увѣрять его, что онъ великъ въ своемъ паденіи, что онъ въ сущности вовсе не падалъ, сбиваетъ на апотеозу *божественнаго* Нерона и *божественнаго* Калигулы, или Каракалы.

Разница въ томъ, что Сенеки и Ульпіаны были въ силѣ и власти, а В. Гюго въ ссылкѣ.

Рядомъ съ лестью васъ поражаетъ неопредѣленность понятій, смутность стремленій, незрѣлость идеаловъ. Люди, идущіе впередъ, ведущіе другихъ, остаются въ полумракѣ, безъ тоски о свѣтѣ. Толки о преображеніи человѣчества, о пересозданіи существующаго... но о какомъ, но во что?

Это равно не ясно, ни *на томъ* свѣтѣ Пьера Леру, ни *на этомъ* Виктора Гюго.

"Въ XX столѣтіи будетъ чрезвычайная страна. Она будетъ велика и это не помѣшаетъ ей быть свободной. Она будетъ знаменита, богата, глубокомысленна, мирна, сердечна ко всему остальному человѣчеству. Она будетъ имѣть кроткую доблесть старшей сестры.

"Эта центральная страна, изъ которой все лучится, эта образцовая ферма человѣчества, по которой все кроится, имѣетъ свое сердце, свой мозгъ, называемый *Парижъ*.

"Городъ этотъ имѣетъ одно неудобство — кто имъ владѣетъ тому принадлежитъ міръ. Человѣчество идетъ за нимъ. Парижъ работаетъ для общности земной. Кто-бъ ты ни былъ, Парижъ твой господинъ... онъ иногда ошибается, имѣетъ свои оптическіе обманы, свой дурной вкусъ... *тѣмъ хуже* для всемірнаго смысла, компасъ потерянъ и прогрессъ идетъ ощупью.

"Но Парижъ настоящій *кажется* не таковъ. Я не вѣрю въ этотъ Парижъ — это призракъ, а впрочемъ небольшая проходящая тѣнь не идетъ въ счетъ когда дѣло идетъ объ огромной утренней зарѣ.

"Одни дикіе боятся за солнце во время затмѣній.

"Парижъ — зажженый факелъ; зажженый факелъ имѣетъ *волю*... Парижъ изгоняетъ изъ себя все нечистое, онъ *уничтожилъ* смертную казнь, на сколько это было въ его волѣ, и перенесъ гильотину въ la Roquette. Въ Лондонѣ вѣшаютъ, гильотинировать въ Парижѣ нельзя больше; еслибъ вздумали снова поставить гильотину передъ ратушей, камни возстали бы. Уби-

вать въ этой средѣ не возможно. Остается поставить внѣ закона, что́ поставлено внѣ города!

"1866 былъ годомъ столкновенія народовъ, 1867 будетъ годомъ ихъ встрѣчей. Выставка въ Парижѣ — великій соборъ мира, всѣ препятствія, тормазы, палки въ колесахъ прогресса сломятся въ куски, разлетятся въ прахъ... Война невозможна... зачѣмъ выставили страшныя пушки и другіе военные снаряды... Развѣ мы не знаемъ, что война умерла? Она умерла въ тотъ день, когда Іисусъ сказалъ: "Любите другъ друга!" и бродила только какъ привидѣніе; Вольтеръ и революція убили ее еще разъ. Мы не вѣримъ въ войну. Всѣ народы побратались на выставкѣ, всѣ народы, притекши въ Парижъ, побывали Франціей (ils viennent être France); они узнали, что есть городъ-солнце... и должны любить его, желать его, выносить его!"

И въ полномъ умиленіи передъ народомъ, который *испаряется братствомъ*, котораго свобода — свидѣтельство совершеннолѣтія человѣческаго рода, Гюго восклицаетъ: "О Франція! прощай! Ты слишкомъ велика, чтобъ быть отечествомъ; съ матерью, сдѣлавшейся богиней, слѣдуетъ разстаться. Еще шагъ во времени, и ты изчезнешь преображенная; ты такъ велика, что скоро тебя не будетъ. Ты не будешь Франціей, ты будешь человѣчествомъ. Ты не будешь страной, ты будешь повсюдностью. Ты назначена изойти лучами... Рѣшись принять бремя твоей безконечности и, какъ Аѳины сдѣлались Греціей, Римъ — христіанствомъ, сдѣлайся ты, Франція, міромъ!"

Когда я читалъ эти строки, передо мной лежала газета, и въ ней какой-то простодушный корреспондентъ писалъ слѣдующее: "То что теперь творится въ Парижѣ—необыкновенно занимательно и, не только для современниковъ, но и для будущихъ поколѣній. Толпы, собравшіяся на выставку, кутятъ... всѣ границы перейдены, оргія вездѣ, въ трактирахъ и домахъ, пуще

всего на самой выставкѣ. Пріѣздъ царей окончательно опьянилъ всѣхъ. Парижъ представляетъ какую-то колоссальную descente de la courtille.

"Вчера (10 Іюня) это опьяненіе дошло до своего апогея. Пока вѣнценосцы пировали во дворцѣ, видавшемъ такъ много на своемъ вѣку, толпы наполняли окольныя улицы и мѣста. По набережной, на улицахъ Риволи, Кастиліоне, Сентъ-Оноре пировали на свой манеръ до трехсотъ тысячъ человѣкъ. Отъ Маделены до théâtre des Variétés шла самая растрепанная и нецеремонная оргія; большія, открытыя линейки, импровизированные омнибусы и шарабаны, заложенные изнуренными, измученными клячами, едва, едва двигались по бульварамъ въ сплошномъ множествѣ головъ и головъ. Линейки эти въ свою очередь были биткомъ набиты, въ нихъ стояли, сидѣли, больше всего лежали растянувшись мущины и женщины во всевозможныхъ позахъ, съ бутылками въ рукахъ; они съ хохотомъ и пѣснями переговаривались съ пѣшей толпой; шумъ и крикъ несся имъ на встрѣчу изъ кафе и ресторановъ совершенно полныхъ; иногда крикъ и пѣсни смѣнялись дикимъ ругательствомъ фіакрнаго извощика, или дружеской ссорой подпившихъ... На углахъ, въ переулкахъ валялись мертво-пьяные, сама полиція, казалось, отступила за невозможностью что нибудь сдѣлать.—Никогда, пишетъ корреспондентъ—я не видалъ ничего подобнаго въ Парижѣ, а живу въ немъ лѣтъ двадцать".

Это на улицѣ, "въ канавѣ," какъ выражаются французы, а что внутри дворцовъ, освѣщенныхъ болѣе чѣмъ десятью тысячами свѣчей... что дѣлалось на праздникахъ, на которые тратилось по милліону франковъ?

"Съ бала, даннаго городомъ въ Hôtel de ville, государи уѣхали около двухъ часовъ"—это повѣствуетъ оффиціальный исторіографъ императорскихъ увесе-

леній — "кареты не могли во время ни пріѣхать, ни отвести восемь тысячь человѣкъ. Часы шли за часами, усталь овладѣла гостями, дамы сѣли на ступеняхъ лѣстницы, другія просто легли въ залахъ на ковры и заснули у ногъ лакеевъ и huissiers, кавалеры шагали за нихъ, цѣпляясь за кружева и уборы. Когда мало по малу разчистилось мѣсто, ковровъ было не видно, все было покрыто завялыми цвѣтами, раздавленными бусами, лоскутьями блондъ и кружевъ, тюля, кисеи, оторванныхъ ефесами, саблями, шитьемъ, царапавшими плечи" и пр.

А за кулисами шпіоны били кулаками, ловили, выдавали за воровъ людей, кричавшихъ : Vive la Pologne! и судъ въ двухъ инстанціяхъ осудилъ ихъ-же на тюрьму за *препятствіе* шпіонамъ беззаконно, безформенно арестовывать ихъ съ зуботычинами.

Я нарочно помянулъ одни *мелочи*—микроскопическая анатомія легче дастъ понятіе о разложеніи ткани, чѣмъ отрѣзанный ломоть трупа...

II.

ДАНІИЛЫ

Въ іюльскіе дни 1848 года, послѣ перваго террора и ошеломленья побѣдителей и побѣжденныхъ, явился представителемъ *угрызенія совѣсти* угрюмый и худой старикъ. Мрачными словами заклеймилъ онъ и проклялъ людей "порядка", разстрѣливавшихъ сотнями, не спрося имени, ссылавшихъ тысячами, безъ суда и державшихъ Парижъ въ осадномъ положеніи. Окончивъ анаѳему, онъ обернулся къ народу и сказалъ ему : "А ты молчи, ты слишкомъ бѣденъ, чтобъ тебѣ имѣть рѣчь".

Это былъ Ламене. Его чуть не схватили, но испугались его сѣдинъ, его морщинъ, его глазъ, на которыхъ дрожала старая слеза, и на которыхъ скоро ничего дрожать не будетъ.

Слова Ламене прошли безслѣдно.

Черезъ двадцать лѣтъ другіе угрюмые старики явились съ своимъ суровымъ словомъ, и ихъ голосъ погибъ въ пустынѣ.

Они не вѣрили въ силу своихъ словъ, но сердце не выдержало. Не сговариваясь въ своихъ ссылкахъ и удаленіяхъ, эти вемическіе судьи и Даніилы произнесли свой приговоръ, зная что онъ не будетъ исполненъ.

Они, на горе себѣ, поняли, что это "ничтожное облако, мѣшающее величественному разсвѣту", не такъ ничтожно; что эта историческая мигрень, это похмѣлье послѣ революціи не такъ-то скоро пройдутъ, и сказали это.

"Въ худшія времена древняго цезаризма, говорилъ Едгаръ Кине на конгрессѣ въ Женевѣ, когда все было нѣмо, за исключеніемъ владыки, находились люди, оставлявшіе свои пустыни для того, чтобъ произнести нѣсколько словъ правды въ глаза падшимъ народамъ.

"Шеснадцать лѣтъ живу я въ пустынѣ и хотѣлъ-бы въ свою очередь прервать мертвое молчаніе, къ которому привыкли въ наше время".

Какую-же вѣсть принесъ онъ съ своихъ горъ и во имя чего поднялъ рѣчь? Онъ ее поднялъ для того, чтобъ сказать своимъ соотечественникамъ (французъ о чемъ-бы ни говорилъ, говоритъ всегда о Франціи): "У васъ нѣтъ совѣсти... она умерла раздавленная пятою сильнаго, она отрѣклась отъ себя. Шеснадцать лѣтъ искалъ я слѣдовъ ея и не нашелъ"!

"Тоже было при Цезаряхъ въ древнемъ мірѣ. Душа человѣческая изчезла. Народы помогали своему порабощенію, рукоплескали ему, не показывая ни сожалѣнія, ни раскаянія. Совѣсть человѣческая, изчезая, оставила

какую-то пустоту, которая чувствовалась во всемъ, какъ теперь, и для того чтобъ ее наполнить, надобно было *новаго бога*.

"*Кто-же* наполнитъ въ наше время пропасти вырытыя новымъ цезаризмомъ?

"На мѣсто стертой, упраздненной совѣсти настала ночь, мы бродимъ въ потьмахъ, не зная откуда искать помощи, къ кому обратиться. Все соучастникъ паденья: церковь и судъ, народы и общество... Глуха земля, глуха совѣсть, глухи народы; право погибло съ совѣстью; одна сила царитъ...

"... Зачѣмъ вы пришли, что̀ вы ищете въ этихъ развалинахъ—развалинъ? Вы отвѣчаете, что ищете мира. Откуда-же вы? Вы заблудились въ обломкахъ падшаго зданья права. Вы ищете мира, вы ошибаетесь, его здѣсь нѣтъ. Здѣсь война. Въ этой ночи безъ разсвѣта должны сталкиваться народы и племена и уничтожать другъ друга зря, исполняя волю властителей, перевязавшихъ имъ умъ и руки.

"Народы подвинутся только тогда, когда *сознаютъ всю глубину своего паденья!*"

Старикъ бросилъ для дѣтей нѣсколько цвѣтовъ, чтобъ уменьшить ужасъ картины. Ему рукоплескали. Они и тутъ не вѣдали что творили. Черезъ нѣсколько дней отреклись отъ своихъ рукоплесканій.

Мѣсяца два передъ тѣмъ какъ эти мрачныя слова раздались на женевскомъ сходѣ, въ другомъ швейцарскомъ городѣ другой изгнанный прежняго времени писалъ слѣдующія строки:

"Я не имѣю больше вѣры во Францію.

"Если когда-нибудь она воскреснетъ къ новой жизни и оправится отъ страха самой себя, это будетъ чудо; изъ такого глубокаго паденья не подымалась ни одна больная нація. Я не жду чудесъ. Забытыя учрежденія могутъ возродиться, — потухнувшій духъ народа не оживаетъ. Несправедливое провидѣніе не дало мнѣ

и того утѣшенья, которымъ оно такъ щедро надѣляетъ, въ замѣну бѣдности, всѣхъ изгнанниковъ,— всегдашней надежды и вѣры въ мечты. Отъ всего прожитаго мною остались только уроки опытности, горькое разочарованіе и неизлечимая усталь (énervement). Мнѣ *холодно* на сердцѣ. Я не вѣрю больше ни въ право, ни въ человѣческую справедливость, ни въ здравый смыслъ. Я отошелъ въ равнодушіе какъ въ могилу".

Жирондистъ Мерсье, одной ногой уже въ гробу, говорилъ во время паденья первой имперіи: "Я живу еще только для того чтобъ увидѣть чѣмъ это кончится!" "Я и этаго не могу сказать, прибавилъ Маркъ Дюфрессъ, у меня нѣтъ особаго любопытства узнать чѣмъ развяжется императорская эпопея".

И старикъ повернулся къ прошедшему и съ глубокой печалью показалъ его изхудалымъ потомкамъ. Настоящее ему не знакомо, чуждо, противно. Изъ его кельи вѣетъ могилой, отъ его словъ дрожь пробираетъ посторонняго.

Слова одного, строки другаго, все скользнуло безслѣдно. Слушая ихъ, читая ихъ, у французовъ не сдѣлалось "холодно въ груди". Многіе открыто негодовали: "Эти люди лишаютъ насъ силъ, повергаютъ въ отчаяніе... гдѣ въ ихъ словахъ *выходъ*, утѣшенье?"

Судъ не обязанъ утѣшать; онъ долженъ обличать, уличать *тамъ*, гдѣ нѣтъ сознанія и раскаянія. Его дѣло вызвать *совѣсть*. Судъ и не пророчество, у него нѣтъ Мессіи въ запасѣ для утѣшенія въ будущемъ. Онъ, такъ-же какъ и подсудимый, принадлежитъ старой религіи. Судъ представляетъ чистую и идеальную сторону ея, а масса ея практическое, уклонившееся, истощенное приложеніе. Осуждающій служитъ поневолѣ практическимъ обвинителемъ идеала; защищая его, онъ указываетъ его односторонность.

Ни Едгаръ Кине, ни Маркъ Дюфрессъ дѣйствительно не знаютъ *выхода,* и зовутъ вспять. Не мудрено, что они его не видятъ, они къ нему стоятъ спиной. Они принадлежатъ къ прошедшему. Возмущенные безчестной кончиной своего міра, они схватили клюку и явились незванными гостьми на оргію высокомѣрнаго, самодовольнаго народа и сказали ему: "Ты все утратилъ, все продалъ, тебя ничто не оскорбляетъ кромѣ правды, у тебя нѣтъ ни прежняго ума, у тебя нѣтъ прежняго достоинства, у тебя нѣтъ совѣсти, ты на днѣ паденья и, не только не чувствуешь твоего рабства, но туда-же имѣешь притязаніе освобождать народы и народности, украшаясь лаврами войны— хочешь надѣть на себя оливковыя вѣнки мира. Опомнись, покайся, если можешь. Мы, умирающіе, пришли тебя звать къ раскаянію, и если не пойдешь, сломимъ жезлъ нашъ надъ тобою".

Они видятъ свое войско отступающимъ, бѣгущимъ отъ своего знамени, и карой своихъ словъ хотятъ его возвратить въ прежній станъ *и не могутъ.* Для того, чтобъ ихъ собрать, надобно новое знамя, а его нѣтъ у нихъ. Они, какъ языческіе первосвященники, раздираютъ ризы свои, защищая падавшую святыню свою. Не они, а гонимые Назареи возвѣщали воскресеніе и жизнь будущаго вѣка.

Кине и Маркъ Дюфрессъ скорбятъ объ осквернены храма своего, храма народнаго представительства. Они скорбятъ не только объ утратѣ во Франціи свободы человѣческаго достоинства, они скорбятъ *о потерѣ передоваго* мѣста, они не могутъ примириться съ тѣмъ, что имперія не предупредила единства Германіи, они ужасаются тому, что Франція сошла *на второй планъ.*

Вопросъ о томъ *зачѣмъ* Франціи, въ которую они сами не вѣрятъ, быть *на первомъ мѣстѣ,* не представлялся ни разу ихъ уму...

Маркъ Дюфрессъ съ раздраженнымъ смиреніемъ

говоритъ, что онъ не понимаетъ *новыхъ вопросовъ*, т. е. экономическихъ; а Кине ищетъ того бога, который сойдетъ, чтобъ наполнить пустоту, оставленную потерей совѣсти... Онъ прошелъ мимо ихъ, они его не узнали и допустили его распятіе.

P. S. Какъ коментарій къ нашему очерку идетъ и странная книга Ренана о "современныхъ вопросахъ". Его тоже пугаетъ настоящее. Онъ понялъ, что дѣло идетъ плохо. Но что за жалкая терапія! Онъ видитъ больнаго по горло въ сифилисѣ и совѣтуетъ ему хорошо учиться и по классическимъ источникамъ. Онъ видитъ внутреннее равнодушіе ко всему, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, и сплетаетъ на выручку изъ своего раціонализма нѣкую религію, католицизмъ безъ настоящаго Христа и безъ папы, но съ плотоумерщвленіемъ. Уму ставитъ онъ дисциплинарныя перегородки, или лучше гигіеническія.

Можетъ самое важное и смѣлое въ его книгѣ—это отзывъ о революціи : "Французская революція была великимъ опытомъ, но *опытомъ неудавшимся*".

И за тѣмъ онъ представляетъ картину ниспроверженія всѣхъ прежнихъ институтовъ, стѣснительныхъ съ одной стороны, но служившихъ отпоромъ противъ поглощающей централизаціи, и на мѣстѣ ихъ—слабаго, беззащитнаго человѣка передъ давящимъ, всемогущимъ государствомъ и уцѣлѣвшей церковью.

По неволѣ съ ужасомъ думаешь о союзѣ этаго государства съ церковью, который совершается наглазно, который идетъ до того, что церковь тѣснитъ медицину, отбираетъ докторскіе дипломы у матеріалистовъ и старается рѣшать вопросы о разумѣ и откровеніи—сенатскимъ рѣшеніемъ, декретировать libre arbitre какъ Робеспьеръ декретировалъ l'être suprême.

Не нынче, завтра церковь захватитъ воспитаніе—тогда что?

Французы, уцѣлѣвшіе отъ реакціи, это видятъ и положеніе ихъ относительно иностранцевъ становится не выгоднѣе и не выгоднѣе. Никогда они не выносили столько какъ теперь, и отъ кого-же? Въ особенности отъ нѣмцевъ. Недавно при мнѣ былъ споръ одного нѣмецкаго ex-réfugié съ однимъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ. Нѣмецъ былъ безпощаденъ. Прежде была какая-то тайно соглашенная терпимость къ англичанамъ, которымъ всегда позволяли говорить нелѣпости изъ уваженія и увѣренности, что они нѣсколько поврежденные, и къ французамъ—изъ любви къ нимъ и изъ благодарности за революцію. Льготы эти остались только для англичанъ—французы очутились въ положеніи состарѣвшихся и подурнѣвшихъ красавицъ, которыя долго не замѣчали, что средства ихъ уменьшились, что на обаяніе красотой надѣяться больше нечего.

Прежде имъ спускалось невѣжество всего находящагося за границами Франціи, употребленіе битыхъ фразъ, позолоченый стеклярусъ, слезливая сентиментальность, рѣзкій, вершающій тонъ и les grands mots —все это утратилось.

Нѣмецъ, поправляя очки, трепалъ француза по плечу, приговаривая: Mais, mon cher et très-cher ami, эти готовыя фразы, замѣняющія разборъ дѣла, вниманье, пониманье, мы знаемъ наизусть; вы намъ ихъ повторяли лѣтъ тридцать; онѣ-то вамъ и мѣшаютъ видѣть ясно настоящее положеніе дѣлъ.

— Но какъ-бы то ни было, все же, говорилъ литераторъ, видимо желая заключить разговоръ,—однакоже, мой милый Философъ, вы всѣ склонили голову подъ прусскій деспотизмъ; я очень понимаю, что для васъ это средство, что прусское владычество — ступень...

— Тѣмъ-то мы и отличаемся отъ васъ, перебилъ его нѣмецъ, что мы идемъ этимъ тяжелымъ путемъ, ненавидя его и покоряясь необходимости, имѣя цѣль

передъ глазами, а вы *пришли* въ такое-же положеніе, какъ въ гавань спасенья; для васъ это не ступень, а заключеніе—къ тому-же большинство его любитъ.

— C'est une impasse, une impasse, замѣтилъ печально литераторъ и перемѣнилъ разговоръ.

По несчастью онъ заговорилъ о рѣчи Жюль Фавра въ Академіи. Тутъ окрысился другой нѣмецъ: "Помилуйте, и эта пустая риторика, это празднословіе можетъ вамъ нравиться? Лицемѣрье, неправда о наукѣ, неправда во всемъ; нельзя-же два часа читать панегирикъ блѣдному Кузеню. И что ему было за дѣло защищать казенный спиритуализмъ? И вы думаете, что эта оппозиція спасетъ васъ? Это риторы и софисты, да и какъ смѣшна вся эта процедура рѣчи и отвѣта, обязательная похвала предшественнику—весь этотъ средневѣковый бой пустословья.

— A bah! Vous oubliez les traditions, les coutumes...

Мнѣ было жаль литератора...

III.

СВѢТЛЫЯ ТОЧКИ

Но за Данилами видны же и свѣтлыя точки, слабыя, дальнія, и въ томъ же Парижѣ. Мы говоримъ о Латинскомъ кварталѣ, объ этой Авентинской горѣ, на которую отступили учащіеся и ихъ учители, то есть тѣ изъ нихъ, которые остались вѣрны великому преданію 1789 года, энциклопедистамъ, горѣ, соціальному движенію. Тамъ хранится Евангеліе первой революціи; читаютъ ея апостольскія дѣянія и посланія святыхъ отцевъ XVIII вѣка; тамъ извѣстны *великіе вопросы*, которыхъ не знаетъ Маркъ Дюфрессъ; тамъ мечтаютъ о будущей "веси человѣческой", такъ какъ монахи первыхъ вѣковъ мечтали о "веси божіей".

Изъ переулковъ этаго Лаціума, изъ четвертыхъ этажей невзрачныхъ домовъ его, постоянно идутъ ставленники и миссіонеры на борьбу и проповѣдь и гибнутъ большею частью морально, а иногда физически, in partibus infidelium, т. е. по другую сторону Сены.

Объективная истина съ ихъ стороны, всяческая правота и дѣльность пониманья съ ихъ стороны—но и только. "Рано или поздно истина всегда побѣждаетъ". А мы думаемъ, *очень поздно* и *очень рѣдко*. Разумъ съ поконъ вѣка былъ не доступенъ или противенъ большинству. Для того, чтобъ *разумъ* могъ понравиться, Анахарсисъ Клотцъ долженъ былъ одѣть его въ хорошенькую актрису, а ее раздѣть до нага. Дѣйствовать на людей можно только грезя ихъ сны яснѣе, чѣмъ они сами грезятъ, а не доказывать имъ свои мысли такъ, какъ доказываютъ геометрическія теоремы.

Латинскій кварталъ напоминаетъ средневѣковые чертозы или камалдулы, отступившія на шагъ отъ людскаго шума, съ своей вѣрой въ братство, милосердіе и главное въ скорое пришествіе царства божія. И это въ самое то время, когда за ихъ стѣнами рыцари и рейтеры жгли и рѣзали, лили кровь, грабили, засѣкали вилановъ, насиловали ихъ дочерей... Потомъ наступили другія времена, также безъ братства и втораго пришествія, и это прошло—а камалдулы и чертозы остались при своей вѣрѣ. Нравы еще смягчились, измѣнилась манера грабить, насиловать стали съ платой, обирать по принятымъ уставамъ; но царство божіе не приходило, а все неминуемо *наступало* (такъ казалось въ чертозахъ), знаменія становились все яснѣе, прямѣе; вѣра спасала иноковъ отъ отчаянія.

Съ каждымъ ударомъ, отъ котораго разлетаются въ прахъ послѣднія убогія свободы; съ каждымъ паденіемъ общества, съ каждымъ наглымъ шагомъ назадъ,

Латинскій кварталъ приподнимаетъ голову, mezza voce, у себя дома поетъ Марсельезу и поправляя фуражку говоритъ: "этого то и надобно было. Они дойдутъ до предѣла... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше". Латинскій кварталъ вѣритъ *въ свой курсъ* и храбро чертитъ планъ свой, "весь истины", идя въ разрѣзъ съ "весью дѣйствительности".

А Пьеръ Леру вѣритъ въ Іова!

А В. Гюго—въ выставку братства!

IV.

ПОСЛѢ НАБѢГА

"Святой отецъ—теперь ваше дѣло!"

ДОНЪ КАРЛОСЪ. (Филиппъ II великому инквизитору)

Эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла и безъ его сіятельства дѣло не обойдется. Не церемоньтесь, Графъ!

Я не дивлюсь тому что дѣлается и не имѣю права дивиться — я давно кричалъ свое: "берегись, берегись!"... Я просто *прощаюсь* и это тяжело. Тутъ нѣтъ ни противурѣчія, ни слабости. Человѣкъ можетъ очень хорошо знать, что если подагра у него подымется, то будетъ очень больно; онъ можетъ сверхъ того предчувствовать, что она подымется, что ее ничѣмъ не остановишь; тѣмъ не меньше ему все же будетъ *больно*, когда она подымется.

Мнѣ жаль личностей, которыхъ люблю.

Мнѣ жаль страны, которой первое пробужденіе я видѣлъ своими глазами и которую теперь вижу изнасилованную и обезчещенную.

Мнѣ жаль этого Мазепу, котораго отвязали отъ хвоста одной Имперіи, чтобъ привязать къ хвосту другой.

Мнѣ жаль, что я правъ, я словно соприкосновенный къ дѣлу, тѣмъ, что въ общихъ чертахъ его предвидѣлъ. Я досадую на себя, какъ досадуетъ дитя на барометръ, предсказавшій бурю и испортившій прогулку.

Италія похожа на семью, въ которой недавно совершилось какое нибудь черное преступленіе, обрушилось какое нибудь страшное несчастіе, обличившее дурныя тайны—на семью, по которой прошла рука палача, изъ которой кто нибудь выбылъ на галеры... всѣ въ раздраженіи, невинные стыдятся и готовы на дерзкій отпоръ. Всѣхъ мучитъ безсильное желаніе мести, страдательная ненависть отравляетъ, разслабляетъ.

Можетъ и *есть* близкіе выходы, но разумомъ ихъ не видать; они лежатъ въ случайностяхъ, во внѣшнихъ обстоятельствахъ, они лежатъ, *внѣ границъ*. Судьба Италіи, *не въ ней*. Это само по себѣ одно изъ невыносимѣйшихъ оскорбленій; оно такъ грубо напоминаетъ недавній плѣнъ и чувство собственной несостоятельности и слабости, которое начало было стираться.

И только *двадцать лѣтъ!*

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ концѣ Декабря, я въ Римѣ оканчивалъ первую статью "Съ того берега" и *измѣнилъ* ей, увлеченный сорокъ восьмымъ годомъ. Я былъ тогда въ полной силѣ развитія и съ жадностью слѣдилъ за развертывающимися событіями. Въ моей жизни не было еще ни однаго несчастія, которое оставило бы сильный, ноющій рубецъ, ни однаго упрека совѣсти внутри, ни однаго оскорбительнаго слова снаружи. Я несся, слегка ударяя въ волны, съ безумнымъ легкомысліемъ, съ безграничной самонадѣянностью, на всѣхъ парусахъ. И всѣ ихъ одни за одними пришлось подвязать! . . . . . .

. . . . . .

Во время перваго ареста Гарибальди, я былъ въ Парижѣ. Французы не вѣрили въ вторженіе ихъ войскъ. Мнѣ случалось встрѣчаться съ людьми разныхъ слоевъ общества. Заклятые ретрограды и клерикалы желали вмѣшательства, кричали о немъ, но сомнѣвались. На желѣзной дорогѣ, одинъ извѣстный французскій ученый, прощаясь со мной, говорилъ мнѣ: "У васъ, мой милый, сѣверный Гамлетъ, такъ фантазія настроена, вы видите одно черное, оттого вамъ и не очевидна невозможность войны съ Италіей; правительство слишкомъ хорошо знаетъ, что война за Папу поставитъ противъ него все мыслящее, вѣдь все-же мы Франція 1789 года". Первая новость, которую я не прочелъ, а *увидѣлъ*—былъ флотъ отправлявшійся изъ Тулона въ Чивиту. "Это военная прогулка", говорилъ мнѣ другой французъ. "On ne viendra jamais aux mains, да и не нужно намъ мараться въ итальянской крови".

Оказалось *нужнымъ*. Нѣсколько юношей изъ "Лаціума" протестовали, ихъ посадили на съѣзжую, со стороны Франціи тѣмъ и кончилось.

Удивленная, окровавленная Италія, благодаря нерѣшительности короля, шулерству министерства, дѣлала всѣ уступки. Но разсвирѣпѣлаго француза, упивающагося всякой побѣдой, нельзя было остановить—къ крови, къ дѣлу ему надобно было прибавить крѣпкое *слово*.

И на этомъ крѣпкомъ словѣ, покрытомъ рукоплесканіями имперіи, подали руку ея злѣйшіе враги: легитимисты, въ видѣ стараго стряпчаго бурбоновъ —Берье, и орлеанисты—въ видѣ стараго Фигаро временъ Людовика-Филиппа—Тьера.

Я считаю *слово* Руэра историческимъ откровеніемъ. Кто послѣ этаго не понялъ Франціи, тотъ слѣпорожденный.

Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!

А вы, Маццини, Гарибальди, послѣдніе угодники божіи, послѣдніе Могикане, сложите ваши руки, успокойтесь. Теперь васъ не нужно. Вы свое сдѣлали. Теперь дайте мѣсто безумію, бѣшенству крови, которыми или Европа себя убьетъ, или реакція. Ну что-же вы сдѣлаете съ вашими ста республиканцами и вашими волонтерами, съ двумя-тремя ящиками контробандныхъ ружей? Теперь милліонъ отсюда, милліонъ оттуда, съ иголками и другими пружинами. Теперь пойдутъ озера крови, моря крови, горы труповъ... а тамъ тифъ, голодъ, пожары, пустыри.

А! господа консерваторы, вы не хотѣли даже и такой блѣдной республики какъ Февральская, не хотѣли подслащенной демократіи, которую вамъ подносилъ кондитеръ Ламартинъ. Вы не хотѣли ни Маццини стоика, ни Гарибальди героя. Вы хотѣли *порядка*.

Будетъ вамъ за то война, семилѣтняя, тридцатилѣтняя...

Вы боялись соціальныхъ реформъ, вотъ вамъ Фениане, съ бочкой пороха и зажженнымъ фитилемъ.

Кто въ дуракахъ?

Генуя, 31 Декабря 1867 года.

IV.

ЛОНДОНСКАЯ ВОЛЬНИЦА(*)

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Отрывокъ этотъ идетъ *за* описаніемъ "горныхъ вершинъ" эмиграціи — отъ ихъ вѣчно красныхъ утесовъ до низменныхъ болотъ и "сѣрныхъ коней"(**). Я прошу читателя не забывать, что въ этой главѣ мы опускаемся съ нимъ ниже уровня моря и занимаемся исключительно илистымъ дномъ его, такъ какъ оно было послѣ февральскаго шквала.

Почти все описанное здѣсь, измѣнилось, изчезло; политическіе поддонки пятидесятыхъ годовъ занесло новыми песками и новыми грязями. Истощился, притихъ, вымеръ этотъ низменный міръ волненій и гоненій, отстой его успокоился и занялъ свое мѣсто въ слойкѣ. Оставшіяся личности становятся рѣдкостью и я ужъ люблю съ ними встрѣчаться.

Печально уродливы, печально смѣшны нѣкоторые изъ образовъ, которые я хочу вывести, но они всѣ списаны съ натуры — безслѣдно изчезнуть и они не должны.

(*) Изъ V тома "*Былое и Думы*".

(**) De Schwefelbande.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Простыя несчастья и несчастья политическія. — Учители и коммиссіонеры. — Ходебщики и хожалые. — Ораторы и эпистолаторы. — Ничего не дѣлающіе фактотумы и вѣчно занятые трутни. — Русскіе. — Воры. — Шпіоны.

(Писано въ 1856—1857).

... Отъ *сѣрной шайки*, какъ сами нѣмцы называютъ Марксидовъ, естественно и не далеко перейти къ послѣднимъ поддонкамъ, къ мутной гущѣ, которая осѣдаетъ, отъ континентальныхъ толчковъ и потрясеній — на британскихъ берегахъ и пуще всего въ Лондонѣ.

Можно себѣ представить, сколько противуположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка и оставляютъ въ Англіи приливы и отливы революцій и реакцій, истощающихъ какъ перемѣжающаяся лихорадка европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей низвергаются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну. Каковъ долженъ быть хаосъ понятій, воззрѣній у этихъ образцовъ всѣхъ нравственныхъ формацій и реформацій, всѣхъ протестовъ, всѣхъ утопій, всѣхъ отчаяній, всѣхъ надеждъ встрѣчающихся въ закоулкахъ, харчевняхъ и питейныхъ домахъ Лестер-сквера и его *проселочныхъ* переулковъ. "Тамъ гдѣ, по выраженію Теймса, обитаетъ жалкое населеніе чужеземцевъ, носящихъ шляны, какихъ никто не носитъ и волосы тамъ, гдѣ ихъ не надобно, населеніе несчастное, убогое, загнанное, и котораго трепещутъ всѣ сильные монархи Европы, кромѣ Англійской Королевы". Да, тамъ дѣйствительно по public hous'амъ и харчевнямъ сидятъ эти чужіе, эти

гости, за джиномъ съ горячей водой, съ холодной водой и совсѣмъ безъ воды, съ горькимъ портеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше не способны, и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получатъ.

Какихъ оригиналовъ, какихъ чудаковъ я не нагляделся между ними! Тутъ рядомъ съ комунистомъ стараго толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства — старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино или Донъ-Хуану, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ рядомъ съ венгерцомъ, разсказывающимъ какъ онъ съ пятью гонведами, опрокинулъ эскадронъ австрійской кавалеріи и застегивающій венгерку до самаго горла, чтобы имѣть еще больше военный видъ, венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому — нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искуствъ изъ насущнаго нива, атеистъ, космополитъ, презирающій всѣ націи, кромѣ Куръ-Гессена или Гессенъ-Касселя, смотря потому въ которомъ изъ Гессеновъ родился — полякъ, прежняго покроя католически любящій независимость и итальянецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму.

Возлѣ эмигрантовъ революціонеровъ, эмигранты *консерваторы*. Какой нибудь негоціантъ или нотаріусъ, sans adieux удалившійся отъ родины, кредиторовъ и довѣрителей, считающій себя тоже *несправедливо гонимымъ*—какой нибудь *честный* банкрутъ, увѣренный, что онъ скоро очистится, пріобрѣтетъ кредитъ и капиталъ, такъ какъ его сосѣдъ справа, достовѣрно знаетъ, что на дняхъ, la rouge будетъ провозглашена лично самой "Марьяной"—а сосѣдъ слѣва, что Орлеанская фамилія, укладывается въ Клермон'ѣ и принцессы

шьютъ отличныя платья для торжественнаго въѣзда въ Парижъ.

Къ *консервативной* средѣ "виноватыхъ, но не осужденныхъ окончательно *за отсутствіемъ* подсудимаго", принадлежатъ и больше радикальныя лица, чѣмъ банкруты и нотаріусы съ горячимъ воображеніемъ; — это люди, имѣвшіе на родинѣ *большія несчастія* и желающіе всѣми силами выдать *свои простыя несчастія*, за несчастія *политическія*. Эта особая номенклатура требуетъ поясненія.

Одинъ нашъ пріятель явился шутя въ агентство сватовства. Съ него взяли десять франковъ и принялись распрашивать, какую ему нужно невѣсту, въ сколько приданнаго, бѣлокурую или смуглую, и пр., за тѣмъ записывавшій гладенькій старичекъ, оговорившись и извиняясь, сталъ спрашивать о его происхожденіи, очень обрадовался, узнавъ, что оно дворянское, потомъ усугубивъ извиненія, спросилъ его, замѣтивъ притомъ, что молчаніе гроба ихъ законъ и сила.

— Не имѣли-ли вы *несчастій?*

— Я полякъ и въ изгнаніи, т. е. безъ родины, безъ правъ, безъ состоянія.

— Послѣднее плохо, но позвольте, по какой причинѣ оставили вы вашу belle patrie?

— По причинѣ послѣдняго возстанія (дѣло было въ 1848 году).

— Это ничего не значитъ, *политическія несчастія мы не считаемъ*, оно скорѣе выгодно, c'est une attraction. Но позвольте, вы меня завѣряете, что у васъ не было *другихъ несчастій?*

— Мало-ли было, ну отецъ съ матерью у меня умерли.

— О, нѣтъ, нѣтъ...

— Что-же вы разумѣете подъ словомъ *другаго несчастія?*

— Видите, еслибъ вы оставили ваше прекрасное

отечество по *частнымъ* причинамъ, а не по политическимъ. Иногда въ молодости, неосторожность, дурные примѣры, искушеніе большихъ городовъ, знаете одакъ... необдуманно данный вексель, не совершенно правильная растрата непринадлежащей суммы, подпись, какъ нибудь...

— Понимаю, понимаю, сказалъ расхохотавшись X; нѣтъ, увѣряю васъ, я не былъ судимъ ни за кражу, ни за подлогъ.

...Въ 1855 году, одинъ французъ exilé de sa patrie, ходилъ по товарищамъ несчастія, съ предложеніемъ помочь ему въ изданіи его поэмы, въ родѣ Бальзаковой "Comedie du diable", писанной стихами и прозой, съ новой орѳографіей и вновь изобрѣтеннымъ синтаксисомъ. Тутъ были дѣйствующими лицами Людовикъ-Филиппъ, Іисусъ Христосъ, Робеспьеръ, Маршалъ Бюжо и самъ Богъ.

Между прочимъ явился онъ съ той-же просьбой къ III., честнѣйшему и чопорнѣйшему изъ смертныхъ. — "Вы давно-ли въ эмиграціи?" спросилъ его защитникъ черныхъ.

— Съ 1847 года.

— Съ 1847 года? и вы пріѣхали сюда?

— Изъ Бреста, изъ каторжной работы.

— Какое-же это было дѣло? Я совсѣмъ не помню.

— О, какъ-же, тогда это дѣло было очень извѣстно. Конечно, это дѣло больше частное.

— Однакожъ...? спросилъ нѣсколько обезпокоенный III.

— Ah bas, si vous y tenez, я по своему протестовалъ противъ права собственности, j'ai protesté à ma manière.

— И вы... вы были въ Брестѣ?

— Parbleu, oui, семь лѣтъ каторжной работы *за воровство со взломомъ* (vol avec effraction).

II III., голосомъ цѣломудренной Сусанны, гнавшей нескромныхъ стариковъ, просилъ самобытнаго протестанта выйти вонъ.

Люди, которыхъ несчастія по счастію были *общія* и протесты коллективные, оставленные нами въ закопченныхъ public haus'ахъ и черныхъ тавернахъ, за некрашенными столами съ джинъ-уатеромъ и портеромъ, настрадались вдоволь и что всего больнѣе, не зная совсѣмъ за что.

Время шло съ ужасной медленностью, но шло; революціи нигдѣ не было въ виду, кромѣ въ ихъ воображеніи, а нужда дѣйствительная, безпощадная, подкашивала все ближе и ближе подножный кормъ, и вся эта масса людей, большею частью хорошихъ, голодала больше и больше. Привычки у нихъ не было къ работѣ, умъ обращенный на политическую арену, не могъ сосредоточиться на дѣлѣ. Они хватались за все, но съ озлобленіемъ, съ досадой, съ нетерпѣніемъ, безъ выдержки и все падало у нихъ изъ рукъ. Тѣ, у которыхъ была сила и мужество труда, тѣ незамѣтно выдѣлялись и выплывали изъ тины, а остальные?

И какая бездна была этихъ остальныхъ! Съ тѣхъ поръ многихъ унесла французская амнистія и амнистія смерти, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, я засталъ еще the great tide.

Нѣмецкіе изгнанники, особенно не работники, много бѣдствовали, не меньше французовъ. Удачъ имъ было мало. Доктора медицины, хорошо учившіеся и, во всякомъ случаѣ во сто разъ лучше знавшіе дѣло, чѣмъ англійскіе цирульники, называемые surgeon, не могли пробиться до самой скудной практики. Живописцы, ваятели, съ чистыми и платоническими мечтами объ искуствѣ и священнодѣйственномъ служеніи ему, но безъ производительнаго таланта, безъ ожесточенія, настойчивости работы,

безъ мѣткаго чутья, гибли въ толпѣ соревнующихъ соперниковъ. Въ простой жизни своего маленькаго городка, на дешевомъ нѣмецкомъ корму, они могли бы прожить мирно и долго, сохраняя свое дѣвственное поклоненіе идеаламъ и вѣру въ свое жреческое призваніе. Тамъ они остались-бы и умерли въ подозрѣніи таланта. Вырванные французской бурей изъ родныхъ палисадниковъ, они потерялись въ Бѣловежской пущи Лондонской жизни.

Въ Лондонѣ, чтобъ не быть затертымъ, задавленнымъ, надобно работать много, рѣзко, сейчасъ и что̀ попало, что̀ потребовали. Надобно остановить разсѣянное вниманіе ко всему приглядѣвшейся толпы—силой, наглостью, множествомъ, всякой всячиной. Орнаменты, узоры для шитья, арабески, модели, снимки, слѣпки, портреты, рамки, акварели, кронштейны, цвѣты—лишь-бы скорѣе, лишь-бы кстати и въ большомъ количествѣ. Жюльенъ, le grand Julien, *черезъ сутки* послѣ полученія вѣсти объ индѣйской побѣдѣ Гевлока, написалъ концертъ съ крикомъ африканскихъ птицъ и топотомъ слоновъ, съ индѣйскими напѣвами и пушечной пальбой, такъ что Лондонъ разомъ читалъ въ газетахъ и слушалъ въ концертѣ реляцію. За этотъ концертъ онъ выручилъ громадныя суммы, повторяя его мѣсяцъ. А зарейнскіе мечтатели падали середь дороги на этой безчеловѣчной скачкѣ за деньгами и успѣхами, изнеможенные, съ отчаяніемъ складывали они руки или хуже, подымали ихъ на себя, чтобы окончить, неровный и оскорбительный бой.

Кстати къ концертамъ, музыкантамъ изъ нѣмцевъ вообще было легче—количество ихъ потребляемое ежедневно Лондономъ съ его субурбами, колосально. Театры и частные уроки, скромные балы у мѣщанъ и нескромные въ Argyl'румѣ, въ Креморнѣ, въ Casino, cafés chantants съ танцами, cafés chantants съ трико въ античныхъ позахъ, Her Majesty's, Ковенъ Гарденъ,

Эксетеръ Галь, Кристаль Паласъ, С. Джемсъ на верху —и углы всѣхъ большихъ улицъ внизу, занимаютъ и содержатъ цѣлое народонаселеніе двухъ-трехъ нѣмецкихъ герцогствъ. Мечтай себѣ о музыкѣ будущаго и о Россини колѣнопреклоненномъ передъ Вагнеромъ, читай себѣ дома á livre ouvert, безъ инструмента, Тангейсера и исполняй, за штатскимъ тамбурмажоромъ и гаеромъ съ слоновой палкой, часа четыре къ ряду какую нибудь Mary Ann Польку, или Flower and butterfly's redova — и дадутъ бѣдняку отъ двухъ до четырехъ съ половиной шиллинговъ за вечеръ, и пойдетъ онъ въ темную ночь по дождю въ полпивную, въ которую преимущественно ходятъ нѣмцы и застанетъ тамъ моихъ бывшихъ друзей Краута и Миллера, — Краута, шестой годъ работающаго надъ бюстомъ, который становится все хуже; Миллера, двадцать шестой годъ дописывающаго трагедію "Эрикъ", которую онъ мнѣ читалъ, десять лѣтъ тому назадъ, пять лѣтъ тому назадъ и теперь-бы еще читалъ, еслибъ мы не поссорились съ нимъ.

А поссорились мы съ нимъ за генерала Урбана, но объ этомъ въ другой разъ...

... И чего не дѣлали нѣмцы, чтобъ заслужить благосклонное вниманіе англичанъ, все безуспѣшно. Люди, всю жизнь курившіе во всѣхъ углахъ своего жилья, за обѣдомъ и чаемъ, въ постели и за работой, не курятъ въ Лондонѣ, въ своемъ законченомъ, продымленномъ отъ угля drawing room'ѣ и не дозволяютъ курить гостю. Люди, всю жизнь ходившіе въ биркнейны своей родины выпить "шопъ", посидѣть тамъ за трубкой въ хорошемъ обществѣ, идутъ не глядя мимо public hous'овъ и посылаютъ туда за пивомъ горничную съ кружкой или молочникомъ.

Мнѣ случилось въ присутствіи одного нѣмецкаго выходца, отправлять къ англичанкѣ письмо. "Что вы

дѣлаете?" вскрикнулъ онъ въ какомъ-то азартѣ, я вздрогнулъ и невольно бросилъ пакетъ, полагая по крайней мѣрѣ, что въ немъ скорпіонъ; "въ Англіи, сказалъ онъ, письмо складываютъ вообще *втрое, а не вчетверо*, а вы еще пишете къ дамѣ, и къ какой".

Сначала моего пріѣзда въ Лондонъ, я пошелъ отыскивать одного знакомаго нѣмецкаго доктора. Я не засталъ его дома и написалъ на бумагѣ, лежавшей на столѣ, что-то въ родѣ: Cher docteur, я въ Лондонѣ и очень желалъ-бы васъ видѣть, не придете-ли вечеромъ въ такую то таверну, выпить по старому бутылку вина и потолковать о всякой всячинѣ. Докторъ не пришелъ, а на другой день я получилъ отъ него записку въ такомъ родѣ: Monsieur! Н, мнѣ очень жаль, что я не могъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, мои занятія не оставляютъ мнѣ столько свободнаго времени. Постараюсь впрочемъ на дняхъ посѣтить васъ и пр.—"А что? У доктора видно практика того?" спросилъ я освободителя Германіи, которому былъ обязанъ знаніемъ, что англичане письма складываютъ втрое. "Никакой нѣтъ, der Kerl hat Pech gehabt in London, es geht ihm zu ominös". "Такъ что-же онъ дѣлаетъ?" и я передалъ ему записку. Онъ улыбнулся, однако замѣтилъ, что и мнѣ врядъ слѣдовало-ли оставлять на столѣ доктора медицины открытую записку, въ которой я его приглашаю выпить бутылку вина; "да и зачѣмъ же въ такой тавернѣ, гдѣ всегда народъ, здѣсь пьютъ дома".—"Жаль, замѣтилъ я, наука всегда приходитъ поздно, теперь я знаю какъ доктора звать и куда, но навѣрно не позову".

За тѣмъ воротимся къ нашимъ чающимъ движенія народнаго, присылки денегъ отъ родныхъ и работы безъ труда.

Не работнику начать работу не такъ легко какъ кажется, многіе думаютъ, пришла нужда, есть работа,

есть молотъ и долотъ и работникъ готовъ. Работа требуетъ не только своего рода воспитанія, навыка; но и самоотверженія. Изгнанники большей частью люди изъ мелкой литературной и "паркетной" среды, журнальные поденщики, начинавшіе адвокаты — отъ своего труда въ Англіи они жить не могли, другой имъ былъ дикъ; да и не стоило начинать его, они все прислушивались, не раздастся-ли набатъ; прошло десять лѣтъ, прошло пятнадцать лѣтъ, нѣтъ набата.

Въ отчаяніи, въ досадѣ, безъ платья, безъ обезпеченія на завтрашній день, окруженные возрастающими семьями, они бросаются закрывъ глаза на аферы, выдумываютъ спекуляціи. Аферы не удаются, спекуляціи лопаютъ, и потому что они выдумываютъ вздоръ, и потому что они вносятъ вмѣсто капитала какую-то безпомощную неловкость въ дѣлѣ, чрезвычайную раздражительность, неумѣнье найтиться въ самомъ простомъ положеніи и опять таки неспособность къ выдержанному труду и усѣянному терніями началу. При неудачѣ они утѣшаются недостаткомъ денегъ: "Будь сто-двѣсти фунтовъ и все пошло-бы какъ по маслу!" Дѣйствительно, недостатокъ капитала мѣшаетъ, но это общая судьба работниковъ. Чего и чего не выдумывалось, отъ общества на акціяхъ для выписыванія изъ Гавра куриныхъ яицъ, до изобрѣтенія особыхъ чернилъ для фабричныхъ марокъ и какихъ-то эссенцій, которыми можно было превращать скверныѣйшія водки въ превосходнѣшіе ликеры. Но пока собирались товарищества и капиталы на всѣ эти чудеса, надобно было ѣсть и нѣсколько прикрываться отъ сѣверо-восточнаго вѣтра и отъ застѣнчивыхъ взоровъ дщерей Альбіона.

Для этаго предпринимались два палліативныя средства: одно очень скучное и очень невыгодное, другое также невыгодное, но съ большими развлеченіями. Люди мирные, съ Sitzfleisch'емъ, принимались за уроки,

не смотря на то, что они не только прежде не давали уроковъ, да и сомнительно, чтобъ когда нибудь ихъ брали. Конкуренція страшно понизила цѣны.

Вотъ образщикъ объявленій одного семидесятилѣтняго старика, который, мнѣ кажется, принадлежалъ скорѣе къ числу *самобытныхъ протестантовъ*, чѣмъ коллективныхъ.

MONSIEUR N. N.

TEACHES THE FRENCH LANGUAGE

ON A NEW AND EASY SYSTEM OF RAPID PROFICIENCY,

HAS ATTENDED MEMBERS OF THE BRITISH PARLIAMENT AND MANY OTHER PERSONS OF RESPECTABILITY, AS VOUCHERS CERTIFY,

TRANSLATES AND INTERPRETS THAT UNIVERSAL CONTINENTAL LANGUAGE, AND ENGLISH,

IN A MASTERLY MANNER.

TERMS MODERATE:

Namely, Three Lessons per Week for Six Shillings.

Давать уроки у англичанъ не составляетъ особеннаго удовольствія—кому англичанинъ платитъ, съ тѣмъ онъ не церемонится.

Одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей получаетъ письмо отъ какого-то англичанина, предлагающаго ему давать уроки французскаго языка его дочери. Онъ отправился къ нему въ назначенное время для переговора. Отецъ спалъ послѣ обѣда, его встрѣтила дочь и довольно учтиво, потомъ вышелъ старикъ, осмотрѣлъ съ головы до ногъ Б. и спросилъ; "Vous etre le french teacher?" Б. подтвердилъ. "Vous pas convenir à moa". При этомъ британскій оселъ указалъ на усы и бороду.—"Что-же вы ему не дали тумака?" спрашивалъ я Б.—"Я право думалъ объ этомъ, но когда быкъ поворотился, дочь со слезами на глазахъ молча просила у меня прощенья".

Другое средство проще и не такъ скучно; оно состоитъ въ судорожномъ и артистическомъ коммиссіонерствѣ, въ предложеніи разныхъ разностей безъ

вниманія на запросъ. Французы по большей части *работали* въ винахъ и водкахъ. Одинъ легистъ предлагалъ своимъ знакомымъ и *корреліжіонерамъ* коньякъ, доставшійся ему чрезвычайнымъ образомъ, по связямъ, о которыхъ въ теперешнемъ положеніи Франціи онъ не могъ и не долженъ былъ разсказывать, и притомъ черезъ капитана корабля, котораго компрометировать было бы calamité publique. Коньякъ былъ такъ себѣ и стоилъ шесть пенсовъ дороже чѣмъ въ лавкѣ. Легистъ, привыкшій "пледировать" съ декламаціей, прибавлялъ къ насилію оскорбленіе — онъ бралъ рюмку двумя пальцами за донышко, описывалъ ею медленные круги, плескалъ нѣсколько капель, нюхалъ ихъ на воздухѣ и всякій разъ былъ изумленъ замѣчательно превосходнымъ запахомъ коньяка.

Другой товарищъ изгнанія, нѣкогда провинціальный профессоръ словесности, увлекалъ виномъ. Вино онъ получалъ *прямо* изъ Котъ д'Ора, Бургоньи, отъ прежнихъ учениковъ и съ необыкновеннымъ выборомъ. "Гражданинъ, писалъ онъ ко мнѣ, спросите ваше братское сердце (votre cœur fraternel) и оно вамъ скажетъ, что вы должны мнѣ уступить пріятное преимущество снабжать васъ французскимъ виномъ. И тутъ сердце ваше будетъ за одно со вкусомъ и экономіей. Употребляя превосходное вино, по самой дешевой цѣнѣ, вы будете имѣть наслажденіе въ мысли, что покупая его, вы облегчаете судьбу человѣка, который дѣлу родины и свободы пожертвовалъ все.

Salut et fraternité!

P. S. Я взялъ на себя смѣлость вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ нѣсколько пробъ.

Образчики эти были въ полубутылкахъ, на которыхъ онъ собственноручно надписывалъ не только имя вина, но и разныя обстоятельства изъ его біографіи: Chamberlin (Gr. vin et très-rare!). Cote rotie (Comète). Pomard (1823!). Nuits (provision Aguado!)...

Недѣли черезъ двѣ-три профессоръ словесности снова присылалъ образчики. Обыкновенно черезъ день или два послѣ присылки, онъ являлся самъ и сидѣлъ часъ, два, три, до тѣхъ поръ пока я оставлялъ почти всѣ пробы и платилъ за нихъ. Такъ какъ онъ былъ неумолимъ и это повторялось нѣсколько разъ, то впослѣдствіи, только что онъ отворялъ дверь, я хвалилъ часть образчиковъ, отдавалъ деньги и остальное вино. "Я не хочу, гражданинъ, у васъ красть ваше драгоцѣнное время", говорилъ онъ мнѣ и освобождалъ меня недѣли на двѣ отъ кислаго бургонскаго, рожденнаго подъ кометой и пряпаго Котъ роти изъ подваловъ Aguado.

Нѣмцы, венгерцы работали въ другихъ отрасляхъ.

Какъ-то въ Ричмондѣ я лежалъ въ одномъ изъ страшныхъ припадковъ головной боли. Взошелъ Франсуа съ визитной карточкой, говоря, что какой-то господинъ имѣетъ крайность меня видѣть, что онъ венгерецъ, adjutante del generale (*всѣ* венгерцы-изгнанники, не имѣющіе никакого занятія, никакой честной профессіи, называли себя *адъютантами Кошута*). Я взглянулъ на карточку — совершенно незнакомая фамилія, украшенная капитанскимъ чиномъ.

— Зачѣмъ вы его пустили? сколько тысячъ разъ я вамъ говорилъ?

— Онъ приходитъ сегодня въ третій разъ.

— Ну, зовите въ залу. Я вышелъ разъяреннымъ львомъ, вооружившись стклянкой распалевой седативной воды.

— Позвольте рекомендоваться, капитанъ такой-то. Я долгое время находился у русскихъ въ плѣну, у Ридигера послѣ Вилагоша. Съ нами русскіе превосходно обращались. Я былъ особенно обласканъ генераломъ Глазенапъ и полковникомъ... какъ бишь его... русскія фамиліи очень мудрены... *ичъ... ичъ...*

— Пожалуйста не безпокойтесь, я ни одного полковника не знаю... Очень радъ, что вамъ было хорошо. Не угодно-ли сѣсть.

— Очень, очень хорошо... мы съ офицерами всякій день эдакъ, штосъ, банкъ... прекрасные люди и австрійцевъ терпѣть не могутъ. Я даже помню нѣсколько словъ по русски : "глѣба", "шевердакъ" — une pièce de 25 sous.

— Позвольте васъ спросить, что мнѣ доставляетъ...

— Вы меня должны извинить, *баронъ*... я гулялъ въ Ричмондѣ... прекрасная погода, жаль только, что дождь идетъ... я столько наслышался объ васъ отъ *самаго старика* и отъ графа Сандора—Сандора Телеки, также отъ графини Терезы Пульской... Какая женщина графиня Тереза!

— И говорить нечего, hors de ligne.—Молчаніе.

— Да-съ, и Сандоръ... мы съ нимъ вмѣстѣ были въ гонведахъ... Я, собственно, желалъ-бы показать вамъ... — и онъ вытащилъ откуда-то изъ за стула портфель, развязалъ его и вынулъ портреты безрукаго Раглана, отвратительную рожу С. Арно, Омеръ-Паши въ фескѣ. — Сходство, баронъ, удивительное. Я самъ былъ въ Турціи, въ Кутаисѣ, въ 1849 году, прибавилъ онъ, какъ будто въ удостовѣреніе сходства, не смотря на то, что въ 1849 году ни Раглана, ни С. Арно тамъ не было. — Вы прежде видѣли эту коллекцію?

— Какъ не видать, отвѣчаю я, смачивая голову распалевой водой. — Эти портреты вывѣшены вездѣ, на Чипсайдѣ, по Странду, въ Вестъ-Эндѣ.

— Да-съ, вы правы, но у меня вся коллекція, и тѣ не на китайской бумагѣ. Въ лавкахъ вы заплатите гинею, а я могу вамъ уступить за пятнадцать шиллинговъ.

— Я, право, очень благодаренъ, но скажите, капитанъ, на что-же мнѣ портреты С. Арно и всей этой сволочи?

— Баронъ, я буду откровененъ, я солдатъ, а не метерниховскій дипломатъ. Потерявъ мои владѣнія близъ Темешвара, я нахожусь во временно стѣсненномъ положеніи, а потому беру на коммиссію артистическія вещи (а также сигары, гаванскія сигары и турецкій табакъ—ужъ въ немъ-то русскіе и мы знаемъ толкъ!), это доставляетъ мнѣ скудную копѣйку, на которую я покупаю "горькій хлѣбъ изгнанья", wie der Schiller sagt.

— Капитанъ, будьте вполнѣ откровенны и скажите что́ вамъ придется съ каждой тетради? спрашиваю я, (хотя и сомнѣваюсь, что Шиллеръ сказалъ этотъ дантовскій стихъ).

— Полкроны.

— Позвольте намъ вотъ какъ покончить дѣло: я вамъ предложу *цѣлую крону*, но съ тѣмъ, чтобъ не покупать портретовъ.

— Право, баронъ, мнѣ совѣстно, но мое положеніе... впрочемъ, вы все знаете, чувствуете... я васъ такъ давно привыкъ уважать... графиня Пульская и графъ Сандоръ... Сандоръ Телеки.

— Вы меня извините, капитанъ, я едва сижу отъ головной боли.

— У нашего губернатора (т. е. у Кошута), у старика тоже часто болитъ голова, замѣчаетъ мнѣ гонведъ, какъ бы въ ободреніе и утѣшеніе, потомъ на скоро завязываетъ портфель и беретъ вмѣстѣ съ удивительно-похожими портретами Раглана и К-іи довольно сходное изображеніе королевы Викторіи на монетѣ.

Между этими *ходебщиками* эмиграціи, предлагающими выгодныя покупки и эмигрантами, останавливающими всѣхъ небрѣющихъ бороду на улицахъ и скверахъ, требуя *десятый годъ* недостающихъ двухъ шиллинговъ, для отъѣзда въ Америку, и шести пенсовъ, для покупки гробика ребенку, умершему отъ скарлатины—находятся эмигранты, пишущіе письма, иногда пользуясь зна-

комствомъ, иногда пользуясь незнакомствомъ, о всякаго рода чрезвычайныхъ нуждахъ и единовременныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, часто представляя въ дальней перспективѣ обогащеніе, и всегда съ оригинальнымъ эпистолярнымъ искуствомъ.

Такихъ писемъ у меня тетрадь, сообщу два-три особенно характеристическихъ.

"Herr Graf! Я былъ австрійскимъ лейтенантомъ, но дрался за свободу Мадьяровъ, долженъ былъ бѣжать и совершенно обносился. Если у васъ найдутся поношенные панталоны — вы неизрѣченно меня обяжете.

P. S. Завтра въ 9 часовъ я навѣдаюсь у вашего *курьера*".

Это родъ наивный, но есть письма классическія по языку и лапидарности, напр.:

"Domine, ego sum Gallus, ex patria mea profugus pro causa libertatis populi. Nihil habeo ad manducandum, si aliquod per me facere potes gaudeo gaudebit cor meum.

Mercuris dies 1859".

Другія письма, не имѣя ни лаконизма, ни античной формы, отличаются особеннымъ счетоводствомъ:

"Гражданинъ, вы были такъ добры, что прислали мнѣ прошлаго Февраля (вы можетъ не помните, но *я* помню) *три* ливра. Давно хотѣлъ я вамъ ихъ отдать, но не получалъ вовсе денегъ отъ родныхъ; на дняхъ я получу довольно значительную сумму. Еслибъ мнѣ не было совѣстно, я бы попросилъ васъ прислать еще два ливра и отдалъ бы вамъ *круглымъ щетомъ пять* ливровъ".

Я предпочелъ остаться при трехугольномъ. Охотникъ до круглыхъ счетовъ началъ поговаривать, что я въ связяхъ съ русскимъ посольствомъ.

Затѣмъ идутъ письма дѣловыя и письма ораторскія, и тѣ и другія очень много теряютъ въ русскомъ переводѣ.

Mon cher Monsieur! Вы *вѣрно* знаете мое открытіе, оно доставило бы нашему вѣку честь, а мнѣ кусокъ хлѣба. И открытіе это останется неизвѣстнымъ, оттого, что у меня нѣтъ кредита на какихъ нибудь 200 фунтовъ, и вмѣсто того, чтобъ заниматься моимъ дѣломъ, мнѣ приходится за вздорную плату courir le cachet. Всякій разъ когда мнѣ представляется работа продолжительная и выгодная, насмѣшливая судьба дуетъ на нее (*я переводжу слово въ слово*), она летитъ прочь — и за ней, настойчивая дерзость ея беретъ верхъ (son opiniâtre insolence baſoue mes projets), вновь стегаетъ мои надежды и я бѣгу туда—туда. Бѣгу и теперь. Поймаю-ли? Почти увѣренъ, — если вы, имѣя довѣріе къ моему таланту, захотите пустить въ волны ваше довѣріе съ моими надеждами, по капризному вѣтру моей судьбы (embarquer votre confiance en compagnie de mon esprit et la livrer au souffle peu avantureux de mon destin). Далѣе объясняется, что 80 фунт. есть въ виду, даже 85: остальные 115 изобрѣтатель ищетъ занять, обѣщая 13, almeno 11 процентовъ въ случаѣ удачи. "Можно-ли лучше, вѣрнѣе помѣстить капиталъ въ наше время, когда Фонды всего міра колеблются и государства такъ не твердо стоятъ, опираясь на штыки нашихъ враговъ?"

Я ста пятнадцати не даю. Изобрѣтатель начинаетъ соглашаться, что въ моемъ поведеніи не все ясно, il y a du louche, и что не мѣшаетъ со мною быть осторожнымъ.

Въ заключеніе, вотъ письмо чисто ораторское:

"Великодушный согражданинъ будущей всемірной республики! Сколько разъ вы помогали мнѣ и вашъ знаменитый другъ Луи Бланъ, и опять таки я пишу къ вамъ и пишу къ гражданину Блану, чтобъ попросить нѣсколько шиллинговъ. Удручающее положеніе мое не улучшается вдали отъ Ларъ и Пенатъ, на негостепріимномъ островѣ эгоизма и корысти. Глубоко сказали вы въ одномъ изъ сочиненій вашихъ (я посто-

янно ихъ перечитываю), "что талантъ гаснетъ безъ денегъ, какъ лампа безъ масла" и пр.

Само собой разумѣется, что я этой пошлости никогда не писалъ и что согражданинъ по будущей республикѣ, future et universelle, ни разу не развертывалъ моихъ сочиненій.

За ораторами на письмѣ идутъ ораторы на словахъ "дѣлающіе тротуаръ и переулокъ". Большею частію они только прикидываются изгнанниками, а въ сущности—спившіеся съ круга не англійскіе мастеровые, или люди, имѣвшіе дома *несчастія*. Пользуясь необъятной величиной Лондона, они продѣлываютъ одну часть за другой и потомъ снова возвращаются на Via sacra, т. е. на Реженъ стритъ съ Геймаркетомъ и Лестеръ скверомъ.

Лѣтъ пять тому назадъ, молодой человѣкъ, довольно чисто одѣтый и съ сентиментальной наружностью, нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ въ сумеркахъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ акцентомъ: "Не можете-ли вы мнѣ сказать гдѣ такая-то часть города?" и онъ подавалъ какой-то адресъ верстъ за десять отъ Вестъ-Энда, гдѣ нибудь въ Головеѣ, Гекнеѣ. Каждый, такъ какъ и я, принимался ему толковать. Его обдавалъ ужасъ. "Теперь 9 часовъ вечера, я еще не ѣлъ... когда-же я приду? Ни гроша на омнибусъ... этаго я не ждалъ. Не смѣю просить васъ, но еслибъ вы меня выручили... мнѣ одного шиллинга за глаза довольно".

Я его встрѣчалъ еще раза два, наконецъ онъ изчезъ, и я не безъ удовольствія его встрѣтилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя на старомъ мѣстѣ, съ измѣненной бородой и въ другой фуражкѣ. Съ чувствомъ приподымая ее, спросилъ онъ меня: "Вы вѣрно знаете по французски?" Знаю, отвѣчалъ я, да сверхъ того знаю, что у васъ есть адресъ, вамъ придется идти далеко, а время позднее, вы еще ничего не ѣли, на омнибусъ

денегъ нѣтъ, вамъ нуженъ шиллингъ... но, на этотъ разъ, я вамъ дамъ сикспенсъ, потому что не вы мнѣ, а я вамъ разсказалъ все это".

— Что дѣлать, отвѣчалъ онъ мнѣ улыбаясь, безъ малѣйшей злобы, вѣдь вотъ вы опять не повѣрите, а я ѣду въ Америку, прибавьте на дорогу.

Я не выдержалъ и додалъ сикспенсъ.

Въ числѣ этихъ господъ были и русскіе: напр. бывшій кавказскій офицеръ, Стремоуховъ, просившій на бѣдность въ Парижѣ еще въ 1847 году, разсказывая очень плавно исторію какой-то дуэли, бѣгства и пр. и забирая, къ сильному озлобленію прислуги все на свѣтѣ: старыя платья и туфли, фуфайки лѣтомъ и зимой панталоны изъ парусины, дѣтскія платья, дамскія ненужности. Русскіе собрали для него денегъ и отправили въ Алжиръ въ иностранный легіонъ. Онъ выслужилъ пять лѣтъ, привезъ атестатъ и снова отправился изъ дома въ домъ, разсказывать о дуэли и побѣгѣ—прибавляя къ нимъ разныя арабскія похожденія. Стремоуховъ становился старъ и жаль его было и надоѣдалъ онъ страшно. Русскій священникъ при лондонской миссіи сдѣлалъ для него колекту, чтобъ отправить его въ Австралію. Ему дали въ Мельборнѣ рекомендацію и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проѣздъ. Стремоуховъ приходилъ къ намъ прощаться. Мы его совсѣмъ снарядили: я ему далъ теплое пальто, Г. рубашекъ и пр. Стремоуховъ прощаясь заплакалъ и сказалъ: "Какъ хотите, господа, а ѣхать въ такую даль не легкая вещь. Вдругъ разорваться со всѣми привычками, но это надобно..." И онъ цѣловалъ насъ и благодарилъ съ горячностью.

Я думалъ, что Стремоуховъ давнымъ давно гдѣ нибудь на берегахъ Викторіи Риверъ, какъ вдругъ читаю въ Теймсѣ, что какой-то russian officer Stremooucholf за буянство, драку въ кабакѣ, вслѣдствіе

какихъ-то взаимныхъ обвиненій въ воровствѣ и проч., присуждается на три мѣсяца тюрьмы. Мѣсяца черезъ четыре послѣ этаго, я шелъ по Оксфортъ стритъ, пошелъ сильный дождь, со мной не было зонтика, я подъ вороты. Въ то самое время какъ я остановился, какая то длинная фигура, закрываясь дряхлымъ зонтикомъ, торопливо шмыгнула подъ другія вороты. Я узналъ Стремоухова.—"Какъ, вы воротились изъ Австраліи?" спросилъ я его, прямо глядя ему въ глаза. — "Ахъ, это вы, а я и не призналъ васъ, отвѣчалъ онъ слабымъ и умирающимъ голосомъ — нѣтъ-съ, не изъ Австраліи, а изъ больницы, гдѣ пролежалъ мѣсяца три между жизнію и смертью.., и не знаю зачѣмъ выздоровѣлъ".

— Въ какой-же вы были больницѣ, въ S. Georges Hospital?

— Нѣтъ, не здѣсь, въ Соутамптонѣ.

— Какъ-же вы это занемогли, и ни кому не дали знать? Да и какъ-же вы не уѣхали?

— Опоздалъ на первый train, пріѣзжаю со вторымъ, пароходъ-съ ушелъ. Я постоялъ на берегу, постоялъ и чуть не бросился въ пучину морскую. Иду къ Reverend'у, къ которому нашъ батюшка меня рекомендовалъ, "Капитанъ, говоритъ, уѣхалъ, часу ждать не хотѣлъ".

— А деньги?

— Деньги онъ оставилъ у Reverend'а.

— Вы разумѣется ихъ взяли?

— Взялъ-съ, но проку не вышло, во время болѣзни все утащили изъ подъ подушки, такой народъ! Если можете чѣмъ помочь.

— А вотъ здѣсь во время вашего отсутствія, какого то другаго Стремоухова запекли въ тюрьму и то-же на три мѣсяца, за драку съ курьеромъ. Вы не слыхали?

— Гдѣ-же слышать между жизнію и смертію. Кажется дождь перестаетъ. Желаю счастливо оставаться,

— Берегитесь выходить въ сырую погоду, а то опять попадетесь въ *больницу*.

Послѣ Крымской войны нѣсколько плѣнныхъ матросовъ и солдатъ остались сами, не зная за чѣмъ, въ Лондонѣ. Люди большей частью пьяные, они спохватились поздно. Нѣкоторые изъ нихъ просили посольство заступиться за нихъ, исходатайствовать прощеніе, aber was macht es den dem Herrn Baron von Brunov!

Они представляли чрезвычайно печальное зрѣлище. Испитые, оборванные, они, то унижаясь, то съ дерзостью (довольно непріятною въ узкихъ улицахъ послѣ десяти часовъ вечера), требовали денегъ.

Въ 1853 г. бѣжало нѣсколько матросовъ съ военнаго корабля въ Портсмутѣ, часть ихъ была возвращена, въ силу нелѣпаго закона, подъ который подходятъ исключительно одни матросы. Нѣсколько человѣкъ спаслись и пришли пѣшкомъ изъ *Порчмы* въ Лондонъ. Одинъ изъ нихъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, съ добрымъ и открытымъ лицемъ, былъ башмачникомъ, умѣлъ точать, какъ онъ называлъ, "шлиперы". Я купилъ ему инструментъ и далъ денегъ, но работа не пошла.

Въ это время Гарибальди отплывалъ съ своимъ Common Wealth въ Геную, я попросилъ его взять съ собой молодаго человѣка. Гарибальди принялъ его съ жалованьемъ *фунта* въ мѣсяцъ и съ обѣщаніемъ, если будетъ хорошо себя вести, давать черезъ годъ два фунта. Матросъ разумѣется согласился, взялъ у Гарибальди два фунта впередъ и принесъ свои пожитки на корабль.

На другой день послѣ отъѣзда Гарибальди матросъ пришелъ ко мнѣ красный, заспаный, вспухнувшій.

"Что случилось? спрашиваю я его.

— Несчастіе, ваше благородіе, опоздалъ на корабль.

— Какъ опоздалъ?

Матросъ бросился на колѣни и неестественно хныкалъ. Дѣло было исправимо. Корабль пошелъ за углемъ въ Newcastle on Tyne. "Я тебя пошлю по желѣзной дорогѣ туда, сказалъ я ему, но если ты и на этотъ разъ опоздаешь, помни, что я ничего для тебя не сдѣлаю, хоть умри съ голоду. А такъ какъ дорога въ Newcastle стоитъ больше фунта, а я тебѣ не довѣрю шиллинга, то я пошлю за знакомымъ и ему поручу продержать тебя всю ночь и посадить въ вагонъ".

— Всю жизнь буду молить Бога за в. в!

Знакомый, взявшійся за отправку, пришелъ ко мнѣ съ рапортомъ, что матроса выпроводилъ.

Представьте-же мое удивленіе, когда дня черезъ три матросъ явился съ какимъ-то полякомъ. "Что это значитъ?" закричалъ я на него, въ самомъ дѣлѣ дрожа отъ бѣшенства. Но прежде чѣмъ матросъ открылъ ротъ, его товарищъ принялся его защищать на ломаномъ русскомъ языкѣ, окружая слова какой-то атмосферой табаку, водки и пива.

— Кто вы такой?

— Польскій *дворянинъ*.

— Въ Польшѣ всѣ дворяне. Почему вы пришли ко мнѣ съ этимъ мошенникомъ?

Дворянинъ разхарахорился. Я сухо замѣтилъ ему, что я съ нимъ не знакомъ и что его присутствіе въ моей комнатѣ до того странно, что я могу его велѣть вывести, позвавъ полисмена.

Я посмотрѣлъ на матроса. Въ три дня аристократическаго общества съ дворяниномъ его много воспитали. Онъ не плакалъ и пьяно дерзко смотрѣлъ на меня.

— Очень занемогъ в. б. Думалъ Богу душу отдать, полегчало когда машина ушла.

— Гдѣ-же это тебя схватило?

— На самой т. е. желѣзной дорогѣ.

— Что-жъ не поѣхалъ съ слѣдующей машиной?

— Не въ домёкъ-съ, да и такъ какъ языку не способенъ...

— Гдѣ билетъ?

— Да билета нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Уступилъ тутъ одному человѣчку.

— Ну, теперь ищи себѣ другихъ человѣчковъ, только въ одномъ будь увѣренъ, я тебѣ не помогу ни въ какомъ случаѣ.

— Однако позвольте, вступилъ въ рѣчь "вольный шляхтичъ".

— М. г. я не имѣю ничего вамъ сказать и не желаю ничего слушать.

Ругая меня сквозь зубы, отправился онъ съ своимъ Телемакомъ, вѣроятно до перваго кабака.

Еще ступеньку внизъ...

Можетъ многіе съ недоумѣніемъ спросятъ, какая же это еще ступенька внизъ... а *есть* и довольно *большая*,—только тутъ ужъ темно, идите осторожно. Я не имѣю pruderie Ш-ра и мнѣ авторъ поэмы въ которой Христосъ разговариваетъ съ маршаломъ Бюжо, показался еще забавнѣе послѣ геройскаго pour un vol avec effraction. Если онъ и укралъ что нибудь изъ подъ замка, за то подвергался богъ знаетъ чему и потомъ работалъ нѣсколько лѣтъ, можетъ съ ядромъ на ногахъ. Онъ имѣлъ противъ себя не только того, котораго обокралъ, но все государство и общество, церковь, войско, полицію, судъ, всѣхъ честныхъ людей, которымъ красть не нужно, и всѣхъ безчестныхъ, но не уличенныхъ по суду. Есть воры другаго рода, награждаемые правительствомъ, отогрѣваемые начальствомъ, благословляемые церковью, защищаемые войскомъ и не преслѣдуемые полиціей, потому что они сами къ ней принадлежатъ. Это люди, ворующіе не платки, но разговоры, письма, взгляды. Эмигранты-

шпіоны — шпіоны въ квадратѣ... ими оканчивается порокъ и развратъ; дальше, какъ за Луциферомъ у Данта, ничего нѣтъ — тамъ ужъ опять пойдетъ вверхъ.

Французы большіе артисты этаго дѣла. Они умѣютъ ловко сочетать образованныя формы, горячія фразы, aplomb человѣка, котораго совѣсть чиста и point d'honneur раздражителенъ, съ должностью шпіона. Заподозрите его, онъ вызоветъ васъ на дуэль, онъ будетъ драться и *храбро* драться.

Записки Де-ла-Года, Шеню, Шпенфа—кладъ для изученія грязи, въ которую цивилизація завела своихъ блудныхъ дѣтей. Де-ла-Годъ наивно печатаетъ, что онъ, предавая своихъ друзей, долженъ былъ съ ними хитрить такъ, "какъ хитритъ охотникъ съ дичью".

Де-ла-Годъ—это Алкивіадъ шпіонства.

Молодой человѣтъ съ литературнымъ образованіемъ и радикальнымъ образомъ мыслей, онъ изъ провинціи явился въ Парижъ, бѣдный какъ Иръ и просилъ работы въ редакціи *Реформы*. Ему дали какую-то работу, онъ ее сдѣлалъ хорошо; мало по малу съ нимъ сблизились. Онъ вступилъ въ политическіе круги, зналъ многое изъ того что дѣлалось въ республиканской партіи и продолжалъ работать *нѣсколько лѣтъ*, оставаясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ.

Когда послѣ Февральской революціи Коссидьеръ разобралъ бумаги въ префектурѣ, онъ нашелъ, что Де-Ла-Годъ все время преправильно доносилъ полиціи о томъ, что дѣлалось въ редакціи реформы. Коссидьеръ позвалъ Де-Ла-Года къ Альберу, тамъ ждали свидѣтели. Де-Ла-Годъ явился, ничего не подозрѣвая, попробовалъ запираться, но потомъ, видя невозможность, признался, что письма къ префекту писалъ онъ. Возникъ вопросъ, что съ нимъ дѣлать? Одни думали, и были совершенно правы, застрѣлить его

тутъ-же какъ собаку. Альберъ возсталъ пуще всѣхъ и не хотѣлъ чтобы въ *его квартирѣ* убили человѣка. Коссидьеръ предложилъ ему заряженный пистолетъ, съ тѣмъ чтобъ онъ застрѣлился. Де-Ла-Годъ отказался. Кто-то спросилъ его, не хочетъ-ли онъ яду? онъ и отъ яду отказался, а отправляясь въ тюрьму, какъ благоразумный человѣкъ, *спросилъ кружку пива*, это фактъ, переданный мнѣ сопровождавшимъ его помощникомъ мера XII округа.

Когда реакція стала брать верхъ, Де-Ла-Года выпустили изъ тюрьмы, онъ уѣхалъ въ Англію, но когда реакція еще окончательнѣе восторжествовала, онъ возвратился въ Парижъ и совался впередъ въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, какъ левъ особой породы, вслѣдъ за тѣмъ издалъ онъ свои записки.

Шпіоны постоянно трутся во всѣхъ эмиграціяхъ— ихъ узнаютъ, открываютъ, колотятъ, а они свое дѣло дѣлаютъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ Парижѣ полиція знаетъ всѣ лондонскія тайны. День тайнаго пріѣзда Делеклюза, потомъ Буанпо во Францію, были такъ хорошо извѣстны, что они были схвачены въ Кале, лишь только вышли изъ корабля. Въ коммунистическомъ процессѣ въ Кельнѣ, читали документы и письма "купленныя въ Лондонѣ" какъ наивно признался въ судѣ прусскій коммисаръ полиціи.

Въ 1849 году, я познакомился съ изгнаннымъ австрійскимъ журналистомъ, Энглендеромъ. Онъ былъ очень уменъ, очень колокъ и впослѣдствіи помѣщалъ въ Колачековскихъ ярбухахъ рядъ живыхъ статей, объ историческомъ развитіи соціализма. Энглендеръ этотъ, попался въ тюрьму, въ Парижѣ, по дѣлу названному "Дѣломъ корреспондентовъ". Ходили разные слухи объ немъ, наконецъ онъ самъ явился въ Лондонъ. Здѣсь другой австрійскій изгнанникъ, докторъ Гефнеръ, очень уважаемый своими, говорилъ, что Энглендеръ въ

Парижѣ былъ на жалованьи у префекта, и что его сажали въ тюрьму за измѣну брачной вѣрности французской полиціи, приревновавшей его къ австрійскому посольству, у котораго онъ тоже былъ на жалованьи. Энглендеръ жилъ разгульно, на это надобно много денегъ, одного префекта видно не хватало.

Нѣмецкая эмиграція потолковала, потолковала и позвала Энглендера къ отвѣту, Энглендеръ хотѣлъ отшутиться, но Гефнеръ былъ безпощаденъ; тогда мужъ двухъ полицій вдругъ вскочилъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, со слезами на глазахъ и сказалъ: "Ну да, я во многомъ виноватъ, но не ему меня обвинять"; и онъ бросилъ на столъ письмо префекта, изъ котораго ясно было, что и Гефнеръ получалъ отъ него деньги.

Въ Парижѣ проживалъ нѣкій Н-ръ, тоже австрійскій рефюжье, я познакомился съ нимъ въ концѣ 1848 года. Товарищи его разсказывали объ немъ необыкновенно храбрый поступокъ во время революціи въ Вѣнѣ. У инсургентовъ не доставало пороха, Н-ръ вызвался привести по *желѣзной дорогѣ* и привезъ. Женатый и съ дѣтьми, онъ бѣдствовалъ въ Парижѣ. Въ 1853 г. я его нашелъ въ Лондонѣ въ большей крайности, онъ занималъ съ семьею двѣ небольшія комнатки, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ переулковъ Соо. Все не спорилось въ его рукахъ. Завелъ онъ было прачешную, въ которой его жена и еще одинъ эмигрантъ, стирали бѣлье, а Н-ръ развозиль его — но товарищъ уѣхалъ въ Америку и прачешная остановилась.

Ему хотѣлось помѣститься въ купеческую контору— очень не глупый человѣкъ и съ образованіемъ онъ могъ заработать хорошія деньги, но reference, reference, безъ reference въ Англіи ни шагу. Я ему далъ свою; по поводу этой рекомендаціи, одинъ нѣмецкій рефюжье, О., замѣтилъ мнѣ, что напрасно я хлопочу, что человѣкъ этотъ не пользуется хорошей репутаціей, что онъ будто-бы въ связяхъ съ французской полиціей.

Въ это время Р. привезъ въ Лондонъ моихъ дѣтей. Онъ принималъ въ Н-ръ большое участіе. Я сообщилъ ему, что̀ объ немъ говорятъ.

Р. расхохотался, онъ ручался за Н-ръ. какъ за самаго себя и указывалъ на его бѣдность, какъ на лучшее опроверженіе. Послѣднее убѣждало отчасти и меня. Вечеромъ Р. ушелъ гулять, возвратился поздно встревоженный и блѣдный. Онъ взошелъ на минуту ко мнѣ и жалуясь на сильную мигрень, собирался лечь спать. Я посмотрѣлъ на него и сказалъ : "У васъ есть что-то на душѣ, heraus damit!"

— Да, вы отгадали... но дайте прежде честное слово. что вы никому не скажете.

— Пожалуй, но что за шалости, предоставьте моей совѣсти.

— Я не могъ успокоиться, услышавши отъ васъ объ Н-ръ, и не смотря на обѣщаніе, данное вамъ, я рѣшился его спросить и былъ у него. Жена его на дняхъ родитъ, нужда страшная... чего мнѣ стоило начать разговоръ. Я вызвалъ его на улицу и наконецъ, собравъ всѣ силы, сказалъ ему : знаете-ли, что Г. предупреждали въ томъ-то и томъ-то, я увѣренъ, что это клевета, поручите мнѣ разъяснить дѣло. "Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ мнѣ мрачно, но это не нужно, я знаю откуда это идетъ. Въ минуту отчаянія, умирая съ голода, я предложилъ префекту въ Парижѣ мои услуги, чтобы держать его au courant эмиграціонныхъ новостей. Онъ мнѣ прислалъ 300 франковъ и я никогда ему не писалъ потомъ".

Р. чуть не плакалъ.

— Послушайте, пока жена его не родитъ и не оправится, даю вамъ слово молчать, пусть идетъ въ конторщики и оставитъ политическіе круги. Но если я услышу новые доказательства и онъ все-таки будетъ въ сношеніяхъ съ эмиграціей, я его выдамъ. Чортъ съ нимъ!

Р. уѣхалъ. Дней черезъ десять, во время обѣда, взошелъ ко мнѣ Н-ръ, блѣдный, разстроенный. "Вы можете понять — говорилъ онъ — чего мнѣ стоитъ этотъ шагъ, но куда ни смотрю, кромѣ васъ спасенья нѣтъ. Жена родитъ черезъ нѣсколько часовъ, въ домѣ ни угля, ни чая, ни чашки молока, денегъ ни гроша, ни одной женщины, которая-бы помогла, не на что послать за акушеромъ. И онъ дѣйствительно изнеможенный, бросился на стулъ и покрывъ лице руками, сказалъ: "остается пулю въ лобъ, по крайнѣй мѣрѣ не увижу этаго ужаса".

Я тотчасъ послалъ за добрымъ Павломъ Дарашемъ, далъ денегъ Н-ръ и сколько могъ успокоилъ его. На другой день Дарашъ заѣхалъ сказать, что роды сошли съ рукъ хорошо.

Между тѣмъ вѣсть, пущенная вѣроятно по личной враждѣ, о связяхъ съ французской полиціей Н-ра, ходила больше и больше и наконецъ, Т. извѣстный вѣнскій клубистъ и агитаторъ, послѣ рѣчи котораго народъ повѣсилъ Латура, увѣрялъ на право и на лѣво, что онъ самъ читалъ письмо отъ префекта, писанное при присылкѣ денегъ. Обвиненіе Н-ра видно было дорого для Т.—онъ самъ зашелъ ко мнѣ, чтобы подтвердить его.

Положеніе мое становилось трудно. Гаугъ жилъ у меня — до того я ему не говорилъ ни слова, но теперь это становилось не деликатно и опасно. Я разсказалъ ему, не упоминая о Р., котораго не хотѣлъ путать въ драму, имѣвшую всѣ шансы на то, что V актъ ея будетъ представляться въ полицейскомъ судѣ или въ Олдъ-Бели. Чего я прежде боялся, то и случилось, "вскипѣлъ бульонъ", я едва могъ усмирить Гауга и удержать его отъ нашествія на чердакъ Н-ра. Я зналъ, что Н-ръ долженъ былъ придти къ намъ съ переписанными тетрадями и совѣтовалъ подождать его. Гаугъ согласился, и какъ-

то утромъ вбѣжалъ ко мнѣ блѣдный отъ ярости и объявилъ, что Н-ръ внизу. Я бросилъ поскорѣе бумаги въ столъ и сошелъ. Перестрѣлка шла ужъ сильная. Гаугъ кричалъ и Н-ръ кричалъ. Калиберъ крѣпкихъ словъ становился все крупнѣе. Выраженіе лица Н-ра, искаженнаго злобой и стыдомъ, было дурно. Гаугъ былъ въ азартѣ и путался. Этимъ путемъ можно было скорѣе дойти до раскрытія черепа, чѣмъ дѣла.

— Господа, сказалъ я вдругъ середь рѣчи, позвольте васъ остановить на минуту.

Они остановились.—Мнѣ кажется, что вы портите дѣло горячностью; прежде чѣмъ браниться, надобно поставить совершенно ясно вопросъ.

— Что я *шпіонъ или нѣтъ*, кричалъ Н-ръ, я ни одному человѣку не позволю ставить такой вопросъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ вопросъ, который я хотѣлъ предложить; васъ обвиняетъ *одинъ человѣкъ*, да и не онъ одинъ, что вы получали деньги отъ парижскаго префекта полиціи.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Т.

— Мерзавецъ.

— Это къ дѣлу не идетъ, вы деньги получали или нѣтъ?

— *Получалъ*, сказалъ Н-ръ, съ натянутымъ спокойствіемъ, глядя мнѣ и Гаугу въ глаза. Гаугъ судорожно кривлялся и какъ-то стоналъ отъ нетерпѣнія снова обругать Н-ра — я взялъ Гауга за руку и сказалъ: "Ну только намъ и надобно".

— *Нѣтъ, не только*, отвѣчалъ Н-ръ, вы должны знать, что никогда, ни одной строкой я не компрометировалъ никого.

— Дѣло это можетъ рѣшить только вашъ корреспондетъ Піетри, а мы съ нимъ не знакомы.

— Да что я у васъ подсудимый, что-ли? Почему

вы воображаете, что я долженъ передъ вами оправдываться? Я слишкомъ высоко цѣню свое достоинство, чтобы зависѣть отъ мнѣнія какого нибудь Гауга или вашего.—Нога моя не будетъ въ этомъ домѣ — прибавилъ Н-ръ, гордо надѣлъ шляпу и отворилъ дверь. — "Въ этомъ вы можете быть увѣрены", сказалъ я ему вслѣдъ. Онъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Гаугъ порывался за нимъ, но я смѣясь остановилъ его, перефразируя слова Сіэса: Nous sommes aujourd'hui ce que nous avons été hier — déjeunons!

Н-ръ отправился прямо къ Т. Тучный, лоснящійся Силенъ, о которомъ Маццини какъ-то сказалъ: "мнѣ все кажется, что его поджарили на оливковомъ маслѣ и не обтерли", еще не покидалъ своего ложа. Дверь отворилась и передъ его просыпающимися и опухлыми глазами, явилась фигура Н-ра.

— Ты сказалъ Г., что я получалъ деньги отъ префекта?

— Я.

— Зачѣмъ?

— За тѣмъ, что ты получалъ.

— Хотя и зналъ, что я не доносилъ. Вотъ-же тебѣ за это, при этихъ словахъ Н-ръ плюнулъ Т. въ лицо и пошелъ вонъ... Разъяренный Силенъ не хотѣлъ остаться въ долгу, онъ вскочилъ съ постели, схватилъ горшокъ и пользуясь тѣмъ, что Н-ръ спускался, по лѣстницѣ, вылилъ ему весь запасъ на голову, приговаривая: "А это ты возьми себѣ".

Эпилогъ этотъ утѣшилъ меня несказанно. "Видите, какъ хорошо я сдѣлалъ, говорилъ я Гаугу, что васъ остановилъ. Ну что-бы подобнаго вы могли сдѣлать надъ главой несчастнаго корреспондента Піэтри, вѣдь онъ до втораго пришествія не просохнетъ".

Казалось-бы дѣло должно было окончиться этой нѣмецкой вендетой, но у эпилога есть еще небольшой финалъ. Какой-то господинъ, говорятъ добрый и

честный, старикъ В., сталъ защищать Н. Онъ созвалъ комитетъ нѣмцовъ и пригласилъ меня, *какъ одного изъ обвинителей.* Я написалъ ему, что въ комитетъ не пойду, что все мнѣ извѣстное ограничивается тѣмъ, что Н. въ моемъ присутствіи сознался Гаугу, что онъ деньги *отъ префекта получалъ.* В-ру это не понравилось, онъ написалъ мнѣ, что Н. *фактически* виноватъ, но *морально* чистъ и приложилъ письмо Н. къ нему. Н. обращалъ между прочимъ вниманіе его на *странность* моего поведенія. "Г., говорилъ онъ, гораздо прежде зналъ отъ г. Р. объ этихъ деньгахъ и не только молчалъ до обвиненія Т., но послѣ того еще далъ мнѣ два фунта и присылалъ на свой счетъ доктора во время болѣзни жены!"

Sehr gut!

APHORISMATA

ПО ПОВОДУ ПСИХІАТРИЧЕСКОЙ ТЕОРІИ Д-РА КРУПОВА

Сочиненіе Прозектора и Адъюнкть-Профессора

ТИТА ЛЕВІАѲАНСКАГО

Милостивый Государь и Господинъ Редакторъ, (имени и отчества, извините, не знаю).

Въ заграничной періодикѣ, издаваемой вами, я съ удовольствіемъ прочиталъ введеніе въ Психіатрію добрѣйшаго наставника и товарища моего д-ра Крупова. Я Семена Ивановича зналъ лично, любилъ, уважалъ и могу сказать отдалъ ему послѣдній дружескій долгъ, т. е. вскрылъ послѣ кончины его тѣло и обнаружилъ хроническую болѣзнь въ печени, которой онъ и не предполагалъ, но которая свела его въ могилу.

Увлекательная теорія покойнаго, во время ея появленія, сильно подѣйствовала на меня. Я долгое время былъ подъ ея вліяніемъ и самъ вездѣ на практикѣ, въ житейскихъ отношеніяхъ и въ книгѣ пріискивалъ новые факты и свидѣтельства въ подтвержденіе главныхъ положеній ея. Такъ напр. я въ одномъ англійскомъ авторѣ, Byronѣ, нашелъ замѣчательную по вѣрности мысль, что "еслибъ изъ Бедлама выпустить больныхъ, а здоровыхъ внѣ Бедлама находящихся запереть, то значительной перемѣны не было бы замѣтно" (Vid. Don Juan, Can. XIV, v. 87). Другой англійскій писатель, Вильямъ Шекспиръ (читанный мною въ переводѣ одного изъ моихъ сотоварищей Н. Хр. Кетчера) намекнулъ на это, говоря, что "сумасшедшаго датскаго принца за тѣмъ и посылаютъ въ Англію, чтобъ его состояніе не было замѣтно въ странѣ, гдѣ всѣ поврежденные". Не удивительно что именно на этомъ островѣ и выразился первый свободный, энергическій протестъ одного лично поврежденнаго, который содержась въ больницѣ сказалъ врачу: "Весь свѣтъ меня считаетъ поврежденнымъ, а я весь свѣтъ считаю такимъ же. Бѣда моя въ томъ, что *большинство* со стороны всего свѣта".

Но не буду наполнять моего письма цитатами; скажу напротивъ, что впослѣдствіи во мнѣ возникли нѣкоторыя сомнѣнія, не въ главномъ положеніи д-ра Крупова, однако же въ вещахъ очень важныхъ.

Лѣтами гораздо постарѣе меня, С. П. принадлежалъ еще къ слушателямъ знаменитаго профессора М. Я. Мудрова, въ силу чего и получилъ нѣсколько религіозно-мистическое и отчасти франъ-масонское направленіе.

Я же, какъ студентъ Дядковскаго и М. Г. Павлова, ими былъ наведенъ на направленіе болѣе философское. Наведенъ, но не удовлетворенъ—а оставленъ на собственныя силы.

Нѣкоторыя возраженія я тогда помѣтилъ и для большей доступности, написалъ ихъ по латынѣ. Но не только не далъ имъ никакаго развитія, но даже не привелъ въ систематическій порядокъ.

По обязанностямъ моего служенія, я посвящаю время свое людямъ уже кончившимъ свою жизнь и, такъ какъ долгъ относительно ихъ, и мой интересъ, собственно начинаются съ полицейскаго удостовѣренія о приключившейся кончинѣ—то и не трудно понять, что имѣя большую практику, какъ отъ университетской больницы, такъ и отъ военнаго госпиталя, поставляющаго намъ въ обиліи трупы—я занимался психіатрическими возраженіями, въ феріахъ и каникулахъ, не какъ моимъ спеціальнымъ дѣломъ, но скорѣе отдохновительнымъ exlra.

Впослѣдствіи, при возрастающихъ занятіяхъ, благодаря акклиматизаціи холеры и укорененію простаго и возвратнаго тифа, я забылъ о моей тетради, какъ вдругъ одинъ изъ коллеговъ, ѣздившій въ Германію, привезъ съ собой нумеръ издаваемой вами періодики (имя его, по причинамъ, понятнымъ вамъ, я считаю долгомъ, до поступленія его въ прозекторскую, умолчать)—въ немъ я нашелъ сочиненіе учителя и наставника моего д-ра Крупова, вулгаризированнымъ на французскій языкъ. Невольно вспомнилъ я тетрадку свою, перечиталъ ее, исправилъ, мѣстами перебѣлилъ и, пользуясь отправленіемъ за границу нашего добрѣйшаго Киліана Вильгельмовича, профессора теологической Екзегезы и автора извѣстнаго сочиненія объ отношеніи богословія къ анатоміи и христіанства къ терапіи—рѣшился послать вамъ. Если вы не найдете ничего неприличнаго въ помѣщеніи сего слабаго, но искреннаго опыта, (мое уваженіе къ памяти Семена Ивановича, не допустило-бы меня ни въ какомъ случаѣ до выраженій, лишенныхъ урбанности), то сочту это для себя одолженіемъ, ибо въ отечествѣ нашемъ послѣ уничтоженія цензуры и увеличенія отвѣтственности, не полагаю, чтобъ это сочиненіе было къ печати допущено; особенно при нынѣшнемъ теократическомъ направленіи полиціи и администраціи и полицейской тенденціи православныхъ служителей алтаря.

Пожелаете ли перевести, или напечатать по латынѣ мои *афоризмата*, это совершенно зависитъ отъ васъ. Полагаю, латинскій языкъ—популярнѣе.

Позвольте, М. Г., г. Редакторъ,
засвидѣтельствовать о чувствахъ
глубокоуваженія, съ которыми
пребываю
Титъ Левіаѳанскій
Prosector et anatomiæ professor adj.

P. S. Адреса не пишу, такъ какъ отвѣта по почтѣ получить не желаю, по обстоятельствамъ, моего уваженія къ вамъ не уменьшающимъ...

T. L. pr.

... Левіаѳанскій, Левіаѳанскій, да еще Титъ! Я думалъ, что съ Титомъ Каменецкимъ, издавшимъ тридцать тисненій всеобщей, пространной и краткой географіи, Титы въ Россіи кончились. Вѣрно псевдонимъ тоже "по обстоятельствамъ, не уменьшающимъ уваженіе". Что касается до фамиліи—семинарія за такими бездѣлицами не останавливается—развѣ нѣтъ у насъ разныхъ Крестовоздвиженскихъ, Федоростудитенскихъ, Геѳсеманійскихъ, Ризоположенскихъ, не говоря о старыхъ знакомыхъ Круциферскомъ и Кофернаумовѣ?

При письмѣ была тетрадь, написанная мѣльчайшимъ шрифтомъ, семинарскимъ почеркомъ и медицинской латынью. Я по латыни никогда хорошо не зналъ, да и то что зналъ забылъ. По счастію теперь во всѣхъ городахъ игорныхъ, гидро-терапевтическихъ и гидро-минеральныхъ заводятъ православныя часовни. Переводъ сдѣланъ мною собща съ однимъ священникомъ; усердно благодаря его, я долженъ въ очистку его сказать, что онъ сталъ мнѣ помогать только послѣ явственнаго удостовѣренія съ моей стороны, что все относящееся до религіи у Тита Левіаѳанскаго какъ и д-ра Крупова, относится къ лжекатолической религіи и къ лютеровымъ ересямъ, а не къ православной церкви, о которой никогда никто не думаетъ.

Когда я перевелъ первый аѳоризмъ, я испугался, но вскорѣ догадался, что прозекторъ "лично" сумашедшій, въ доказательство чего и печатаю переводный отрывокъ. Батюшка полагаетъ, что въ прозектора вторгся Вельсевулъ—тотъ самый, который нѣкогда былъ сосланъ въ свиней. Можетъ быть! Спорить не стану—а я все думалъ, что онъ давно истраченъ на *трихины*.

APHORISMATA.

I.

Вѣрность, съ которой многоуважаемый авторъ разбираемой мною диссертаціи, опредѣлилъ *родовое* единство двухъ видовъ помѣшательства, повальнаго и личнаго, составляетъ неоспоримую заслугу д-ра Крупова.

Онъ былъ весьма близокъ къ тому, чтобы вывести прочный фундаментъ для медицинскаго пониманія *всемірной исторіи*. Но, по несчастію, онъ, какъ многіе изъ великихъ врачей до него, отступая отъ опыта, допустилъ преждевременныя заключенія о *цѣли*, и черезъ то запутался въ религіозно-метафизическія фантасмагоріи.

Авторъ въ "историческомъ безуміи" видитъ *средство* (кѣмъ взятое?) "благодѣтельную горячку", какъ онъ выражается, для излѣченія отъ "животности" и видитъ его медленное, но вѣрное умеьшеніе, а посему и ожидаетъ *перерожденія рода человѣческаго*, что многіе дѣлали и прежде него, но главное состоитъ въ томъ, что онъ на *этомъ свѣтѣ*, ждетъ свою метемпсихозу.

Допуская это, мы изъ предверья науки уносимся въ пучину мистическихъ волнъ и возвратимся къ младенческимъ степенямъ ума и пониманія—которые и были можетъ быть полезны и необходимы для

мозговаго роста, какъ прорѣзываніе зубовъ, но которые въ совершеннолѣтіи безъ уродства повторяться не должны. Сюда мы причисляемъ всякаго рода *ожиданія* —пророковъ, мессій, пятаго царства, втораго пришествія, братства, справедливости и другихъ предназначенныхъ прогрессовъ.

Притомъ замѣтимъ, что всѣ послѣдовательные богословы, храмовые (*), церковные и академическіе, ставили всегда отвлеченный идеалъ свой, какъ-бы они его ни понимали, внѣ исторической жизни, что́ значительно уменьшаетъ погрѣшность ихъ.

Такъ язычники искали его въ до-историческомъ времени, въ дикомъ состояніи, называемомъ *золотымъ вѣкомъ*, въ него переносили свои мечты о непорочности, незнаніи, простотѣ и другихъ отрицательныхъ добродѣтеляхъ и положительныхъ неразвитіяхъ, которыми преисполнены и поднесь орангутанги и лемуры. Такъ христіанство ожидало въ сущности царства небеснаго, а не земнаго. Оно сѣяло *здѣсь* для предвѣчнаго жнитва *тамъ*. Церковь считала здѣшнюю жизнь, которой надобно было пройти, дурной дорогой и старалась слегка и немного посыпать ее щебнемъ, нисколько не думая объ окончательномъ ея устройствѣ. Для христіанства смерть главное и счастливое событіе, оттого то оно въ свое цвѣтеніе, никогда не отказывало ни въ благословеніи войнамъ, ни въ сожженіи, гарротированіи и иныхъ казняхъ еретикамъ. Смерть для христіанъ была выпускнымъ экзаменомъ низшихъ учебныхъ заведеній, съ правомъ на вступительный экзаменъ заведеній высшихъ и загробныхъ.

Остальные теологи безцерковные, какъ Вольтеръ

(*) Т. е. не Темпліеры, а язычники, молитву творившіе въ капищахъ, божницахъ и "храмахъ", въ противуположность христіанамъ молитвословящимъ въ церквахъ.

(Примѣчаніе батюшки, помогавшаго въ переводѣ).

и Руссо и другіе бого и антропотеофилы прошлаго вѣка и нашего, всѣ принимали для исполненія идеала своего *иной свѣтъ*, или такъ называемый *тотъ свѣтъ*, о которомъ, по занятіямъ моимъ въ прозекторской, я всего меньше имѣлъ случай сдѣлать какія нибудь наблюденія, и дѣйствительно не знаю существуетъ онъ или нѣтъ, и если существуетъ, то какъ къ нашему прилагается. Для меня всегда было неясно (и я смиренно въ томъ вижу отсутствіе выспреннихъ способностей), какъ можетъ *привычка къ существованію* переживать *существующаго*. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не объ объективномъ бытіи, т. е. о бытіи *въ самомъ дѣлѣ того свѣта*, но о логичности его постановленія у теологовъ безцерковныхъ и церковныхъ.

Даже тѣ изъ богослововъ, которые, какъ *деисты* сознаютъ, что они *постичь* не могутъ высшее существо и только *чтутъ его не понимая* — сознаваясь, что ничего, ни хорошаго, ни дурнаго о немъ не знаютъ — и они приняли несовмѣстимость понятія здѣшней жизни съ освобожденіемъ отъ ея условій. Въ силу чего они допуская прогрессъ, допустили "*безконечность*" его, т. е. поставили цѣлью усилій человѣческихъ поступательное движеніе безъ достиженія — что совершенно подходитъ къ психіатрической діагнозѣ безумія, блестяще чиноположенной нашимъ авторомъ.

Какъ-же онъ, *сей*(*) врачь, постигнувшій, что люди дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ извѣстнаго состоянія мозга, называемаго нами патологическимъ или фантасмагорическимъ, какъ-же онъ не понялъ, что другаго *чистаго* мозга вовсе нѣтъ и быть не можетъ, какъ чистаго (математическаго) маятника, какъ нормально здороваго человѣка. Онъ думаетъ, что это будетъ по излѣченіи, а мы спрашиваемъ, какъ-же *постоянное состояніе* какого нибудь животнаго рода

(*) Батюшка непремѣнно просилъ оставить "сей", онъ находилъ, что *этотъ* "указательно" — а *сей* "сугубо указательно".

или вида, можетъ излѣчиться, хотя-бы оно имѣло свои неудобства, какъ слѣпота крота—это не болѣзнь, а *особенность*, *признакъ*.

Какъ же, повторяю, врачь, чиноположившій отличительныя свойства того что́ называется безуміемъ, въ силу котораго окружающіе предметы сознаются неправильно, но и не произвольно, въ болѣзненномъ упорствѣ сохранить это сознаніе, даже при вредѣ себѣ, въ стремленіи къ цѣлямъ несуществующимъ, съ упущеніемъ цѣлей дѣйствительныхъ—могъ усомниться въ его вѣчной необходимости для исторіи и прогресса.

Семенъ Ивановичъ, прослѣдившій свою мысль у постели больнаго, у своего очага (съ кухаркой Матреной Бучкиной), въ домѣ друзей своихъ (у Анны Федоровны), въ присутственныхъ мѣстахъ своего города, въ Всеобщей Аугсбургской газетѣ, въ путешествіяхъ отъ Магелана, Васко-де-Гама, Марка Поло "до Дюмонъ Дюрвиля", въ бытописаніяхъ отъ Геродота, Тита Ливія "до отечественнаго Карамзина",—какъ же онъ, видя такъ много, не усмотрѣлъ главнаго (не будемъ упрекать человѣка, сдѣлавшаго много, за то, что онъ не сдѣлалъ всего — силы человѣка сочтены) : что безъ хроническаго, родоваго помѣшательства прекратилась бы всякая государственная дѣятельность, что съ излѣченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастьи, какъ поетъ старинная пѣсня, а *въ безуміи*.

Безъ него мы были бы сведены на логику и математику.

Оставимъ же на всегда дѣтскую кичливость, съ которой шведъ Линней, лучше знавшій воспроизводительныя части растеній, чѣмъ мозги человѣческіе, назвалъ человѣка (какъ Правительствующій Сенатъ императрицу Екатерину II) *мудрымъ*, homo sapiens, и противупоставилъ ему человѣка безумнаго — homo insanus — человѣка съ безконечнымъ творчествомъ

мѣняющаго idées fixes и пункты помѣшательства и постоянно пребывающаго вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая манія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ умопомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждятся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи.

Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И такъ, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымыселъ — творчество слова.

Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей, и въ жалкомъ здравомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она то и находится подъ безвыходнымъ самовластьемъ разума — въ то время какъ человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все сковано въ природѣ желѣзною необходимостью, она не усовершается, не домогается, не ждетъ обновленья и искупленья, она только перерабатывается "не вѣдая, что́ творитъ" — и въ эту то кабалу, въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкаютъ человѣка подъ предлогомъ излѣченія?

Отнимите у людей сказки и бредни, библіи и апокалипсисы, вѣру въ пришествіе вѣчнаго міра и таковаго-же братства — и родъ человѣческій, какъ Калигула, возжелаетъ имѣть едину главу и едину каротиду, чтобъ перерѣзать ее однимъ ударомъ бистурія.

Посему и не удивительно, что всѣ пророки и законодатели ставили въ основу своей проповѣди и закона какое нибудь страшное безуміе, или фантазію — что всѣ моралисты соединяются на томъ, что самый необходимый даръ есть *даръ вѣры*, а вѣрить только въ то и надобно, чего доказать нельзя.

Жидовствующій французскій богословъ, Ренанъ (*),

(*) Батюшка было поставилъ, какъ въ текстѣ, "Ренапусъ", но я просилъ его отнять "усъ", а то пришлось бы Кине называть Квинетусомъ и Оливье Олеаріусомъ.

сказалъ, "что человѣкъ, по инстинкту, плететъ религію, какъ паукъ паутину". Мѣтко, но съ той разницей, что паукъ плететъ паутину для прокормленія и отъ голода, а человѣкъ начинаетъ плести когда наѣстся до сыта, что паукъ тянетъ нить изъ себя, чтобъ осѣтить муху, а человѣкъ тянетъ религію, чтобъ уловить умъ свой, какъ начало антисоціальное и разъѣдающее.

Необходимость фантазіи, сказки, лжи, религіи неотрицаема, и дѣло вовсе не въ основахъ, не въ теодицеяхъ, не въ догматахъ (и въ личномъ безуміи, главное — совсѣмъ не въ пунктѣ помѣшательства; патологическое состояніе можетъ быть одно и тоже, воображаетъ ли себя больной сверчкомъ въ щели или шавкой на дворѣ). Только поверхностные и сентиментальные наблюдатели могли негодуя удивляться, что человѣка третьяго дня травили львами и тиграми за то, что онъ не вѣритъ въ громовержца, а вѣритъ въ спасителя, вчера жгли за то, что онъ вѣритъ въ спасителя, но не вѣритъ въ завѣдующаго дѣлами его папу, а сегодня убиваютъ французами за то, что онъ вѣритъ въ папу какъ въ управителя Христова, но не вѣритъ въ него какъ въ царя итальянскаго.

Посему то я всегда и оправдывалъ самаго послѣдовательнаго религіознаго инквизитора и гонителя — Максимиліана Робеспьера; онъ стоитъ гораздо выше Діоклеціана, Кальвина, Филиппа II и др., чему конечно обязанъ успѣхамъ философіи и гуманности въ XVIII вѣкѣ. Тѣ жгли своихъ противниковъ — онъ рубилъ головы людямъ не за то, что они *не такъ* вѣрили, какъ онъ, а просто за то, что они не вѣрили ни во что, кромѣ разума. Онъ очень послѣдовательно казнилъ Анахарсиса Клоца и его товарищей — понимая, что какъ только изъ подъ ногъ человѣка выдернуть треножникъ мистики, такъ онъ и падетъ въ самое жалостное положеніе.

Все что намъ дорого и изъ за чего мы такъ обильно

льемъ кровь ближняго, а иногда и свою, все имѣетъ глубокіе корни въ безуміи и не имѣетъ *нѣтъ развѣ его*... Безконечность и безсмертіе, честь и слава, воля человѣческая и воля божія, обѣ свободныя, одна подчиненная другой и *обѣ другъ другу не мѣшающія, не смотря на необходимость*, въ коей обѣ движутся (*). Будто это можно понять не сойдя съ ума?... да и за чѣмъ воздерживаться, когда все зоветъ къ безумію, все жило и живетъ имъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто настроилъ величественные храмы и воздвигъ цѣлые лѣса мрамора и порфира для славы божіей? Кто одержалъ всѣ побѣды, которыми гордятся вѣка? Кто надѣвалъ лавровые вѣнки на свирѣпыхъ, окровавленныхъ бойцевъ, стоявшихъ на грудахъ труповъ? Кто отводилъ руку народа отъ сохи, далъ ему вмѣсто ея мечь и сдѣлалъ его изъ пахаря земли пахаремъ смерти, убійцей по ремеслу, побѣдителемъ и завоевателемъ, безъ которыхъ не было бы ни Ассиріи, ни Пруссіи (привычка къ цензурѣ постоянно заставляетъ меня умалчивать о любезномъ отечествѣ)?... Кто?... Будто разумъ?... Кто позволяетъ богатому наслаждаться всѣми дарами и благами жизни возлѣ массъ голодныхъ, холодныхъ, оборванныхъ? Кто вѣшаетъ для порядка и кто ведетъ человѣка на казнь съ поднятымъ челомъ и гордостью, все равно умираетъ ли онъ, (по выраженію одного нѣмецкаго стихотворца), за императора въ красныхъ штанахъ, или за императора въ бѣлыхъ штанахъ?...

Пусть же великое и покровительствующее безуміе, хранящее и утѣшающее, исправляющее и ведущее насъ чрезъ вѣка и океаны, пусть же оно и впредь сопровождаетъ насъ во вѣки вѣковъ, пока родъ человѣческій не поглотится геологическимъ перево-

(*) На счетъ замѣчательнаго остро-безумнаго сочетанія совершеннаго произвола съ совершенной необходимостью, какъ о сильнѣйшемъ признакѣ, пишу особый аргументъ.

ротомъ. И пусть передъ его торжественнымъ шествіемъ несется, какъ и прежде—то лучезарное, то въ облакахъ, то полное, то съ ущербомъ, *свѣтило разума*, пребывающее, какъ луна, все въ томъ же разстояніи отъ земнаго шара, какъ бы онъ ни торопился.

А посему, наставникъ и другъ, Семенъ Ивановичъ, воскликнемъ вмѣстѣ съ латинскимъ классикомъ, но относя слова его къ святому безумію рода человѣческаго. Tu urbes peperisti, tu homines dissipatos in societates convocasti!

Т. Левіаѳанскій.

Не знаю помнитъ-ли теперь кто нибудь небольшую повѣсть мою "Докторъ Круповъ". Она была напечатана въ 1847 году въ "Современникѣ" и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Круповъ явился во французскомъ переводѣ въ одномъ парижскомъ Revue. *Двадцать* лѣтъ спустя, въ 1867 году, меня просили прочесть что нибудь въ близкомъ кругу друзей, собиравшихся то у насъ, то у извѣстнаго физіолога Шифа во Флоренціи. Я вспомнилъ переводъ Крупова и прочелъ его. Слушатели были очень довольны, Шифъ настоятельно требовалъ, чтобы я перепечаталъ его. Одинъ итальянскій литераторъ просилъ текстъ для перевода на итальянскій языкъ. Мой Круповъ, какъ Лазарь, снова ожилъ. Перечитывая его, мнѣ пришли въ голову "рефлексіи и контроверзіи" прозектора Левіаѳанскаго и я ихъ написалъ собственно для Шифа.

Карлъ Фогтъ, смѣясь, требовалъ отвѣта Левіаѳанскому, обвиняя его въ скрытомъ деизмѣ, на томъ основаніи, что онъ своего бога спряталъ въ *фонарь*, котораго вовсе нѣтъ. Но я побоялся, что одна и та же шутка утомитъ.

П—ръ.

ЕЩЕ РАЗЪ БАЗАРОВЪ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Вмѣсто письма, любезный другъ, посылаю тебѣ диссертацію, да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора, я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, которую совсѣмъ забылъ и очень радъ этому, т. е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія. Въ своей односторонности, она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

Вѣрно-ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ узналъ *себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеалъ.

— "Но въ чемъ-же можетъ быть интересенъ для насъ идеалъ г. Писарева? Писаревъ бойкій критикъ, онъ писалъ много, писалъ обо всемъ, иногда о такихъ предметахъ, которые зналъ, но все это не даетъ его идеалу права на общее вниманіе".

Въ томъ-то и дѣло, что это не его личный идеалъ, а тотъ идеалъ, который *до* Тургеневскаго Базарова и послѣ *него*, носился въ молодомъ поколѣніи и воплощался не только въ разныхъ героевъ повѣстей

и романовъ, но въ живыя лица, старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ Базаровщину. То, что Писаревъ говоритъ, я слышалъ и видѣлъ десять разъ; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго Базарова.

Базаровъ для Тургенева больше чѣмъ посторонній, для Писарева больше чѣмъ свой; для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой desideratum.

Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь отъ Тургеневскаго Базарова, какъ отъ шаржи, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было непріятно, что Писаревъ опростоволосился, но изъ этаго не слѣдуетъ, что онъ его не вѣрно понялъ.

Писаревъ знаетъ сердце своего Базарова до тла, онъ исповѣдуется за него. "Можетъ быть", говоритъ онъ, "Базаровъ въ глубинѣ души признаетъ многое изъ того, что отрицаетъ на словахъ и можетъ быть именно это признаваемое, это затаившееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества". Мы считаемъ эту нескромность, заглянувшую такъ далеко въ чужую душу, очень важной.

Дальше Писаревъ такъ характеризуетъ своего героя: "Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно. (ясно, что это не Тургеневскій Базаровъ), именно вслѣдствіе этой громадности. Удовлетворитъ Базарова могла бы только *цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія* (*).

"Б. вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ какъ

(*) Юность любитъ выражаться разными несоизмѣримостями и поражать воображеніе безконечно великими образами. Послѣдняя фраза мнѣ такъ и напоминаетъ Карла Мора, Фердинанда и Донъ-Карлоса.

ему хочется, или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ, имъ управляетъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя, онъ не признаетъ никакаго регулятора. Впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ никакаго высокаго помысла и при всемъ этомъ силы огромныя. Если Базаровщина *болѣзнь*, то она болѣзнь нашего времени и ее приходится выстрадать, не смотря ни на какія ампутаціи и палліативы.

"Б. смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать *свои полу-презрительныя и полу-покровительственныя отношенія* къ тѣмъ, которые его ненавидятъ и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ-бы то ни было. Въ его цинизмѣ двѣ стороны, внутренняя и внѣшняя, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму, составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой иронiи, *безпричинная и безпредѣльная* рѣзкость въ обращеніи, относятся къ внѣшнему цинизму. Б. не только эмпирикъ, онъ кромѣ того неотесаный буршъ. Въ числѣ почитателей Б., найдутся навѣрное такіе люди, которые будутъ восхищаться его грубыми манерами, слѣдами бурсацкой жизни, будутъ подражать этимъ манерамъ, составляющимъ во всякомъ случаѣ *недостатокъ*, а не достоинство(*).

(*) Предсказаніе сбылось. Страшная вещь — это взаимодѣйствіе людей на книгу и книги на людей. Книга беретъ весь складъ изъ того общества, въ которомъ возникаетъ, обобщаетъ его, дѣлаетъ болѣе наглядным и рѣзкимъ, и вслѣдъ за тѣмъ бываетъ обойдена реальностью. Оригиналы дѣлаютъ шаржу своихъ рѣзко оттѣненныхъ портретовъ и дѣйствительныя лица вживаются въ свои литературныя тѣни. Въ концѣ прошлаго вѣка всѣ нѣмцы сбивали немного на Вертера, всѣ нѣмки на Шарлоту; въ началѣ нынѣшняго университетскіе Вертеры стали превращаться въ "разбойниковъ", не насто-

"Такіе люди всего чаще вырабатываются при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни; отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства, человѣкъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, на мечту человѣкъ смотритъ, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣженности, нравственныя страданія онъ считаетъ мечтательными, нравственныя стремленія и подвиги—придуманными и нелѣпыми. *Онъ чувствуетъ отвращеніе къ фразистости*".

За тѣмъ Писаревъ представляетъ генеалогическое дерево Базарова: Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, Рудины и Бельтовы—Базарова. (По волѣ или по неволѣ выпущены Декабристы—не знаю).

Усталые, скучающіе люди, замѣняются людьми стремящимися къ дѣлу, жизнь бракуетъ обоихъ, какъ не годныхъ и не полныхъ. "Пострадать имъ иногда придется, но сдѣлать дѣло никогда не удается. Общество къ нимъ глухо и неумолимо. Они не умѣютъ ужиться съ его условіями, ни одинъ изъ нихъ не дослужился до *начальниковъ отдѣленія*. Иные утѣшаются, становясь профессорами, и работая для будущаго поколѣнія". Отрицательная польза, приносимая ими, не подлежитъ сомнѣнію. Они размножаютъ людей *неспособныхъ* къ практической дѣятельности, вслѣдствіе чего, самая практическая дѣятельность, или вѣрнѣе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижается въ мнѣніи общества.

"Казалось (послѣ крымской кампаніи), что Рудинству приходитъ конецъ, что за эпохой безплодныхъ меч-

---

ящихъ, а шиллеровскихъ. Русскіе молодые люди, пріѣзжавшіе послѣ 1862, почти всѣ были изъ "что дѣлать?", съ прибавленіемъ нѣсколькихъ базаровскихъ чертъ.

таній и стремленій, наступаетъ эпоха кипучей и полезной дѣятельности. Но миражъ разсѣялся. Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями, изъ за нихъ выдвинулось новое поколѣніе, которое *съ укоромъ и насмѣшкой* отнеслось къ своимъ предшественникамъ. "Объ чемъ вы ноете, чего вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ небось счастія хочется? Да вѣдь мало-что! Счастіе надо завоевать. Есть силы, берите его. Нѣтъ силъ—*молчите*, а то и безъ васъ тошно!" Мрачная, сосредоточенная энергія сказывалась въ этомъ *недружелюбномъ* отношеніи молодаго поколѣнія къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе сходилось съ лучшими людьми предъидущаго, симпатіи и антипатіи были общія; *желали* они *однаго и того-же*, но люди прошлаго *метались и суетились*. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, не подаются ни на какіе компромисы и *ни на что не надѣятся*. Они также безсильны, какъ Рудины, но они сознали свое безсиліе.

"Я не могу дѣйствовать теперь, думаетъ каждый изъ этихъ новыхъ людей, не стану и пробовать, *я презираю все, что меня окружаетъ*, и не стану скрывать моего презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду, когда почувствую себя сильнымъ. Не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинаютъ думать и изслѣдовать... суевѣрія и авторитеты разбиваются въ дребезги и міросозерцаніе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представленій. Имъ дѣла нѣтъ идетъ ли за ними общество; они полны собой, своей внутренней жизнію. Словомъ, у Печориныхъ *есть воля безъ знанія*, у Рудиныхъ—*знаніе безъ воли*, у Базаровыхъ—*и знаніе и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое".

Тутъ все есть, какъ видишь, если нѣтъ ошибки, и характеристика и классификація—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

Но мы этаго счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ. Мы не Карлъ V и никакъ не хотимъ, чтобъ насъ хоронили живыми.

Странныя судьбы *отцовъ и дѣтей!* Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ — это ясно, что онъ хотѣлъ что̀ то сдѣлать въ пользу отцовъ — и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ увлекъ Тургенева, и вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ.

Оттого то и вышло, что часть молодаго поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но мы вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, не смотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ, во время нашей молодости и теперь существуютъ.

Мало ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и тоже время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его; безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но не представляютъ самой рѣзкой и характеристичной стороны своего поколѣнія, стороны наиболѣе выражающей его интензивность. Писаревской Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что̀ Тургеневъ назвалъ *сыновьями;* въ то время, какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ.

Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги, и по моему очень хорошо сдѣлалъ — шелъ въ комнату, попалъ въ другую, за то въ лучшую.

Что бы ему было прислать Базарова въ Лондонъ? Плюгавый Писемскій не побоялся путевыхъ расходовъ

для взбаламученныхъ уродцевъ своихъ. Мы можетъ быть доказали бы ему на брегахъ Темзы, что можно, и не дослуживаясь до *начальника отдѣленія*, приносить не меньше пользы, чѣмъ приноситъ любой *начальникъ департамента*, что общество не всегда глухо и неумолимо, когда протестъ попадаетъ въ тонъ, что дѣло иногда удается, что у Рудиныхъ и Бельтовыхъ иной разъ бываетъ и воля и настойчивость, и что, видя невозможность дѣятельности, къ которой они стремились по внутреннему влеченію, они бросали *многое*, уѣзжали на чужбину и заводили "не метавшись и не суетясь" русскую книгопечатню и русскую пропаганду.

Вліяніе лондонскаго станка отъ 1856 до конца 1863 года — не только практическій фактъ, но фактъ историческій. Стереть его нельзя, съ нимъ надобно примириться.

Базаровъ въ Лондонѣ увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и пересталъ бы относиться къ намъ съ "укоромъ и насмѣшкой".

Я признаюсь откровенно, мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ — противно. Повторяю сказанное (*Былое* и *Думы*, IV томъ): "Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ".

Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дойдетъ дѣло до исторіи — тотчасъ въ сторону методъ физіологическій, и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

Онѣгины и Печорины прошли.

Рудины и Бельтовы проходятъ.

Базаровы пройдутъ...

и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

На его смѣну напрашивался уже типъ, въ веснѣ дней своихъ сгинувшій, типъ православнаго студента, *консерватора и казеннокоштнаго патріота*, въ которомъ отрыгнулось все гнусное императорской Руси, и который самъ сконфузился послѣ серенады Иверской и молебна Каткову.

Всѣ возникнувшіе типы пройдутъ и всѣ съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея.

А потому не интереснѣе ли, вмѣсто того, чтобы стравлять Базарова съ Рудинымъ, разобрать въ чемъ *красныя нитки* ихъ связующія и въ чемъ причины ихъ возникновеній и ихъ превращеній? Почему именно эти формы развитія вызвались нашей жизнью и почему онѣ такъ переходили одна въ другую? Несходство ихъ очевидно, но чѣмъ нибудь были же онѣ и близки другъ друга.

Типы—легко схватываютъ различія, для рѣзкости въ нихъ увеличиваютъ углы и выпуклости, обводятъ густой краской предѣлы, обрываютъ связи—переливы теряются и единство остается вдали, за туманомъ, какъ поле, соединяющее подошвы горъ, далекихъ другъ отъ друга, ярко освѣщенными вершинами.

Къ тому же мы грузимъ на плечи типовъ больше, чѣмъ они могутъ вынести и придаемъ имъ въ жизни значеніе, котораго они не имѣли, или имѣли въ ограниченномъ смыслѣ. Брать Онѣгина за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей про-

снувшагося слоя — совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни.

Типъ того времени, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ типовъ новой исторіи,—это *декабристъ*, а не Онѣгинъ. Русская литература не могла до него касаться цѣлыя сорокъ лѣтъ, но онъ отъ этого не сталъ меньшимъ.

Какъ у молодаго поколѣнія не достало ясновидѣнія, такта, сердца понять все величіе, всю силу этихъ блестящихъ юношей, выходящихъ изъ рядовъ гвардіи, этихъ баловней знатности, богатства, оставляющихъ свои гостинныя и свои груды золота, для требованія человѣческихъ правъ, для протеста, для заявленія, за которое—и они знали это—ихъ ждали веревка палача и каторжная работа?—Это печальная загадка.

Сердиться на то, что эти люди явились въ единственномъ сословіи, въ которомъ было какое нибудь образованіе, какой нибудь досугъ и какая нибудь обезпеченность—безсмысленно. Еслибъ эти "князья, бояре, воеводы", эти статсъ-секретари и полковники не проснулись первые отъ нравственнаго голода и ждали, чтобъ ихъ разбудилъ голодъ физическій, то не было бы не только ноющихъ и безпокойныхъ Рудиныхъ, но и почившихъ въ своемъ "единствѣ воли и знанія" Базаровыхъ. А былъ бы какой нибудь полковой лекарь, который морилъ бы солдатъ, обкрадывая ихъ на пайкахъ и лекарствахъ и продавалъ бы прикащику Кирсанова свидѣтельства о естественной смерти засѣченныхъ крестьянъ, или былъ бы повытчикъ-взяточникъ, вѣчно пьяный — лущилъ бы четвертаки съ крестьянъ и подавалъ бы шинель и калоши его превосходительству, начальнику губерніи, Кирсанову. Да сверхъ того не было бы ни смертельнаго удара крѣпостному состоянію, ни всего того, что работаетъ подъ тяжелой корой власти, подтачивая императорскіе горностаи и стёганый помѣщичій халатъ.

Счастье, что рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ и дворнѣ, въ насилованіи и сѣченіи дома, въ раболѣпствѣ въ Петербургѣ, нашлись такіе, которыхъ "затѣи" состояли въ томъ, чтобъ вырвать изъ ихъ рукъ розгу и добиться простора, не ухарству на отъѣзжемъ полѣ, а простора уму и человѣческой жизни. Была ли эта затѣя ихъ серьезнымъ дѣломъ, ихъ страстью—они это доказали на висѣлицѣ, на каторгѣ... они это доказали возвратившись черезъ тридцать лѣтъ изъ Сибири.

Если въ литературѣ сколько нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста —это въ Чацкомъ.

Въ его озлобленной, желчевой мысли, въ его молодомъ негодованіи слышится здоровый порывъ къ дѣлу, онъ чувствуетъ чѣмъ недоволенъ, онъ головой бьетъ въ каменную стѣну общественныхъ предразсудковъ и пробуетъ, крѣпки-ли казенныя рѣшетки. Чацкій шелъ прямой дорогой на каторжную работу, и если онъ уцѣлѣлъ 14 Декабря, то навѣрно не сдѣлался ни страдательно тоскующимъ, ни гордо презирающимъ лицомъ. Онъ скорѣе бросился бы въ какую нибудь негодующую крайность, какъ Чаадаевъ— сдѣлался бы католикомъ, ненавистникомъ славянъ или славянофиломъ, —но не оставилъ бы ни въ какомъ случаѣ своей пропаганды, которой не оставлялъ ни въ гостиной Фамусова, ни въ его сѣняхъ, и не успокоился бы на мысли, "что его часъ не насталъ". У него была та безпокойная неугомонность, которая не можетъ выносить диссонанса съ окружающимъ и должна или сломить его, или сломиться. Это — то броженіе, въ силу котораго невозможенъ застой въ исторіи и невозможна плѣсень на текущей, но замедленной волнѣ ея.

Чацкій, еслибъ пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 Декабремъ въ страхѣ и трепетѣ, сплюснутое

терроромъ, выросшее пониженное, задавленное — черезъ нихъ протянулъ бы горячую руку намъ. Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти rimes croisées черезъ поколѣнія, не рѣдкость, даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ дѣтьми Базарова встрѣтимся симпатично и они съ нами "безъ озлобленія и насмѣшки".

Чацкій не могъ бы жить сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ самообоготвореніи; онъ не былъ на столько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго Фермента, бродящихъ дрожжей, вся сущность его.

Но именно эта-то сторона и не нравится Базарову, она-то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. "Молчите въ своемъ углу, коли силъ нѣтъ что нибудь дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно, говоритъ онъ — побиты, ну и сидите побитые... что вамъ ѣсть что ли нечего, что плачете, это все барскія затѣи", и т. д.

Писаревъ долженъ былъ такъ говорить за Базарова, этого требовала его роль.

Не играть роли, пока она нравится, трудно. Снимите съ Базарова его мундиръ, заставьте его забыть жаргонъ, на которомъ онъ говоритъ, дайте ему волю *просто*, безъ *фразы* (ему, который такъ ненавидитъ *фразерство!)* сказать одно слово, дайте ему на минуту забыть свою ежёвую обязанность, свой искуственно сухой языкъ, свою стегающую роль и мы объяснимся во всемъ остальномъ въ одинъ часъ.

"Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, новое поколѣніе сходилось съ прошедшимъ. Симпатіи и антипатіи, говоритъ Писаревъ, были общи, желали они однаго и тогоже... въ глубинѣ души они признаютъ многое, что отрицаютъ на словахъ". Мудрено-ли послѣ этаго столковаться.

Но пока облаченье не снято, Базаровъ послѣдовательно требуетъ отъ людей сдавленныхъ всѣмъ на свѣтѣ, оскорбленныхъ, измученныхъ, лишенныхъ и сна и возможности на яву дѣлать что нибудь — чтобъ они не говорили о боли, это сильно сбивается на Аракчеевщину.

На какомъ же основаніи отнять право на горькую жалобу Лермонтова напр., на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ былъ бы лучше николаевскій острогъ, еслибъ въ немъ тюремные сторожа были также раздражительно нервны и привязчивы какъ Базаровъ — и подавили бы эти голоса?

— Да зачѣмъ они? Что проку?

— А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

— Онъ не можетъ иначе.

— А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія, безъ словъ, жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утомляетъ боль. Ihm, говоритъ Гёте, gab ein Gott zu sagen was er leidet.

— А намъ что за дѣло?

— Можетъ вамъ и нѣтъ, такъ другимъ можетъ *есть*; но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя*. Съ точки зрѣнія исторіи оно переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падающія невзгоды — особенно не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израиль, ожидавшій Мессію и вовсе не зная что отъ семени Онѣгиныхъ и Рудиныхъ родится Базаровъ.

Въ сущности нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дѣятельности, *наша* протестъ противъ существую-

щаго *иначе* чѣмъ у нихъ и, что мотивъ того и другаго, не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

Нѣтъ-ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій — шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера, развились статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное индивидуальное проявленіе, отступленіе — считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ — не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его — выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности.

"Если, говоритъ Писаревъ, Базаровщина болѣзнь нашего времени, то ее придется выстрадать".

Ну и довольно. Болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершенолѣтію не пристала.

Худшую услугу, которую Тургеневъ оказалъ Базарову, состоитъ въ томъ, что не зная, какъ съ нимъ сладить, онъ его казнилъ тифомъ. Это такая ultima ratio, противъ которой никто не устоитъ. Уцѣлѣй Базаровъ отъ тифа, онъ навѣрное развился бы вонъ изъ Базаровщины, по крайнѣй мѣрѣ въ науку, которую онъ любилъ и цѣнилъ въ физіологіи, и которая не мѣняетъ своихъ пріемовъ, лягушка-ли или человѣкъ, эмбріологія-ли или исторія у нея въ передѣлѣ.

"Базаровъ выбилъ изъ своей головы всякія предразсудки, затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ. Онъ слыхалъ кое что о поэзіи, кое что объ искуствѣ, *не потрудился* подумать *и съ плеча* произнесъ приговоръ надъ незнакомымъ предметомъ. Эта заносчивость *свойственна намъ* вообще, она имѣетъ свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но за то порой приводитъ къ грубымъ ошибкамъ".

Наука спасла бы Базарова, онъ пересталъ бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ и не скрываемымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ больше чѣмъ Евангеліе, смиренію. Она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что̀ такое *свысока*, она ничего не презираетъ, никогда не лжетъ для роли, и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда какъ врачь, никогда какъ палачь, еще меньше съ враждебностью и ироніей.

Наука — я вѣдь не обязанъ скрывать, нѣсколько словъ въ тиши душевной — наука — *любовь*, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣденіи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Прошедшее оставляетъ въ исторіи *ступню*, по которой наука, рано или поздно, возстановляетъ былое въ основныхъ чертахъ. Утрачивается одно случайное, освѣщеніе — подъ тѣмъ, или другимъ угломъ, подъ которымъ оно проходило. Апотеозы и клеветы, пристрастія и зависти, все это вывѣтривается и сдувается. Легкая ступня, занесенная пескомъ, изчезаетъ; ступня, имѣвшая силу и настойчивость выдавить себя на камнѣ и воскреснетъ подъ рукой честнаго труженика.

Связи, степени родства, завѣщатели и наслѣдники и ихъ взаимныя права, все раскроится геральдикой науки.

Безъ предшественниковъ родятся только богини, какъ Венера изъ пѣны морской. Минерва умнѣе ее, родилась изъ готовой головы Юпитера.

Декабристы — наши великіе отцы, Базаровы — наши блудные дѣти.

Мы отъ декабристовъ получили въ наслѣдство возбужденное чувство человѣческаго достоинства, стремленіе къ независимости, ненависть къ рабству, уваженіе къ Западу и революціи, вѣру въ возможность переворота въ Россіи, страстное желаніе участвовать въ немъ, юность и непочатость силъ.

Все это переработалось, стало инымъ, но основы цѣлы.

Что же наше поколѣніе завѣщало новому?

Нигилизмъ.

Вспомнимъ немного, какъ было дѣло.

Около сороковыхъ годовъ, жизнь, изъ подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. Во всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманья, что въ болѣзни *есть поворотъ* къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись — другой *тонъ*. Гдѣ то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, больше раздражительный, но и больше здоровый. Наружно все было мертво подъ николаевскимъ льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства.

Я эту перемѣну видѣлъ своими глазами, пріѣхавши изъ ссылки, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Но я увидѣлъ это въ кругахъ литераторовъ и ученыхъ. Другой человѣкъ, котораго остзейская антипатія къ русскому движенію ставитъ выше подозрѣнія въ пристрастіи, разсказалъ не такъ давно, какъ онъ возвратившись въ сороковыхъ годахъ въ

петербургскую аристократію казармъ, послѣ отсутствія нѣсколькихъ лѣтъ, былъ озадаченъ послабленіемъ дисциплины. Флигель-адъютанты, гвардейскіе полковники роптали, критиковали мѣры правительства, были недовольны *самимъ* Николаемъ. Его это до того ошеломило, огорчило, испугало за будущность самодержавія, что онъ въ смятеніи духа почувствовалъ за обѣдомъ у флигель-адъютанта Б. чуть ли не въ присутствіи самаго Дуббельта, какъ между сыромъ и грушей родился *нигилизмъ*.

Онъ не узналъ новорожденнаго, но новорожденный былъ. Машина, завинченная Николаемъ, стала подаваться, онъ ее свинтилъ на другую сторону и всѣ это почувствовали, одни говорили, другіе молчали, запрещали говорить, но тѣ и другіе поняли, что въ сущности все идетъ плохо, что всему тяжело, и что отъ этой тяжести никому нѣтъ прока.

Замѣшался въ дѣло смѣхъ, дурной товарищъ всякой *религіи*, а *самодержавіе*—религія. Мерзость и запустѣніе низшей администраціи дошли до того, что правительство отдало ее на поруганье. Николай Павловичъ, помиравшій со смѣху въ своей ложѣ надъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Держимордой, помогалъ пропагандѣ, не догадываясь, что смѣхъ послѣ высочайшаго одобрѣнія, пойдетъ быстро вверхъ по табели о рангахъ.

Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей, и начались люди съ знаніемъ безъ воли?

Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ранжира, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищъ Бѣлинскаго, онъ былъ

вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности печоринскаго направленія, противъ котораго возставали уже и славянофилы и мы.

Кстати я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣть Хомякова и его "братчиковъ?" Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ и его вліяніе колосально.

И такъ, оставляя lapides crescunt, planta crescunt et vivunt... Писарева, пойдемъ далѣе.

Тайныхъ обществъ не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико. Круги, составленные изъ людей, больше или меньше испытавшихъ на себѣ медвѣжью лапу правительства, смотрѣли чутко за своимъ составомъ./Всякое другое дѣйствіе кромѣ слова, и то маскированнаго, было невозможно, за то слово пріобрѣло мощь и, не только печатное, но еще больше живое слово, меньше уловимое полиціей./

Двѣ батареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандой, въ главѣ ея становится, въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ—Бѣлинскій. Университетскія каѳедры превращаются въ налои, лекціи въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

Вдругъ еще взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ и угрызеніе совѣсти, и пожалуй не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ "Мертвыхъ душъ" не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь—и смѣхъ и плачъ, и книга и рѣчь, и

Гегель (*) и исторія — все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма* — зарницы той совершеннѣйшей свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму идти впередъ съ своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась. Времена, чернѣе и тяжеле начала николаевскаго царствованія, наступили послѣ февральской революціи. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

Темная, семилѣтняя ночь пала на Россію и въ ней то сложился, развился и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали *нигилизмомъ*.

Нигилизмъ (повторяю сказанное недавно въ Колоколѣ) — это логика безъ стриктуры, это наука безъ догматовъ, это безусловная покорность опыту и безропотное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы онѣ ни были, если онѣ вытекаютъ изъ наблюденія, требуются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *что нибудь* въ ничего, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что нибудь* — оптическій обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ — здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

(*) Діалектика Гегеля — страшный таранъ, она не смотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все мѣшавшее разуму. Къ тому же это было время Фейербаха, der kritischen Kritik...

Идетъ это названіе къ дѣлу, или нѣтъ, это все равно. Къ нему привыкли, оно принято друзьями и врагами, оно попало въ полицейскій признакъ, оно стало доносомъ, обидой у однихъ — похвалой у другихъ. Разумѣется, если подъ *нигилизмомъ* мы будемъ разумѣть обратное творчество, т. е. превращеніе фактовъ и мыслей въ *ничего*, въ безплодный скептицизмъ, въ надменное "сложа руки", въ отчаяніе, ведущее къ бездѣйствію, тогда настоящіе *нигилисты* всего меньше подойдутъ подъ это опредѣленіе, и одинъ изъ величайшихъ нигилистовъ будетъ И. Тургеневъ, бросившій въ нихъ первый камень, и, пожалуй, его любимый философъ Шопенгауеръ.

Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: "такъ это я не для себя сознаю, а для духа... что же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать, что мнѣ за забота до его сознанія..." Онъ былъ *нигилистъ*.

Когда Бакунинъ уличалъ берлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанья и парижскихъ революціонеровъ 1848 года въ консерватизмѣ,—онъ былъ вполнѣ *нигилистъ*. Вообще всѣ эти межеванія и ревнивыя отталкиванія ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильственнаго антагонизма.

Когда Петрашевцы пошли на каторжную работу за то, что "хотѣли ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы и разрушить основы общества", какъ говоритъ сентенція, выкрадывая выраженія изъ инквизиторской записки Липранди, — они были *нигилистами*.

Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе сознался себя, долею сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... все это неоспоримо.

Но новыхъ началъ, принциповъ, онъ не внесъ.
Или гдѣ же они?

На это я жду отвѣта отъ тебя, или пожалуй отъ кого нибудь другаго, и тогда буду продолжать.

И—ръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА

ЮМОРЪ

ЧАСТЬ III.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

(Черезъ двадцать семь лѣтъ)

1.

Съ чего проснулось дней былыхъ
Душѣ знакомое волненье,
И все мнѣ слышенъ мѣрный стихъ
И риѳмъ созвучное паденье?
Я такъ давно чуждался ихъ,
Ихъ звуковъ страстное плетенье
Казалось праздностью уму,
Да и не нужнымъ никому.

*

Чтожъ обновило бодрость силъ?
Ужель весеннихъ пѣсенъ звуки
До этихъ поръ не схоронилъ
Ни опытъ лѣтъ, ни трудъ науки,
Ни рядъ ошибокъ и могилъ,
Ни холодъ обыденной скуки?
Ужель я такъ остался цѣлъ,
Что просто я помолодѣлъ?

*

О нѣтъ! я понимаю васъ
Мои предсмертныя сказанья,
Въ васъ не взойдутъ на этотъ разъ
Любви стремленья и страданья,
Не отзовется тихой часъ
Спокойно грустнаго мечтанья,
Возникли вы не для утѣхъ
Въ послѣдній стонъ, въ предсмертный смѣхъ.

2.

Съ тѣхъ поръ какъ я начальныхъ строфъ
Слагалъ задумчивыя строки,
Прошло десятка три годовъ,
И жизни жесткія уроки
Не проскользнули безъ слѣдовъ,
Казня въ размѣренные сроки
Бѣдой и зломъ — и борода
Давно становится сѣда.

*

Гляжу усталый отъ всего,
Гляжу съ тяжелымъ напряженьемъ,
На то, что вовсе не ново,
На міръ исполненный волненьемъ
И на себя на самаго,
И полонъ внутреннимъ сомнѣньемъ, —
Чтожъ я?.... споткнувшійся пророкъ,
Иль такъ... распутный старичёкъ?

*

И жалокъ мнѣ мой прошлый путь!
Я много ль истинѣ далъ ходу?
Свершилъ-ли я хоть что нибудь?
Одну принесъ-ли жертву сроду?
Иль жизнь умѣлъ я повернуть
Страстишкамъ маленькимъ въ угоду,
И силъ не подпялъ съ той поры,
А просто все схожу съ горы?

*

Быть можетъ, что подъ старость лѣтъ
Мысль эта всякому пригодна —
Ни счастья, ни покоя нѣтъ
И жизнь мелка и не свободна;
А можетъ быть, постичь секретъ
Какъ жить съ своимъ понятьемъ сходно —
Безумно только я не смогъ
И гибну средь пустыхъ тревогъ?....

*

Когда же внутренней тоской
И покаяньемъ утомленный,
Гонясь за мыслію живой,
Гляжу на міръ мнѣ современный
Мнѣ также жалокъ кругъ людской,
Весь этотъ кругъ заговоренный,
Гдѣ каждый доблестный народъ
Еще полнѣйшій идіотъ.

*

Нашъ нескончаемый прогрессъ,
И потому недостижимый,
Похожъ на путь чрезъ длинный лѣсъ,
Безвыходный, неизмѣримый,
Разбоя полный и чудесъ,
Гдѣ звѣрь большой, несокрушимый,
Подъ пѣсню старыхъ, глупыхъ словъ,
На бойню шлётъ простыхъ скотовъ.

*

Война и кровь!... Такъ вотъ предѣлъ,
Гдѣ стали мы съ образованьемъ,
Гдѣ даже сохранился цѣлъ
Духъ революцій съ ихъ преданьемъ
Единства національныхъ дѣлъ
И всѣхъ языкъ размежеваньемъ,
Которыхъ цѣли такъ дики,
Что царскимъ жадностямъ съ руки.

*

Война и кровь!... Вотъ нашъ привалъ,
Гдѣ, какъ въ чаду былыхъ столѣтій,
Опять народъ рукоплескалъ
Съ избыткомъ чувствъ и междометій,
Гдѣ старый прусскій генералъ
И императоръ счетомъ третій,
Всѣ оттого такъ и сильны,
Что люди глупы иль скверны.

*

Война и кровь!... И много лѣтъ,
Или вѣковъ въ рѣзнѣ безумной
Еще пройдутъ... Надежды нѣтъ!
Въ потемкахъ смрадныхъ дракой шумной
Замѣнятъ люди миръ и свѣтъ,
Не нуженъ имъ исходъ разумный—
И человѣкъ рожденъ холопъ,
Любовь къ свободѣ есть поклёпъ.

*

Все это выражаю я,
Быть можетъ, очень прозаично—
Лишь было ясно-бы, друзья,
А тамъ будь плохо, будь отлично...
Да и не ищетъ рѣчь моя,
Чтобъ муза пѣла въ ней антично,
А сердца боль какъ велика,
Что къ слову просится тоска.

*

Всемірный шумъ, всемірный шумъ,
Германо-римскій людъ великій,
Многоболтливый Аввакумъ,
Снаружи гладкій, въ сердцѣ дикій—
Не ты моихъ властитель думъ!
Твои затверженные крики
Пейдутъ твоимъ пророкамъ вслѣдъ
И міра новаго въ нихъ нѣтъ.

3.

"Чтожъ сладко вашему уму?"
Меня вы спросите — "Россія?" —
"Мы, къ сожалѣнью моему,
Не справились съ временъ Батыя",
Скажу я также въ *эту* тьму,
Какъ говорилъ во тьмы былыя,
"Да! но тогда жилъ царь-отецъ,
А этотъ добръ и молодецъ".

*

Да будетъ жиренъ вашъ обѣдъ
И крѣпокъ храпъ на сонъ грядущій.
Вы вѣрите?... Такъ вамъ и слѣдъ,
Спасаемъ вѣрой мужъ имущій,
Но не спасутъ народъ отъ бѣдъ —
Ни пошлый лобъ назадъ идущій,
Ни пара истуканныхъ глазъ,
Гдѣ мысли лучъ давно погасъ.

*

Вы вѣрите, что *юный* царь
Есть, такъ сказать, освободитель?
Мужикъ, который рабъ былъ встарь,
Закабаленный сталъ платитель
И нищъ какъ былъ во время барь,
А царь, отечества спаситель,
Крестьянскую понюхавъ кровь,
Самъ на дворянъ оперся вновь.

*

Вы дворянинъ — вамъ въ жизни пиръ
Всегда былъ нуженъ и пріятенъ,
Холопствуйте! Чиновный жиръ
Не тяготитъ, не кажетъ пятенъ,
Да и за васъ есть цѣлый клиръ —
Вамъ другъ Катковъ, вамъ другъ Скарятинъ,
Вы такъ подлы, что царь вперёдъ
Опоры лучшей не найдётъ.

*

Теперь же столько есть манеръ
Холопствовать съ усердьемъ новымъ,
Позвать обѣдать, на примѣръ,
Фонъ Комиссарова съ Треповымъ,
Соцьяльныхъ и иныхъ химеръ
Быть палачемъ всегда готовымъ,
Да обругать казненный прахъ
Въ туманныхъ тостахъ и статьяхъ.

*

Пожалуй вторить станетъ вамъ
Народъ во мракѣ всѣхъ незнаній,
Народъ — стихія въ ростъ вѣкамъ,
Основа лучшихъ сочетаній,
Его я вѣрно не предамъ
Позору горькихъ порицаній,
Онъ тотъ — какъ Слово говоритъ —
Кто самъ не знаетъ что творитъ.

*

Я вѣрю, что народъ одинъ
Ячейка общей лучшей доли,
Но дастъ ли ростъ ей господинъ,
Опредѣлить не въ нашей волѣ;
А съ вами, истый дворянинъ,
Позвольте не встрѣчаться болѣ —
Въ васъ такъ холопъ съ злодѣемъ сшитъ,
Что ненавистенъ мнѣ вашъ видъ.

4.

Покинулъ я мою страну,
Гдѣ все любилъ — лѣса и нивы,
Снѣговъ нѣмую бѣлизну
И водъ весенніе разливы,
И дѣтства мирную весну...
Но ненавидѣлъ строй фальшивый —
Господскій гнетъ, чиновный кругъ,
Весь "царства темнаго" недугъ.

*

Покинулъ я родной народъ,
Гдѣ я любилъ село родное,
Гдѣ скорбь великая живётъ
Вѣка въ безпомощномъ застоѣ,
Гдѣ гибнетъ мысли юный всходъ,
Томитъ насиліе тупое
И свѣжимъ силамъ такъ давно
Въ жизнь развернуться не дано.

*

Тайкомъ работа шла у насъ,
Я ждалъ, я вѣрилъ въ перемѣну,
Какъ узникъ вѣритъ каждый часъ,
Что вотъ конецъ настанетъ плѣну...
Была-ли вѣра правды гласъ,
Иль призракъ счастію въ замѣну?
Но этой вѣры не имѣть,
Пришлось бы просто умереть.

*

Покинулъ я моихъ друзей,
Но и они мнѣ измѣнили;
Они мнѣ въ гордости своей
Моихъ ошибокъ не простили,
Они отъ истины моей
Давно, слабѣя, отступили,
И вотъ мнѣ съ робкой мыслью ихъ
Связей нѣтъ больше никакихъ.

*

Одинъ мнѣ другъ остался цѣлъ,
Къ нему влекли меня желанья,
И мощь любви, и жажда дѣлъ,
Одни стремленья и страданья:
Имъ трудъ начатый чистъ и смѣлъ
Его рука, въ странѣ изгнанья,
Закроетъ мнѣ, не измѣнясь,
Мои глаза въ урочный часъ.

5.

Какая ночь! Чего въ ней нѣтъ!
И тѣнь, и блескъ! Душѣ печальной
Ея дрожащій полу-свѣтъ
Повѣялъ нѣгой музыкальной
Знакомыхъ звуковъ — давнихъ лѣтъ,
Изъ дальнихъ странъ, изъ жизни дальней,
Изъ дальней жизни раннихъ сновъ —
Подъ напѣванье мѣрныхъ словъ.

*

Сквозь серебреннаго дыма
Свѣтитъ круглая луна,
Горной рѣчки льётся мимо
Неумолчная волна.
Помнишь сказку — все тамъ сила —
Про Илью богатыря?
Няня, гдѣ твоя могила
У стѣны монастыря?

*

Помнишь комнаты большія
И больнаго старика?
И стучатъ часы стѣнныя
И безвыходна тоска?
Помнишь юное томленье,
Согрѣвающее кровь,
И ненужное стремленье
И непужную любовь?

*

Рядъ смертей и погребеній,
Всё безслѣдно въ мглѣ пустой,
Только призраки и тѣни
Мчатся въ памяти больной...
Сквозь серебреннаго дыма
Свѣтитъ круглая луна,
Горной рѣчки льётся мимо
Неумолчная волна.

*

Простите этотъ старый складъ,
Онъ подвернулся неизбѣжно,
Я даже къ стансамъ былъ бы радъ
Нашѣвъ придумать очень нѣжной,
Настроить слухъ на чуткій ладъ,
Чтобъ чувство мѣры безмятежно
Вновь до гармоніи дошло —
Иначе въ жизни тяжело.

*

Но музыкальная струя,
Увы! во мнѣ не уцѣлѣла,
И паромъ выдохлась, друзья,
Иль скучнымъ льдомъ заледѣнѣла,
Ее разбила-ль жизнь моя,
Тщета-ль общественнаго дѣла,
Иль просто такъ, подъ старость лѣтъ,
Изящныхъ звуковъ жажды нѣтъ.

*

На этотъ разъ, признаюсь вамъ,
Я не хочу судить объ этомъ;
Быть можетъ строемъ звучныхъ гаммъ
Мнѣ заниматься не по лѣтамъ,
И потому намѣренъ самъ
Я перейти къ другимъ предметамъ,
Гдѣ много желчи иль любви,
Иль скорбной горечи въ крови.

6.

Я у окна стою одинъ,
Уныло въ даль вперяя взоры
На зелень мягкую равнинъ,
На бѣлый снѣгъ покрывшій горы,
И слышу съ низменныхъ долинъ
Лягушекъ трепетные хоры....
А въ мысляхъ все двойной предметъ —
Прогрессъ и память прежнихъ лѣтъ.

*

Въ былой порѣ недавнихъ лѣтъ,
Гдѣ мало свѣта, много чада,
Гдѣ "въ праздномысліи" поэтъ
Нашелъ, что есть своя отрада, —
Я не хочу сказать, что нѣтъ
Живой струи, живаго склада;
Но признаюсь — я самъ отсталъ
Отъ этихъ барственныхъ началъ.

*

Нельзя идти, стремясь къ добру,
На трудъ общественнаго дѣла,
Поэтизируя хандру
И усталь сердца, усталь тѣла,
Жалѣя томно по утру
Зачѣмъ луна не уцѣлѣла,
А въ годы прежніе не разъ
Въ томъ доля жизни шла у насъ.

*

Унылый плачъ по юнымъ днямъ,
Стремленье въ высь къ тому что вѣчно,
Тоска по пройденымъ любвямъ,
И вѣра въ то что́ безконечно,
Съ глухимъ сомнѣньемъ по поламъ —
Все это, можетъ человѣчно....
Тогда я тоже создавалъ
Весьма забавный идеалъ.

*

Я по коврамъ блуждалъ въ тиши
И думалъ грустно — "онъ былъ молодъ" —
И наслаждался отъ души
"Что въ душу вкрадывался холодъ".
Но вѣдь и тѣ не хороши,
Кто взвѣлъ свой полу-барской голодъ
На степень правды... Больше грубъ
Онъ вышелъ, но не меньше тупъ.

*

Не отзовётся умъ живой
На звукъ напыщенныхъ томленій;
Не вступитъ праздною стопой
Отсѣдъ шляхетскихъ поколѣній
Въ движенье жизни трудовой,
Ея страданій и стремленій,
Чтобъ стать съ народомъ — какъ должно —
Въ единомъ строѣ за одно.

*

Но я пророчу не боясь,
Исполненный надежды смѣлой,
Что новый кряжъ взойдетъ у насъ —
Съ стремленьемъ чистымъ, мыслью зрѣлой,
И пусть посердитъ васъ и васъ,
Но жизни будущаго цѣлой
Блеснетъ въ немъ яркая звѣзда —
За тѣмъ и гнѣвъ вашъ не бѣда...

МУЗЫКАНТУ.

За совершенство исполненья
Глубоко-звучнаго творенья,
Вамъ въ похвалу я могъ едва
Сказать обычныхъ слова два;
Но еслибъ вы подозрѣвали
Какъ эти звуки взволновали
Всю память сердца моего,
То вы... Ну! чтожъ бы?... Ничего!...
Пришельцы оба изъ далече
Что́ намъ въ минутной нашей встрѣчѣ?...
Такъ двухъ прохожихъ, на мгновенье
Сходясь при проблескѣ луны,
Двѣ тѣни тихо вдоль стѣны
Расходятся въ два направленья,
И въ тьмѣ окружной навсегда
Вдругъ исчезаютъ безъ слѣда.

ЮНОШѢ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПОЛОНІЮ (*).

Ступай, мой сынъ! Пострaнствуй! Погляди!
Мнѣ, старику, оно уже не лестно,
Какъ сонный котъ, забившись въ уголъ тѣсной,
Я не ищу отрады впереди;
А молодость, съ своимъ орлинымъ взоромъ,
Летитъ впередъ за волей и просторомъ.

*

Учись! Пойми, что знаніе есть власть,
Умѣй страдать вопросомъ и сомнѣньемъ,
Умѣй людей любить съ благоволеньемъ
И претворяй бунтующую страсть
Въ смыслъ красоты и мѣры благородной;
Живи умно, какъ человѣкъ свободной.

*

Пора любви придетъ своей чредой:
Умѣй любовь проникнуть свѣтомъ дружбы;
Но избѣгай, какъ гнета рабской службы,
Тяжелой свычки, праздной и тупой,
Гдѣ женщина, весь день дыша разладомъ,
Тревожитъ жизнь докучно-мелкимъ ядомъ.

(*) Вѣроятно, читатель помнитъ въ "Гамлетѣ" — наставленіе Полонія Лаэрту.

*

За истину сноси обидный гнётъ —
Безъ хвастовства, но гордо и достойно;
Будь твердъ въ борьбѣ и смерть встрѣчай спокойно,
Не злобствуя и зная наперёдъ:
Народы всѣ, по мимо всѣхъ уроковъ,
Сперва казнятъ, а послѣ чтутъ пророковъ.

*

И такъ ступай! Мужайся и расти,
На все кругомъ смотря пытливымъ взглядомъ,
И дѣйствуя на перекоръ преградамъ,
И не сходя съ завѣтнаго пути...
Забудь въ трудѣ и страхъ и утомленье —
И вотъ тебѣ мое благословенье.

ВИХРЬ.

Мчится вихрь издалека,
Вѣтерь гонитъ облака;
Облака — какъ одурѣли —
Мчатся по небу безъ цѣли.
Вдоль дороги пыль какъ дымъ,
Мчится облакомъ сухимъ.
Рожь, какъ волны, бьется, гнется,
Съ поля прочь куда-то рвется.
Замахалъ вѣтвями садъ,
Листья дико говорятъ;
Листъ оторванный кружится,
И уносится и мчится.
И смотрю я самъ не свой,
Съ безпокойною тоской —
Міръ безумный мчится мимо....
Устою-ль я невредимо,
Иль ужъ взялъ меня разгромъ
Вслѣдъ за пылью и листомъ?

У МОРЯ.

Ночь и буря съ черной мглою
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
По взволнованному слою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто тамъ плачетъ, кто тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зовётъ,
Воплемъ жалобнымъ поётъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное ревётъ,
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнётъ.

ГРАНОВСКОМУ.

Вспомнилъ я, товарищъ,
Ты сошелъ въ могилу,
Міру лучшей доли
Было ждать не въ силу.

*

Я схожу въ могилу
Полный утомленья,
Не дождусь я тоже
Міру обновленья.

*

А настанетъ время,
Время жизни новой,
Въ мірѣ отзовется
Истинное слово,

*

Истинное слово
Въ мірѣ повторится,
Истинное дѣло
Въ мірѣ совершится.

*

Но не встрепенутся
На глухомъ погостѣ
Наши вѣковѣчно
Сложенныя кости.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НЕИЗДАННОМУ

и

НЕДОКОНЧЕННОМУ.

Не унывай среди томящей скуки
Движенья мелкаго минутъ,
Не унывай отъ ежедневной муки
Скрипящихъ звуковъ, пошлыхъ смутъ.
Не унывай, не находя исхода
Среди пустынной ширины
Праздношатанія людскаго рода,
Праздношатанія волны.
Не унывай и думай безъ испуга,
Что рвутся жизненные швы,
И не склоняй подъ тяжестью недуга
Полустолѣтней головы.
Спѣши въ строкахъ послѣдняго сказанья,
Гдѣ завершится жизнь сама —
Отмѣтить всю работу пониманья,
Весь опытъ явственный ума.
А тамъ умри, съ спокойнымъ чувствомъ мѣры
Вперивъ на міръ послѣдній взглядъ,
Безъ помысловъ отчаянья иль вѣры,
Безъ сожалѣній и отрадъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИЗЪ "БЫЛАГО И ДУМЪ"
(1867 — 1868)

I. Безъ связи: Стр.

Швейцарскіе виды 3
Болтовня съ дороги и родина въ буфетѣ. 13
За Альпами 17
Zu Deutch 19
Съ того и этаго свѣта 23
Живые цвѣты—послѣдняя могиканка 29
Махровые цвѣты 38
Цвѣты Минервы 42

II. Venezia la bella:

Февраль 1867 46

III. La belle France:

Anie portas 64
Intra muros 71
Alpendrücken 78
Данаиды 86
Свѣтлыя точки 93
Послѣ набѣга 95

IV. Лондонская Вольница:

Простыя несчастія и несчастія политическія. — Учители и коммиссіонеры. — Ходебщики и хожалые. — Ораторы и эпистолаторы. — Ничего недѣлающіе фактотумы и вѣчно заняты трутни. — Русскіе. — Воры. — Шпіоны . . . 100
Aphorismata 130
Еще разъ Базаровъ 141

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА

Юморъ (продолженіе) 161
Музыканту 172
Юношѣ 173
Вихрь 175
У Моря 176
Грановскому 177
Предисловіе къ неизданному и недоконченному . . . 178

PRIX : fr. 4.

PUBLICATIONS DE L'IMPRIMERIE RUSSE

КОЛОКОЛЪ (La Cloche, 1857—1867).
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА (L'Etoile Polaire) 7 volumes.
ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ (Le récits interrompus) par ISCANDER.
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ (Les lettres sur la France et Italie) (1847—1852) par ISCANDER.
СЪ ТОГО БЕРЕГА (De l'Autre Rive) par ISCANDER.
СТАРЫЙ МІРЪ и РОССІЯ (La Russie et le Vieux Monde). Письмо Искандера къ Линтону, (переводъ съ французскаго).
РУССКІЙ НАРОДЪ и СОЦІАЛИЗМЪ (Le Peuple russe et le socialisme). Письмо Искандера, къ П. Мишле, (переводъ съ французскаго).
КТО ВИНОВАТЪ? (A qui la faute?) Романъ въ двухъ частяхъ, Искандера. (Лондонское изданіе съ дополненіями).
БЫЛОЕ и ДУМЫ (Pensées et Souvenirs D'ISCANDER) 4 volumes.
ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и Н. Огарева, («Cinq Années», Articles politiques et sociaux, D'ISCANDER et N. OGAREFF) 2 volumes.
СТИХОТВОРЕНІЯ, Н Огарева, съ портретомъ автора (Poésies D'OGAREFF).
14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай (Le 14 Décembre et l'empereur NICOLAS.
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ (Recueil historique de l'Imprimerie russe à Londres) 2 volumes.
ДУМЫ К. РЫЛѢЕВА (Poésies de RYLEIEFF) съ предисловіемъ Н. Огарева.
ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ (Mémoires de la princesse DASCHKOFF), (переводъ съ англійскаго).
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (Mémoires de l'Impératrice CATHERINE II), (переводъ съ французскаго).
РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ (La littérature russe secrète du XIXe siècle).
ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА, (Mémoires de LOPOUKHINE), составленныя имъ самимъ.
ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ (Les Voix de la Russie) 9 livraisons.
ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ (Decenium de l'Imprimerie russe à Londres).
ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ (Les Mémoires des Décembriseurs) : Выпускъ I, Записки И. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.
КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ (Prince SZCZERBATOFF et A. RADISZCZEFF, съ предисловіемъ Искандера.
НАРОДЪ и ГОСУДАРСТВО П. Мартьянова (Le Peuple et l'État, par MARTIANOFF).
СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛЬНИКАХЪ (Recueil de documents officiels sur les dissidents russe), 4 volumes.
СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА (Recueil de règlements par rapport aux dissidents) 2 volumes.
ЗАПИСКИ РУФИНА ПІОТРОВСКАГО, (1843—1846) (Mémoires de ROUFINE PIOTROWSKI.

Слѣдующая книжка "Полярной Звѣзды" выйдетъ въ Іюнѣ 1869 года.